

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ярская-Смирнова В. Н.** Противоречия городского социального времени: дискурсы инклюзии и деинституционализации (постановка проблемы) 242
- Корнилова М. В.** Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей 250
- Юрасов И. А., Танина М. А.** Социальное самочувствие жителей провинциального города 260
- Свищёва И. К., Конева Т. Н.** Социальное сопровождение как ресурс повышения интеграционного потенциала инвалида 265
- Федулова А. Б.** Проблемы и возможности применения технологии «Семейные групповые конференции» в социальной работе с семьей в России 269
- Курникова М. В.** Физическая активность ребенка-инвалида как критерий социального самочувствия его семьи (теоретическое обоснование проблемы) 274
- Калугина Т. А.** Социальная адаптация иногородних студентов к вузовской среде 279

Слово молодым социологам

- Фомин А. А.** Эволюция представлений об информационном обществе в современной западной социологии 287
- Шилова М. А.** Социально-экономический потенциал ивент-менеджмента как направление высшего профессионального образования в России 292
- Сердюков К. Н.** Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 1) 295
- Красуцкая О. В.** Социальная реабилитация в контексте жизненных траекторий инвалидов 300

Политология

- Вилков А. А., Попонов Д. В., Козлова М. С., Бурданова А. С.** Ресурсный потенциал региональных вузов в сфере реализации задач общественной дипломатии 306
- Жеглова Ю. Г.** Информационное сопровождение внешней политики РФ: дефицит стратегии 313
- Пашковский П. И.** К проблеме соотношения фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности 318
- Бурганова И. Н.** Новый поворот политики ЕС в Грузии 323
- Шестов Н. И.** «Облачное» свойство структурно-функционального метода политического исследования 328
- Магомедов А. К.** Чарльз Райт Миллс: жизнь и характер как движущие силы политической науки 334
- Казаков А. А.** Политический сегмент медийной грамотности студенческой молодежи: вариант измерения 339
- Богданов А. В.** Проблема соотношения традиции и инновации в трудах зарубежных мыслителей (на примере работ О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера) 345
- Семенова В. Г., Сайханов Г. Н.** Особенности институционального оформления диаспоральных сообществ в современной России (на примере чеченской диаспоры в Саратовской области) 349
- Бахлов И. В., Бахлова О. В.** Основы идеологии нацистроительства в современной России: подходы политических партий 354

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 22.00.00 – социологические науки; 23.00.00 – политология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.08.18.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,8 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 107-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Yarskaya-Smirnova V. N. The Contradictions of Urban Social Time: The Discourses of Inclusion and Deinstitutionalization (Problem Statement)	242
Kornilova M. V. The Internet as an Adaptive Resource for Older Users	250
Yurasov I. A., Tanina M. A. Social Wellbeing of Residents of the Provincial Cities Case	260
Svischeva I. K., Koneva T. N. Social Escort as the Resource of an Increase in the Integrated Potential of Disabled People	265
Fedulova A. B. Problems and Possibilities of Applying «Family Group Conference» Technology to Social Work with Family in Russia	269
Kurnikova M. V. The Disabled Child Physical Activity as a Criterion of Family Well-Being (The Theoretical Substantiation of the Problem)	274
Kalugina T. A. Social Adaptation of Nonresident Students to the High School Environment	279

A Word to Young Sociological Scientists

Fomin A. A. Evolution of Representations about the Information Society in Modern West Sociology	287
Shilova M. A. Social and Economic Potential of Event Management as Direction of Higher Education in Russia	292
Serdyukov K. N. The Basic Paradigms of the Sociological Approach to the Study of Migration Processes (Part 1)	295
Krasutskaja O. V. Social Rehabilitation in the Context of the Disabled Life Trajectories	300

Politology

Vilkov A. A., Poponov D. V., Kozlova M. S., Burdanova A. S. Regional Universities' Potential within the Context of Implementation of Public Diplomacy's Goals	306
Zheglova Yu. Gh. Foreign Policy Information Support in Russia: Lack of Strategy	313
Pashkovsky P. I. To the Problem of the Correlation of the Facts of Accession of the Crimea to Russia and the Periods of the Russian Integration Activity	318
Burganova I. N. A New Twist EU Policies in Georgia	323
Shestov N. I. «Cloud» Property of Structural-Functional Method of Political Research	328
Magomedov A. K. Charles Write Mills: The Life and Character as a Driving Forces of Political Science	334
Kazakov A. A. Political Segment of Students' Media Literacy: An Approach to Measure It	339
Bogdanov A. V. The Problem of the Correlation of Traditions and Innovations in Works of Foreign Thinkers (On the Example of Works of A. Comte, K. Marx, G. Spencer, M. Weber)	345
Semenova V. G., Saykhanov G. N. Specific Features of Institutional Design of Diaspora Communities in Modern Russia (On the Example of the Chechen Diaspora in Saratov Region)	349
Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. Fundamentals of the Ideology of Nation Building in Modern Russia: The Approaches of Political Parties	354

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

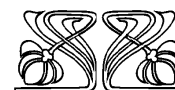
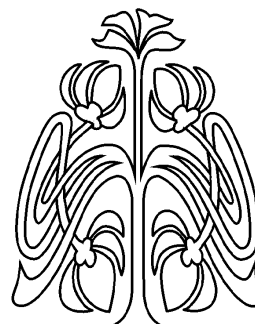
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

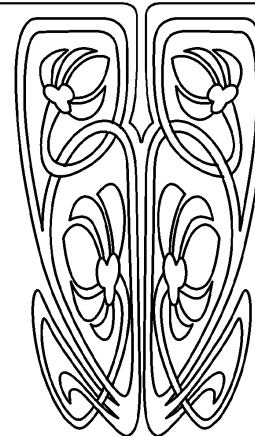
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГОРОДСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ: ДИСКУРСЫ ИНКЛЮЗИИ И ДЕИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ (постановка проблемы)

В. Н. Ярская-Смирнова

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры «Психология и прикладная социология», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., jarskaja@mail.ru

Образ времени по-новому связан с наступлением инклюзии в современной культуре городского сообщества. В статье анализируется категория социального времени города с точки зрения ее соотносённости с концептами инклюзии, деинституциализации и социальной политики. Авторская идея направлена на выявление темпоральных и социальных инструментов формирования более высокого уровня социальной справедливости, интеграции, снижения социального неравенства внутри социума с целью достижения большей устойчивости и сплочённости. Возможность интеграции в темпоральность социума выступает фундаментальным правом гражданина справедливого и демократического общества, поэтому инклюзивная культура включает предпосылку гражданства. Как сквозной случай в статье рассматриваются примеры инклюзии в политике детства и процессах деинституциализации. Соответствие городских проектов индивидуальным и групповым темпоральностям может стать инструментом перманентной профилактики дискриминации, хотя сегодня поставлены под сомнение иллюзии об отмирании классов, торжестве общества всеобщего благоденствия и процветания. Наблюдаются возрастание масштабов неравенства, уменьшение шансов для инвалидов и сирот, сиротство сжимает, укорачивает детство. Несформированность инклюзивной культуры и темпоральных представлений в российском сообществе выступает барьером, затрудняет конструирование социальной сплочённости городских социальных и профессиональных групп. Социальное время города может стать основой социальной политики нового формата, ориентированной на разнородные и особенные группы сообщества, идеологию гражданства как подхода к социальным когортам, политику инвалидности, детства, сиротства. Урбанистский акцент перемещается на процессы деинституциализации, инклюзии как условий конструирования сплочённости, интегральных характеристик городского сообщества, устремлённости к равенству прав и возможностей.

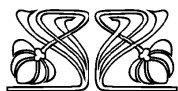
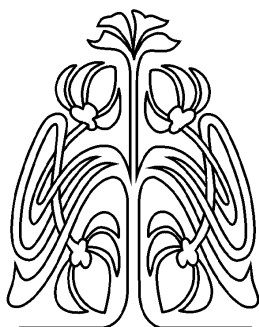
Ключевые слова: социальное время, инклюзия, сироты, деинституциализация, доступная среда.

The Contradictions of Urban Social Time: The Discourses of Inclusion and Deinstitutionalization (Problem Statement)

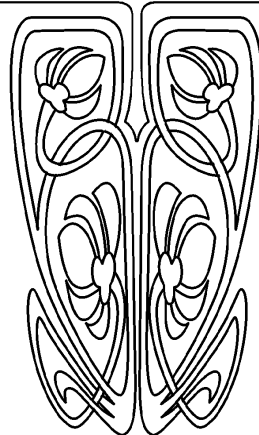
V. N. Yarskaya-Smirnova

Valentina N. Yarskaya-Smirnova, ORCID 0000-0002-1504-3439, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Polytechnicheskaya Str., Saratov, 410053, Russia, jarskaja@mail.ru

The image of time in a new way is associated with the beginning of inclusion in the modern culture of the urban community. The article analyzes the category of social time of the city in terms of its correlation with the concepts of inclusion, deinstitutionalization and social policy. The author's idea is aimed at identifying temporal and social tools for the formation of a higher level of social justice, integration, reducing social inequality within society in order to achieve greater stability and cohesion. The possibility of integration into the temporality of society is a fundamental right of a just and democratic society' citizen, so inclusive culture includes a mandatory condition of citizenship. As a cross-cutting case, the article considers examples of inclusion in childhood policy and deinstitutionalization processes. Matching urban projects with individual and group temporalities can be a

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

tool for permanent prevention of discrimination, although today the illusions of the demise of classes, the triumph of a society of prosperity are questioned. Observed increases in inequality, decreases chances of disabled people and orphans, shrinks, shortens the childhood. The nonformation of inclusive culture and temporal representations in the Russian community acts as a barrier, complicates the construction of social cohesion of urban social and professional groups. Social time of the city can become the basis of social policy of the new format, focused on heterogeneous and special groups of the community, the ideology of citizenship as an approach to social cohorts, the policy of disability, childhood and orphanhood. The urbanism accent is on the processes of deinstitutionalization, inclusion as conditions of design-unity, integral characteristics of the urban community, the aspiration for equality of rights and opportunities.

Keywords: social time, inclusion, orphans, deinstitutionalization, available environment.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-242-249

Актуальность проблематики несомненна: сплочённость профессиональных, социальных, городских страт выступает агрегированным показателем устойчивости, социальной безопасности¹. Кроме того, последние годы мы перестраиваем наше понимание времени² и сопровождающий его концептуальный аппарат. Новым представлением о процессуальных компонентах инклюзивной культуры и сплочённости общества выступают процессы социальной интеграции, инклюзии и солидарности, которые взаимосвязаны как логическое продолжение друг друга³. Социальная инклюзия по содержанию означает демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество, общие темпоральности образовательного и трудового процесса, преодоления географических неудобств, субкультурных различий и сегрегаций с целью приобщения к определённой социальной или культурной действительности. В широком смысле – это вовлечение молодёжных субкультур, молодёжи с отклонениями в развитии, социальных сирот в различные спортивные и туристические программы, образовательную и досуговую среду.

Дискурс сплочённости, концентрации внимания на темпоральности социально уязвимых групп населения может стать инновацией в стратегии современной социальной политики, молодёжной политики, политики детства. Это противоположность эксклюзии, исключению, неравенству и насилию в пространствах образования, воспитания, занятости, трудоустройства, региональном экономическом дисбалансе, в колониях, тюрьмах, школе, семье. Знание социальных противоречий и способов их преодоления является необходимым условием социальной политики, фактором развития инклюзии, устремления к социальному равенству. И результатом исследования данной проблемы может выступить разработка модели многофункционального темпорального статуса профессионального кластера в урбанизированном сообществе. Анализ соци-

альных эффектов городского развития, его предназначения и миссии в логике инклюзивного дизайна направлен на смягчение дискриминации отдельных групп, формирование новых темпоральных коммуникаций.

Другая сторона проблемы связана с насыщенностью любого города *маломобильными и уязвимыми когортами*, разрастанием неравенства между группами и одновременно – противоречивой диспропорцией социальной и технологической составляющих комплекса компетенций, формируемых в процессе образования, не отражающих современного социального запроса к содержанию городских профессий и самой стратификации. Процесс ренессанса профессии инженера, например, связан с необходимостью смены парадигм урбанистского подхода⁴, модели профессиональных важных и личностных качеств специалистов, креативного преобразования городской жизни, восхождения внимания к юным городским стратам и уязвимым когортам. Службы, обладающие инклюзивной культурой, рассматривают каждого юного человека как клиента, который может рассчитывать на сопереживание, сотрудничество, чувство доверия. Вместе с тем инфраструктура городских учреждений социальной защиты молодёжи и детства в субъектах Российской Федерации, имея обязательный минимум служб, развита недостаточно: не хватает специализированных служб – молодёжных бирж труда, служб доверия, центров молодой семьи, подростковой занятости, работы с группами риска.

Время конвергенции и дивергенции глобальных, групповых или микросоциальных процессов включает общепринятые представления о темпоральности процессов, воспроизводимых культурными кодами в актах коммуникации, прерывистой последовательности и непрерывности гетерогенных моментов⁵. При переходе темпоральности в повседневность заметны неравномерность, цикличность, концентрированность течения социального времени на событиях в жизни сообщества. Так, изменение отношения к детям-инвалидам и детям-сиротам оказывается значимым для времени города: темпоральное измерение демонстрирует пересмотр свойств социальной структуры как статической формы и переход к динамике взаимообусловленных социальных интеракций. Инклюзивная культура при этом выступает фактором формирования социальной сплочённости, исследования которой в контексте инклюзии проводились нами в течение ряда лет.

Социология уходит от традиционной классической парадигмы, рассматривая временные отношения как фундамент воспроизводства социальных институтов, форм и масштабов гиденсовской дистанциации⁶. В последнее десятилетие тема российских детских домов, детей-инвалидов и детей-сирот пробудила широкое общественное внимание, а проблема устройства сирот и детей, оставшихся без попечения роди-

телей, рассматривается государством в качестве ключевого вопроса социальной политики в области семьи и детства. Это – нелинейный процесс рекомбинации, координации социальной деятельности вне локальных контекстов. Логично представить теоретико-методологические основы модели инклюзивной культуры города и социальной сплочённости независимо от удалённости в городском социуме, но в зависимости от качества жизни в темпоральном контексте.

Так и не решено противоречие нашего общества: особенные люди – с отклонениями в развитии – оказываются депривированными, а их социальное время – разорванным. Лица с ограниченными возможностями здоровья, дети-сироты, бедные, неблагополучные семьи, мигранты, люди без определённого места жительства в силу социокультурных, экономических причин исключены из общественных отношений. Это не способствует сплочению отдельных групп и индивидов – наоборот, усиливает разобщение, воспроизводство социальной несправедливости, маргинализацию социальных когорт. В результате не решается глобальная проблема – социальная интеграция особенных детей и подростков и устранение социального исключения.

Недавно было проведено исследование под нашим руководством, в котором анализируется процесс деинституционализации коррекционного образования на примере городских школ⁷, в котором обозначены противоречия времени образования особенных детей. Судя по результатам опроса, большинство родителей детей-инвалидов отмечают, в отличие от официальных агентов срочного реформирования, что коррекционная школа оказывает положительное воздействие на развитие и воспитание детей с особенностями развития. Хотя понятно, что деинституционализация системы коррекционного образования способствует компенсации проблем со здоровьем юного горожанина, его адекватного вхождения в социум, эти процессы в массовых школах выполняются пока на формальном уровне, не позволяя достичь социальной инклюзии. В школьной практике по-прежнему присутствуют физические и психологические барьеры, тормозящие социальную интеграцию детей-инвалидов. Отсутствует специальная техническая база для проведения занятий с особенными детьми, а педагоги не имеют специальной подготовки. Большинство образовательных учреждений ограничивается созданием пандусов и специальных звонков, отсутствуют лифт для маломобильных людей и программное обеспечение для обучения детей с нарушением слуха и зрения.

Несмотря на формальное обращение к идеям инклюзии, образовательная система пока по-прежнему основана на привычных практиках, создающих комфортные условия лишь для школьников, не имеющих проблем со здоровьем. Чтобы оставаться жизнеспособным в двадцать первом

столетии, анализ временных основ как движущих сил современного социума должен составлять важнейший элемент критической теории общества. Ведь время не потребляется как пассивный объект, оно не только формируется социальными процессами, но и выступает субъектом активного воздействия на социум, показывает изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим. Становятся достижимыми результаты, завершаются масштабные проекты, время сжато, как пружина, темпоральности отдельных индивидов, социальных групп и общностей связаны с прогнозированием будущего. Противоречия между различными формами времени – биологическими, психологическими и социальными внутри социальной общности, представлены в механизмах формирования *темпоральных стратегий*⁸. Наряду с инклюзивной культурой социальное время становится важным элементом управления в системе деятельности.

Кроме того, социальное время несёт в себе социальную жизнь, пронизанную противоречиями и неравенством разного вида и типов, означая порой обычное разнообразие, ценностные предпочтения, жизненные стратегии, смыслы и выбор. В этом контексте важно обращение темпорализма к высокой социетальной значимости проблематики социальной инклюзии как профилактики неравенства и противоречий. Ранее, привлекая концепт социального времени в дискурс молодёжи, опираясь на полученные результаты серии исследований в области инклюзии, молодёжной политики и социальной сплочённости, мы провели анализ инклюзии как интегрирующего принципа конструирования молодёжной политики, индивидуализации подхода и необходимого условия работы с молодёжью⁹. В такой методологии гораздо подробнее будут проработаны вопросы проблемных молодёжных когорт, реально существующих вне молодёжной политики. В итоге для любой возрастной и социальной группы модель социальной сплочённости невозможна без инклюзии, контекста времени неравенства, социальной интеграции.

Было обосновано значение инклюзии как ресурса социальной, миграционной и молодёжной политики, активности времени в контексте виртуальных социальных сетей, справедливости российского общества. Новизной подхода стали рассмотрение перспективы молодёжной политики с позиции культурной гибридации, анализ проблематики в ракурсе теории поколенческой динамики, интерпретация поколенческого подхода. Можно теперь предсказать лидирующую роль инклюзивной культуры времени урбанистического общества в формировании национальной безопасности. В любом случае работа с городской молодёжью вырабатывается на пути ухода от патернализма, нормативистского дискурса, идеологии сегрегации к принципу социальной солидарности и формированию социальной инклюзии.

В анализе параметров социальной сплочённости населения провинциального российского города важна демонстрация построения работы с городской молодёжью с учетом принципов инклюзивной культуры, понимания дифференциации социального времени, уязвимости отдельных групп молодёжной когорты, необходимости социальной интеграции. Социально-психологический контекст темпоральности характеризует отношения внутри поколенческих, социальных и профессиональных групп, определяет их благополучие, общие цели, ценности. Разница в восприятии и оценке времени зависит от самых разных факторов: места жительства (крупный город или провинция), профессиональной принадлежности, образования, возраста, ценностных предпочтений. Задача – показать множественности типов социального времени, свойственных различным социальным классам, их специфические временные шкалы и уровни. Ценности, возраст и профессия в таком случае правят бал, формируя характеристики и свойства. Например, темпы жизненной деятельности такой социальной группы, как пенсионеры, зависят и от того, в какой именно стране они проживают, чем они занимались в прошлом, от семейных факторов.

Это соответствие даже в техногенной цивилизации открывает путь к пониманию времени в социальном формате с привлечением аксиологической окраски. В столкновении интересов представителей разных социальных групп кто-то может остаться обделённым в праве на город¹⁰, что означает пересечение с традиционной позицией, видевшей в городском устройстве признаки развития конфликтов. Сегодня стало возможным подойти к выявлению показателей социальной инклюзии как решению урбанистических задач. Никакой элемент не функционирует и не придаёт смысла, иначе как отсылая к какому-то прошлому или будущему, стабильность, проистекающая из равномерности, уходит в прошлое. В этом случае качественное изменение социального времени характеризуется сплочённостью как условием активности совокупности индивидов, ориентированных в поступках сходным образом, доверием, направленностью интересов.

На социетальном уровне определяется действие двойной временной шкалы: с одной стороны, иерархически определённое и унифицированное время социальной структуры, с другой, более гибкое время самого сообщества и отдельных городских когорт. Это даст возможность апробировать темпоралистскую систему показателей социальной значимости профессии, оценки качества образования, задающего векторы темпорального развития профессии и технологического подъёма российского сообщества, дать описание многообразия жизненного мира профессионалов. Социальное государство должно развивать в урбанистической политике инжиниринговый каркас эконо-

мики применительно к человеку, а не наоборот – приспособлявая человека к инженерной инфраструктуре и экономике. Обратим внимание на рост значения рынка и гражданского общества, минимизацию нуждающихся в поддержке, борьбу с бедностью¹¹, хотя подобные процессы детерминированы, в том числе и несовершенством законодательства.

За последние века изменились скорость социализации и взросления, отдельные этапы жизненного пути, детства, юности, старости. Давно замечено неравенство между семьями и даже внутри семьи и, конечно же, неравенство между детьми, живущими в семье, и сиротами. К тому же различия временной ориентации, толкования образов времени и современности между группами российского общества затрудняют преодоление аномии, формирование ценностей и социальных норм. Между тем государственная социальная политика, за исключением отдельных шагов социальных ведомств и служб, де-факто ориентирована на социальное время оторванности, изоляции от социальных контактов, коррекционные учреждения, недостаточный уровень образования и конкурентоспособности, затруднения в выборе профессии для людей с ограниченными возможностями. При этом ограничение не включает лишь физические причины – это могут быть возрастные, интеллектуальные и ситуационные параметры.

Когда появился интерес к психологии развития (на Западе и затем в России), общественное беспокойство по поводу условий в детских домах вылилось в политику деинституционализации. Российские детские дома разделены на две институциональные ветви: учреждения для детей-инвалидов (как для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, так и для не-сирот) и учреждения для детей без инвалидности. Не только укороченное время детства бедных семей и находящихся в социально опасной ситуации (а не *социально опасных семей*, как произносят чиновники), но и сжатая темпоральность детей с ограниченными возможностями и социальных сирот к началу самостоятельной жизни оказываются мизерным и негативным социальным багажом. Можно всё ещё уверенно говорить о нерешённости проблем социальной адаптации субкультур сирот и инвалидов с целью их социальной интеграции в здоровом жизненном пространстве города. В дело вмешивается ещё и городская среда, которая доступна далеко не всем городским и возрастным когортам, замедляя мобильность и одновременно ещё более укорачивая их социальное время. В условиях современной российской действительности городское пространство рассматривается как зона отчуждения, дистанцирования людей друг от друга, группы именуется как маломобильные – не только инвалиды, но и пожилые люди, женщины с детьми, люди с ослабленным здоровьем. Именно городское простран-

ство становится пространством воспроизводства дискриминации уязвимых групп населения.

Официальные практики в направлениях семейной политики идут по пути придания официального статуса замещающим семьям, но наряду с сохранением специальных учреждений, а не последовательной инклюзии, интеграции в образовании либо трудоустройстве особенных юношей и девушек. Несмотря на имеющиеся позитивные изменения в жизнедеятельности воспитанников интернатов и детдомов, появление возможности социального развития в инклюзивном образовании, механизмы социализации, подготовки к самостоятельной жизни по-прежнему оставляют желать лучшего. Дисфункциональные изменения социальных институтов запускают процессы дестабилизации детства и юности, не спешат продлить запоминающийся период жизненного пути. Помимо расширения внутренней свободы группы или индивида в качестве внешней свободы передвижения теперь привлекается понятие мобильности¹². Актуальность проблемы для социальных наук как раз и проявляется в необходимости поиска методологических оснований исследования социальной мобильности городских групп в контексте современных вызовов социальной реальности, задающей векторы темпорального и стратификационного развития урбанистического сообщества.

Сиротство – сложное социальное явление, неизбежный спутник аномии общества, проблематичности перспектив сохранения социального порядка. Выпускники спецшкол или интернатных учреждений не попадают в поле зрения мероприятий по рекрутингу в молодежные акции, характеризуются депривированностью, несформированной идентичностью, незаконченной социализацией, подтверждая маргинальность, неустойчивость социального статуса. При этом они пользуются бенефициями сиротского статуса, продлевая положение учащихся учреждений профессионального образования с гарантиями временного жилья и государственного обеспечения¹³. Фактически в такого рода работах видное место занимают исследования на уровне темпорального сознания, в континууме городской социализации сироты рассмотрено три временных периода: доинтернатный, интернатный и постинтернатный. Добавим и два адаптационных этапа: к условиям замещающей заботы и самостоятельной жизни, социальной интеграции.

Жизненное время воспитанников в интернатных условиях имеет множество режимных моментов с избытком педагогического воздействия и навязанной референтностью взрослых, вырабатывает зависимую социальную позицию. Важно предпринимать меры преодоления унифицированной модели социализации детей в интернатных условиях и формирования индивидуальной стратегии жизненного пути. Воспитанники нового, последнего потока отличаются

более широким кругозором и социально-бытовыми притязаниями, становится меньше детей алкоголиков, больных наследственными заболеваниями, но все они – традиционно депривированы от институтов социализации и отличаются деформацией идеалов, установок, ценностей. Эти дети характеризуются как социально дезадаптированные с разрушенными связями и деформацией личностных структур.

И получается, что дети в городе – это не только дети горожан, подростки, школьники обычных школ и обычных семей. Это ещё и дети из городских интернатов и детских домов, сироты, они занимают особое место как важная задача институционального регулирования социальной политики. Уязвимым группам необходимы сплочённость времени города и социальная инклюзия для включения в социальную и трудовую жизнь, сложный путь к мобильности индивидов, требующий длительного периода согласованных и последовательных действий социальных агентов. Среди масштабов материализованных объектов урбанистики и разнообразного её субъектного воплощения становится актуальным обнаружить отдельные страты – и детей, в том числе воспитанников интернатов, и городскую инженерию. Ведь в традиционных исследованиях городских проблем, неравенства и конфликтов, социальных траекторий и конфигураций темпоральности когорты представителей отдельных возрастных групп и профессий в плазме города не становились предметом систематического междисциплинарного исследования.

Не так давно опубликован обобщённый монографический труд по сиротству в России¹⁴, он рассматривает сиротство с позиции институционального подхода и анализа зарубежного опыта. Актуальность темы связывают с временем изъятия детей из биологических семей, несовершенством законодательной базы, регулирующей постинтернатное сопровождение выпускников стационарных учреждений и замещающих семей. Выделяются стигматизация темпоральности сирот как имеющих генетически обусловленную предрасположенность к девиациям; культурно обусловленная непопулярность воспитания неродных детей при наличии собственных; общее снижение роли родительства в иерархии ценностей молодежи.

Сложная ситуация с временем детства охватывает достаточно большую часть социального российского пространства. Кроме инвалидов и подростков, оставшихся без попечения родителей, терпящих бедствие юноши с ограниченными возможностями и сирот, это ещё и семьи с низкими доходами, и так называемые малые народы, попавшие в пограничную ситуацию. И молодые люди ещё не так давно вливались в *бригады*. Посещая исправительные колонии с Комиссией по вопросам помилования, мы убедились, что большинство выпускников сиротских

учреждений пополняли контингент пенитенциариев (исключение вроде отдельных детдомов лишь подтверждает правило). Хотя сейчас развиваются процессы обновления содержания и технологий воспитания, внимание наконец-то уделяется социальной адаптации и сопровождению выпускников в постинтернатный период, по-прежнему постинтернатное время подобно постпенитенциарному – слабое темпоральное звено, и подростковая преступность воспитанников детских домов долго оставалась заметной.

Известна опасность времени спецшколы, интерната как массовой школы: оно навсегда приводит к жизненному неуспеху, подчёркивая индивидуальные отличия от благополучных сверстников. Проблемная когорта вынуждена покидать время детдома или спецшколы и переходить к времени взрослой жизни, когда сталкиваются факторы социальной интеграции и сегрегации. Подросток априори инфантилен, его субъективное время усиливает маргинализованную идентичность, изоляция времени этих когорт проходит путём лишения молодых людей доступного оборудования, услуг и уважения. Чтобы повысить качество жизни этих подростков, в фокусе перемен должна оказаться интеграция времени проблемных когорт, неформалов, сирот, испытывающих эффект социально-экономической и психологической депривации. Это и будет самое лучшее постинтернатное сопровождение.

Если учреждения и организации сиротства рассматривать как социальный институт, то появляется потребность разработки и научного обоснования модели его деинституциализации, этот процесс может быть обозначен в контексте теорий институционализма. Концептуальным здесь выступает понятие замещающей семьи как структуры, в которой используется любая форма семейного жизнеустройства детей. Основной проблемой оказалось противоречие между масштабными трансформациями социального института сиротства, обусловленными политическими, экономическими, демографическими и культурными факторами, с одной стороны, и недостаточным уровнем технологий, отсутствием модели деинституциализации, с другой.

В формировании комплексного подхода к изучению социального института сиротства приняли участие известные отечественные авторы¹⁵. У несовершеннолетних, проживающих в детских домах, в отличие от их ровесников, растущих в семьях традиционного типа, не только наблюдаются физические, умственные и психические проблемы развития, но и формируются специфические черты, позволяющие приспособиться к времени интернатного учреждения и не способствующие адекватной адаптации в социуме. В прогнозировании будущего, жилищных и материальных условий жизни необходимо рассматривать воздействие города на социальное время не только различных социальных страт и

слоёв, но и разных поколений, в том числе поколений депривированного детства.

Ключевая задача – концептуализация индивидуальной и групповой темпоральности, благополучия всех городских когорт, а также инклюзивных свойств политики городского антидискриминационного развития в контексте мониторинга урбанизированного времени. Задача конкретизируется в анализе городских услуг и темпоральных практик, аккумулирующих продукты и продуцирование инженерных усилий, типы социальных коммуникаций и право на благополучие и мобильность, в том числе уязвимых групп. Фактор городского благополучия позволит, к примеру, планировать время с учётом городской инфраструктуры, универсального дизайна городской среды и возможностей самореализации, в этом проявляется относительность переживаемого времени жизни. Такова модель урбанистического темпорализма (урбанизированное время) в ракурсе инклюзивной культуры.

Методологической основой данного подхода выступает представление о том, что уровень социальной сплочённости в российском контексте детерминирован темпоральными особенностями социальной политики, ведь её меры чаще всего ориентированы на повышение социального благополучия населения за счёт выплат и льгот. В рамках урбанистического подхода город может оказаться как платформой для формирования сплочённости, так и наоборот – может производить процессы неравенства и дискриминации. Группы перерастают уровень повседневного общения, трансформируясь в профессиональное влияние на аудиторию самореализации, креативности, социального доверия представителям профессионального сообщества как условий реализации созидательного потенциала городского сообщества. Эти процессы определяют соответствие реализуемых в городе проектов индивидуальным и групповым темпоральностям, становясь инструментом перманентной профилактики социальной дискриминации и неравенства. Новым аспектом выступают тематизмы социального гражданства, темпорального статуса в региональном контексте, соответствия профессиональной успешности социальным запросам.

Международная тенденция деинституциализации сиротства показала, что используемые в разных государствах социальные практики нуждаются в осмыслении через призму социального времени и культурно-исторического потенциала российских регионов. Время высокого уровня безработицы в низкоурбанизированных территориях, отсутствие мотивации сотрудников государственных и общественных структур, низкая степень социальной ответственности институтов гражданского общества сопровождаются отсутствием региональных мониторингов выявления причин, тормозящих развитие традиционных и инновационных семейных форм жизнеустрой-

ства сирот. Анализируя практику работы с детьми, оставшимися без попечения родителей, в развитых зарубежных странах, авторы предполагают адаптировать этот опыт к российскому менталитету, усыновлению приемными семьями. В странах Европы и Северной Америки с давних пор основным направлением социальных служб является как раз предупреждение социального сиротства, оказание психологической помощи семьям группы риска, вовлечение их в коррекционную работу.

Если мы поймем причины разобщённости городского населения, то получим толчок для разработки оптимальных способов формирования разнообразных мобильностей и благополучия. Неоднозначность и полифония городской жизни соответствуют темпоральному разнообразию, статусу различных когорт населения – не только городской интеллигенции, в том числе студентов и преподавателей вузов и колледжей, воспитателей особенных детей, но и конструкторов, строителей городских комплексов различного предназначения, мостов и сооружений, сотрудников управленческих офисов и заводских инженеров, специалистов информационных сетей, воспитателей детских учреждений.

Интенсификация институциональных трансформаций в системе защиты детства связана с интеграцией России в международно-правовой институт обеспечения прав детей и активной модернизацией социальной сферы¹⁶. Многократные обращения первых лиц государства к вопросам благополучия детей, лишенных родительского попечения, присвоили сфере защиты детства статус государственной проблемы. Социальное государство обязано защищать права детей, исходя из приоритета гражданственности, конструируя социальное самосознание нации. Ведь выросшие дети-сироты не имеют жизненных навыков: как правило, это безработные, большинство из них живут за чертой бедности, лишь единицы находят место в жизни.

Деинституционализация детских домов обсуждается уже не первый год, серьёзная дискуссия проведена не так давно редакцией Журнала исследований социальной политики. С принятием Постановления правительства № 481 в России начался новый этап развития системы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Этот нормативный документ вступил в силу в сентябре 2015 г., а первый опыт его применения, по сути, появляется только сейчас. Эксперты рассматривают это как закономерный этап в эволюции российской системы устройства детей либо как реакцию на ухудшение положения детей с введенными в 2012 г. ограничениями на иностранное усыновление. Детские дома переориентируются с содержания детей до совершеннолетия в закрытом учреждении на использование возможностей проживания в кровной или замещающей семье. Позитивный мо-

мент: дети находятся в организациях временно и должны быть устроены в семьи. Там проводят школы приемных родителей, создают службы по сопровождению семей, появляются постоянные воспитатели, совместно проживают братья и сестры, детей готовят к выполнению домашних обязанностей. Важно учитывать отражение правовых инноваций на взаимодействиях микроуровня в институтах, которые регулируются согласно Постановлению № 481, декларирующего новый виток деятельности учреждений – уже не детских домов, а центров семейного устройства. Уходим от стигмы *детский дом*, система требует реформы, оказалось, институциональные учреждения можно реформировать.

Речь не только о функциональной, но и о социальной компетентности, социальное образование реализует в своих программах принципы социальной политики, при этом социальное государство как система институтов, идеологий и практик, оформляющих повседневную деятельность и социальные границы между людьми, неравенства не устраняет. Не только особенные дети, но и в целом молодёжь испытывает социальное неравенство и нарушение прав. Необходима адаптационная работа в службе занятости – среди безработной молодёжи существуют группы, подверженные дискриминации, это имеет следствием отчуждение от возможности занятости, барьеры профессиональной идентификации, отсутствие установки на успех. Новые вызовы социальной и экономической реальности диктуют времени форму как порядок следования, а тем самым смысл и направленность, расширение содержания профессии способностью профессионала к исследовательской и предпринимательской деятельности, межкультурной коммуникации, социальной компетентности, инклюзивной культуре.

Подведем итоги. Наша идея направлена на выявление темпоральных и социальных инструментов формирования более высокого уровня социальной справедливости, интеграции, снижения социального неравенства внутри социума с целью достижения инклюзивной культуры, большей устойчивости и сплочённости. Возможность интеграции в темпоральность социума является фундаментальным правом гражданина справедливого и демократического общества, в связи с этим инклюзивная культура включает и предпосылку гражданства. Соответствие городских проектов индивидуальным и групповым темпоральностям станет инструментом перманентной профилактики дискриминации, хотя сегодня поставлены под сомнение иллюзии об отмирании классов, торжестве общества всеобщего благоденствия и процветания среднего класса. Наблюдается возрастание масштабов неравенства, уменьшение шансов для инвалидов и сирот, сиротство сжимает, укорачивает детство. Социальное время города может стать основой

социальной политики нового формата, ориентированной на разнородные и особенные группы сообщества, идеологию гражданства как подхода к социально неоднородным когортам, политики инвалидности, детства и сиротства.

Время инклюзии меняет молодёжную, социальную, миграционную, образовательную, этнокультурную и семейную политику, представляя рекомендации по формированию инклюзивной культуры современного города. Несформированность инклюзивной культуры и темпоральных представлений в российском сообществе выступает барьером, затрудняет конструирование социальной сплочённости и городских социальных, и профессиональных групп. Урбанистский акцент поэтому перемещается на процессы деинституциализации, инклюзии как условия конструирования сплочённости, интегральных характеристик городского сообщества, устремлённости к равенству права и возможности. Необходимо освещать инклюзивную культуру как стратегию времени социальной мобильности, альтернативу препятствиям и социокультурным барьерам национальной социальной политики, противоречивым дискурсам, дискриминации и неравенству.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-18-00321).

Примечания

- 1 См.: Социальное время как организатор сплочённости в контексте инклюзивной культуры : состояние, измерение, модель / И. В. Бабаян [и др.] ; науч. ред. В. Н. Ярская. Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т, 2017.
- 2 См.: Ярская В. Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. М. : Вариант, 2015.
- 3 См.: Социальная сплочённость как категория темпорализма в контексте современности / науч. ред. В. Ярская-Смирнова. М. : Вариант, 2017.
- 4 См.: Ярская-Смирнова В. Социально-урбанистский дискурс инженерной темпоральности // Инноватика + паблисити. 2017. № 2. С. 36–37.
- 5 См.: Gurvitch G. The Problem of Time (From Georges Gurvitch, The Spectrum of Social Time. Dordrecht : Reidel, 1964) // The Sociology of Time / ed. by J. Hassard ; University of Keele. L. : Macmillan, 1990 ; *Idem*. The Spectrum of Social Time. Dordrecht – Holland : D. Reidel Publishing Company, 1964.
- 6 См.: Ярская В. Н. Темпорально-смысловая дистанциация в поле социальной сплочённости (опыт анализа социальных сетей) // Социологический журнал. 2017. № 1. С. 14–24.
- 7 См.: Нефедина О. М. Образование детей-инвалидов в современном городе // Урбанистика : опыт исследований, современные практики, стратегия развития городов : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т, 2017. С. 285–287.
- 8 См.: Амбарова П. А. Управление временем : смена управленческой парадигмы // Изв. УрФУ. Сер.1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1. С. 132–144 ; *Ее же*. Социальное время в контексте современного социологического знания // Вестн. СурГПУ, 2015. № 2. С. 13–24.
- 9 См.: Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью : сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь / редкол. : В. Ярская (науч. ред.) [и др.]. М. : Вариант, 2016. С. 56–67.
- 10 См.: Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3 (66). С. 80–94.
- 11 См.: Ярская В. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент : проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 1. С. 11–28 ; *Bauman Z.* Work, consumerism and the new poor. Philadelphia : Open University Press, 1998. P. 45–62 ; *Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Minneapolis : Univ. of Minnesota, 1998.
- 12 См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2004 ; *Урри Дж.* Социология за пределами обществ : виды мобильности для XXI столетия : пер. с англ. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2012.
- 13 См.: Скатова В. В. Методологический анализ процесса социализации воспитанников сиротских учреждений // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 312. С. 54–57.
- 14 См.: Бессчётнова О. В. Сиротство в современном российском обществе : институциональные аспекты / под ред. О. А. Волковой. Саратов : Саратовский источник, 2016.
- 15 См.: Ловцова Н. И., Нелюбова Я. К. Межведомственные противоречия в системе защиты детей, оставшихся без родительского попечения // Социальная политика и социальное партнерство. 2011. № 2. С. 4–78 ; Ярская-Смирнова Е. Р., Присяжнюк Д. И., Вербилович О. Е. Приёмная семья в России : публичный дискурс и мнения ключевых акторов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 4 (81). С. 157–173
- 16 См.: Ярская-Смирнова Е. Р., Присяжнюк Д. И., Вербилович О. Е. Указ. соч. С. 168–173.

Образец для цитирования:

Ярская-Смирнова В. Н. Противоречия городского социального времени: дискурсы инклюзии и деинституциализации (постановка проблемы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 242–249. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-242-249

Cite this article as:

Yarskaya-Smirnova V. N. The Contradictions of Urban Social Time: The Discourses of Inclusion and Deinstitutionalization (Problem Statement). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 242–249 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-242-249

УДК 316.4

ИНТЕРНЕТ КАК АДАПТАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПОЖИЛЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

М. В. Корнилова

Корнилова Марина Валерьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва, mmrr@mail.ru

В статье рассматриваются особенности использования Интернета старшей возрастной группой населения России. Сравниваются показатели включенности в интернет-пространство в двух группах: молодежи и пенсионеров. Это дает возможность проанализировать степень «ресурсности» Интернета для двух «крайних» по критерию возраста социальных групп, оценить, какие возможности Рунет предоставляет юзерам и как они используются в разных возрастных группах. Выявлены ресурсы адаптации пожилых пользователей и тех, кто не пользуется возможностями Глобальной сети. Установлено, что группа пользователей Интернета является сильноресурсной, непользователей – слаборесурсной.
Ключевые слова: неопределенность, ресурсы адаптации, пользователь Интернета, пенсионеры, риск, социальная исключенность.

The Internet as an Adaptive Resource for Older Users

M. V. Kornilova

Marina V. Kornilova, ORCID 0000-0002-9989-6884, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia, mmrr@mail.ru.

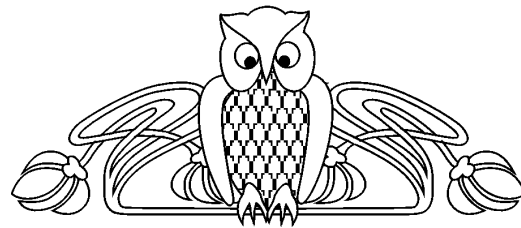
The article deals with the peculiarities of the use of the Internet by the older age group of the Russian population. The indicators of participation in the Internet space in two groups: youth and pensioners are compared. This makes it possible to analyze the degree of “resource” of the Internet for the two “extreme” groups according to the age, to assess what opportunities Internet provides users and how they are used in different age groups. The resources of adaptation of elderly users and those who do not use the opportunities of the global network are identified. It is established that the group of Internet users is highly resource, not users – weakly resource.

Key words: uncertainty, adaptation resources, Internet user, pensioners, risk, social exclusion.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259

Специфика образа жизни пожилых: проблемы и риски

С увеличением продолжительности жизни в развитых странах возрастает доля пожилых в общей структуре населения. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2016 г. общая численность населения, постоянно проживающего на территории Российской Федерации, составила 146,5 млн человек. Количество постоянно проживающего на-

селения РФ старше трудоспособного возраста на начало 2016 г. составило 36 млн человек¹.

При этом доля населения моложе трудоспособного возраста – 57,4%, трудоспособного возраста – 24,6%². Таким образом, почти каждый четвертый россиянин еще в 2016 г. уже входил в группу пожилых.

Забота о старшем поколении – один из приоритетов государства. А повышение благосостояния пенсионеров и увеличение охвата пожилых социальными услугами – главная задача системы социальной защиты. Трудность состоит в том, что когорта пожилых неоднородна, следовательно, решить проблемы всех пожилых универсальным способом невозможно. Среди пожилых есть работающие и закончившие трудовую деятельность, дееспособные и недееспособные, «молодые» и долгожители, семейные и одинокие пенсионеры, пассивные и активные.

Проблемы и риски, в отношении которых люди старшего возраста наиболее уязвимы, возрастают, а багаж ресурсов адаптации пожилых граждан к этим рискам с возрастом снижается.

Исследования показывают, что пожилых отличают специфические риски, в частности риск социальной исключенности, который характерен в большей степени для одиноких и по своей значимости уступает лишь риску бедности и материального неблагополучия. Однако даже при наличии семьи: детей, внуков и других родственников, пожилые люди нередко одиноки и беспомощны.

С годами здоровье человека ухудшается, и если для людей 55–60-летнего возраста это связано с ослаблением работы органов чувств: зрения, памяти, слуха, то для стариков старше 80 лет потеря здоровья выражается уже в снижении двигательной активности, утрате возможности к самообслуживанию, потере ориентации в пространстве и времени.

Использование Интернета может выступить как ресурс адаптации к специфическому образу жизни пожилых, как способ снижения их уязвимости по вышеперечисленным характеристикам.

В России пожилых пользователей Интернета в разы меньше, чем в большинстве европейских государств³. Доля пожилых россиян-пользователей Глобальной сети в несколько раз ниже, чем в более молодых возрастных группах. Установлено и эмпирически подтверждено, что компьютер и Интернет предоставляют целый

спектр новых положительных возможностей для пожилого человека. Они становятся средством коммуникации, формой проведения досуга, поиска работы, покупки товаров и услуг. Однако наряду с удобством доступность виртуального пространства усиливает и уязвимость пользователей, приводя зачастую к нежелательным последствиям, к рискам.

Исследователи установили двойственность последствий использования интернет-технологий, амбивалентность самой природы этого феномена. Обосновано наличие как явных, в той или иной мере осознанных пользователями рисков, поддающихся предотвращению и минимизации ущерба, так и «латентных рисков»⁴, скажем так, скрытых дефектов, проявляющихся уже на этапе наличия ущерба и потерь, которые просчитать заранее было невозможно.

Риски интернет-пространства изучаются как в масштабах кибер-безопасности страны⁵, так и в отношении уязвимости различных категорий пользователей; установлены как общие для всех, так и специфические. Наиболее изучены риски, которым подвержены дети, подростки, молодежь. Это, прежде всего, интернет-зависимость⁶.

Специфика взаимодействия с Интернетом пожилых пользователей – наименее изученный аспект интересующей нас проблематики. Между тем в последние годы рост интернет-аудитории обеспечивается именно за счет увеличения количества пожилых пользователей. В имеющихся публикациях анализируются: цели выхода этой категории населения в Интернет⁷, включенность в социальные сети⁸, контент сайты, ориентированные на потребности пожилых людей⁹, что отражает положительный аспект возможностей интернет-ресурсов для аудитории старшего возраста. Описываются и нежелательные последствия: проблема социального исключения¹⁰, информационного неравенства пожилых¹¹, а также кибер-уязвимость, о которой они, как правило, даже не задумываются¹².

Феномен социального исключения пожилых в интернет-пространстве исследователями понимается как отторжение, вытеснение из информационного поля, проявляющееся во внутреннем сопротивлении и/или под воздействием внешних неблагоприятных факторов.

Целью данной статьи является анализ ряда показателей, отражающих феномен социального исключения пожилых, в том числе и в интернет-пространстве, описание ресурсов и практик успешной адаптации к такой ситуации.

Эмпирическая база и методы анализа

В статье использованы данные 25-й волны (2016 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом

«Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН¹³. Мониторинг проводится по многоступенчатой территориальной выборке, репрезентирующей население России.

В исследовании ежегодно принимают участие более 12,5 тыс. респондентов разных возрастных групп, проживающих в стране, 30% которых составляют пожилые люди: в возрасте 55 и более лет – женщины, мужчины – в возрасте 60 и более лет.

Для целевого анализа из общего массива респондентов была выделена совокупность по описанному выше возрастному критерию, численность которой составила 3742 человека. На рис. 1 представлена возрастная структура сформированной совокупности респондентов.

Гендерный состав респондентов – 27% мужчин и 73% женщин, что примерно соответствует половозрастной структуре пожилого населения России в целом. Средний возраст – 68,6 лет. Инвалидность имеют 23,6%. Уровень образования невысокий: средняя школа (в том числе неполная) – 25,3%, профессиональные курсы (рабочие специальности) – 8,1%, ПТУ – 14,3%, техникум – 27,9%, высшее образование – 23,9%, ученая степень – 0,5%. Почти две трети опрошенных пожилых женщин (63,1%) и четверть мужчин (24,5%) на момент опроса в браке не состояли. У более 90% респондентов обоего пола есть дети в возрасте старше 18 лет.

Анализ эмпирических данных производится по отношению к двум возрастным группам опрошенных пожилых (60–69 и 70–79 лет), поделенных на подгруппы: пользователей/непользователей Глобальной сети. Данные по возрастным группам «молодых» пенсионеров (55–59 лет) и долгожителей (80 лет и старше) в сравнительном анализе не рассматриваются, так как не отвечают требованиям сопоставимости: группу 55–59 лет составляют респонденты только женского пола, а в группе долгожителей Интернетом пользуются только 14 опрошенных.

В анализе также используется сравнение ответов респондентов пожилого возраста в целом с ответами респондентов более молодой возрастной группы (18–35 лет), что дает возможность сравнить степень «ресурсности» Интернета для двух «крайних» по критерию возраста социальных групп.

Адаптационные ресурсы пожилых пользователей Интернета

Социологи считают, что «социальная адаптация предстает одновременно как процесс и как определенное состояние, свойство и результат

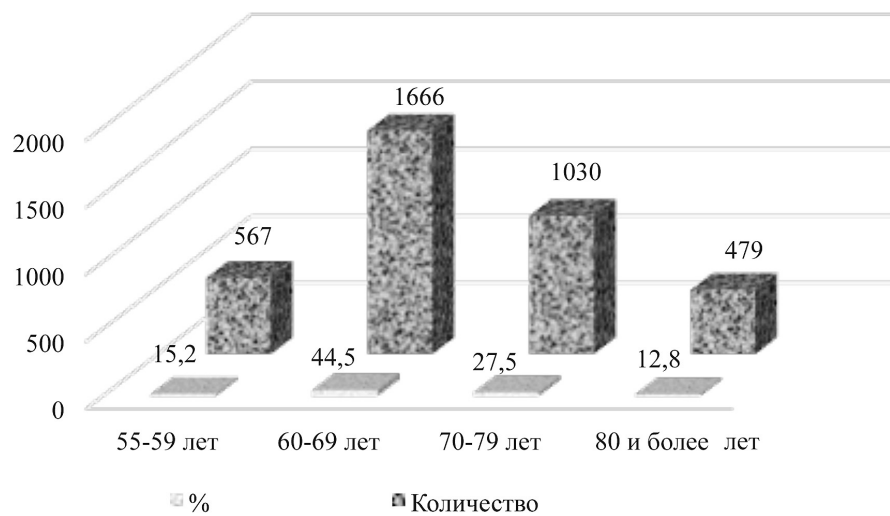

Рис. 1. Возрастная структура пожилых респондентов, являющихся объектом целевого анализа

освоения меняющихся условий жизнедеятельности»¹⁴. Адаптационные возможности пожилых людей зависят от тех ресурсов, которыми они обладают. Значимость ресурсов особенно усиливается в ситуациях неопределенности, рисков изменений привычного уклада, образа жизни, к которым индивид вынужден приспосабливаться – адаптироваться.

«Адаптация к повседневным рискам, в нашем понимании, представляет собой процесс, направленный на развитие способности справляться с неизбежными ущербами, то есть развитие адаптационного потенциала как индивида, так и социальной общности»¹⁵. Непосредственным объектом исследования в статье являются пожилые, и интерес представляет анализ их адаптационных ресурсов, причем по отношению к тем, кто пользуется Интернетом, и к тем, кто им не пользуется. Типология ресурсов построена на основе тех показателей, которые содержатся в инструментарии мониторинга, т. е. является эмпирической и не претендует на полноту. Показатели сведены в несколько ресурсных блоков: социально-демографические, образовательные, трудовые, физические, материальные, личностные, религиозные. Сравнительные данные представлены в табл. 1. Предполагается, что группа пользователей Интернета – «сильноресурсная»¹⁶, непользователей – «слаборесурсная».

Обратимся к данным, представленным в табл. 1. Первый по порядку (не по иерархии важности) ресурс условно назван социально-демографическим, так как позволяет получить самое общее представление о массиве респондентов.

Значимые различия по критерию гендерной принадлежности наблюдаются среди тех, кто не пользуется Интернетом, причем чем старше возраст, тем больше разница. Так, в группе 60–69-лет-

них доля мужчин, не пользующихся Интернетом, составляет 37,4%, доля женщин – 62,6%, а в более старшей возрастной группе (70–79 лет) уже 28,0% мужчин против 72,0% женщин. Что касается разницы между исследуемыми возрастными группами интернет-пользователей, она не превышает 5,0% и у мужчин, и у женщин.

Каждому респонденту в анкете дважды задавался вопрос о занятиях на период опроса. Первый раз – чтобы выяснить его социальную принадлежность, второй – чтобы проанализировать занятость. Интересующие нас варианты ответа на эти вопросы представлены в табл. 1 в блоках, отражающих показатели социально-демографических и трудовых ресурсов. В социальном статусе неработающего пенсионера находятся 61,1% респондентов в возрасте 60–69 лет, пользующихся компьютером, и 82% – не пользующихся. В возрастной группе 70–79 лет еще большие различия и большие доли неработающих пенсионеров (81,7% среди пользователей и 94,9% среди не пользующихся компьютером соответственно).

Семейное положение опрошенных с возрастом «сдвигается» к проживанию без партнера, преимущественно по причине вдовства. Вне зависимости от того, как сравнивать показатели – в одной возрастной группе пользователей и непользователей компьютера или попарно в разных возрастных группах, ситуация однозначно более благополучная среди тех, кто является пользователем Интернета: доли семейных выше, а доли вдовствующих ниже.

Наличие детей никак не связано с использованием Интернета: более 90% опрошенных вне зависимости от возраста и пользования Интернетом имеют детей.

Доля респондентов, имеющих вузовское образование и выше, больше в подгруппах пользо-

Таблица 1

Объективные ресурсы адаптации пожилых пользователей/непользователей Интернета в возрастных группах (доля от количества респондентов в каждой группе, %)

Показатели ресурсов	Возраст/пользование Интернетом			
	60–69 лет		70–79 лет	
	Пользуются n=530	Не пользуются n=1136	Пользуются n=126	Не пользуются n=904
Социально-демографические ресурсы				
Пол (мужской/женский)	31,9/68,1	37,4/62,6	36,5/63,5	28,0/72,0
Основное занятие: «пенсионер и не работаю»	61,1	82,0	81,7	94,9
Семейное положение (совокупная доля по ответам «в браке», «сожительстве»/«разведены», «никогда не состояли в браке»/«вдовствуют»)	67,1/13,1/19,6	66,8/11,4/26,4	48,4/11,1/38,9	41,8/10,2/47,6
Наличие детей	93,4	93,7	92,9	90,5
Образовательные и трудовые ресурсы				
Уровень образования: вуз и выше	42,6	10,6	65,1	21,2
Владение иностранным языком	20,6	3,7	30,2	6,4
Пользование ПК	94,9	3,3	96,0	–
Основное занятие: «работаю»	37,4	16,8	17,5	4,4
Физические ресурсы				
Инвалидность	14,0	19,5	30,2	31,4
Проблемы со здоровьем*	50,6	59,9	57,1	78,7
Обращались за амбулаторной помощью**	88,0	89,2	88,6	87,8
Не занимаются физкультурой	53,0	72,7	46	70,8
Употребление хотя бы иногда алкогольных напитков, включая пиво	68,5	54,2	61,9	43,3
Материальные ресурсы				
Наличие пластиковой банковской карты	85,1	51,4	77,0	29,8
Возможность копить деньги на крупные покупки: машину, дачу	25,7	7,7	–	6,9
Возможность проведения отпуска всей семьей за границей/в нашей стране	18,7/37,4	4,0/12,3	18,3/34,1	3,3/10,1
Возможность семьи при желании через день употреблять в пищу: мясо, курицу или рыбу	91,9	82,7	92,9	79,8

Примечание. * – вопрос о проблемах со здоровьем за 30-дневный период, предшествующий опросу; ** – вопрос об обращаемости за 30-дневный период, предшествующий опросу.

вателей Интернета, причем в старшей возрастной группе (70–79 лет) с высшим образованием – почти 2/3, в группе 60–69 лет – чуть меньше, 42,6%. Разница по сравнению с теми, кто не пользуется Интернетом, существенная: на 32,0% больше в группе 60–69 лет и на 44,0% в группе 70–79 лет.

В целом такая же ситуация и со знанием иностранного языка. Каждый 5-й и почти каждый 3-й респондент-пользователь Глобальной сети в обеих возрастных группах владеет иностранным языком. А в подгруппах, не пользующихся Интернетом, таких только 3,7 и 6,4% соответственно.

Навыки пользования компьютером в обеих возрастных подгруппах имеют более 90% пользователей и лишь 4–6% в группах, не пользующихся Интернетом.

Доли работающих пенсионеров выше в подгруппах пользователей Интернета (37,4 и 17,5%

соответственно). Среди трудоустроенных официально доля пользователей в возрастной группе 60–69 лет составляет 54%, а в возрастной группе 70–79 лет – 33%. Интересно рассмотреть варианты ответов на вопрос о предпринимательской деятельности пенсионеров, которая неизбежно сопряжена с рисками. А готовность к риску является одним из ресурсов адаптации¹⁷. Конечно, рассчитывать на то, что пенсионеры «все как один» имеют опыт ведения бизнеса, не приходится. Совокупная (максимальная) доля тех, кто пытался заниматься предпринимательством и является пользователем Интернета, в возрастной группе 60–69 лет составляет 9%.

Материальные ресурсы определялись в соответствии с возможностями семьи пожилого респондента откладывать деньги на крупные покупки и проводить отпуск вне дома, путешествуя на российские/зарубежные курорты. В обе-

их возрастных группах доли пользователей, которые могут позволить себе поездки, в 3–4 раза больше аналогичных показателей в подгруппах непользователей. Еще одним косвенным признаком, позволяющим определить материальную обеспеченность, является возможность семьи употреблять в пищу мясо, курицу, рыбу. Конечно большинство опрошенных (более 82%) могут себе позволить при желании через день покупать вышеперечисленные продукты. Но при попарном сравнении в подгруппах пользователей Интернета доли имеющих такие возможности выше на 9–13%.

Банковской картой владеют 85,1% респондентов в возрасте 60–69 лет и 77,0% в возрасте 70–79 лет, пользующихся Сетью. А вот в подгруппах, не пользующихся Интернетом, доли респондентов, имеющих банковскую карту, заметно ниже – 51,4 и 29,8% соответственно. Наличие банковской пластиковой карты, конечно, не позволяет сделать вывод о большей материальной обеспеченности в подгруппах юзеров, но можно предположить, что респонденты, имеющие данный банковский продукт, умеют им пользоваться, более финансово грамотны.

Физические ресурсы респондентов анализировались не по принципу исследования показателей физической активности, а посредством рассмотрения ограничений. Рассмотрим инвалидность как один из основополагающих факторов физической ограниченности. В общем, доли инвалидов выше в группе 70–79-летних: вне зависимости от пользования Интернетом – почти каждый 3-й (30,2 и 31,4% соответственно). Но при попарном сравнении доли респондентов с ограниченными возможностями здоровья все же ниже в подгруппах пользователей Интернета (14,0 против 30,2%; 19,5 против 31,4% соответственно).

Проблемы со здоровьем и, следовательно, обращаемость за амбулаторной помощью за 30 дней, предшествующих опросу, также более характерны для подгрупп непользователей Сети (наибольшие доли отметивших). Интересно сопоставить данные по принципу «проблема/обращаемость». В среднем для каждой подгруппы доли респондентов, обращавшихся за обозначенной медицинской помощью, выше реально отметивших проблемы со здоровьем (более чем на 30%). Наиболее «адекватно» оценили наличие проблем со здоровьем респонденты в возрасте 70–79 лет непользователи Интернета (разница в 11%).

Физическая активность пенсионеров заслуживает особого внимания. Условно максимальные доли не занимающихся физкультурой выявлены в группах, не пользующихся Интернетом (72,7 и 72,8% соответственно). В подгруппах пользователей не активных физически гораздо меньше (53,0 и 46,0% соответственно). Пожилым участникам опроса из числа занимающихся физической культурой предлагалось ответить на

вопрос о том, какими видами физической активности они занимались не менее 12 раз за предшествующий опросу год. Сопоставление оказалось возможным только по прогулочной ходьбе: доли занимающихся в 2 раза выше в подгруппах интернет-пользователей (24,9 и 31,0% против 15,1 и 14,9% соответственно).

В табл. 2 представлены данные относительно ресурсов, которые мы назвали личностными, т. е. отражающими удовлетворенность различными сторонами жизни, отношение к религии.

Самооценки удовлетворенности жизненными условиями более оптимистичны в группах пользователей Интернета. Так, «практически никогда» не испытывают чувства одиночества больше половины опрошенных в подгруппах пользователей (58,1 и 50,0%), в то время как в подгруппах, не пользующихся Интернетом, доли не считающих себя одинокими значительно ниже (43,8 и 36,2% соответственно). Доли по «счастливым» и удовлетворенным жизнью также значительно выше в подгруппах пользователей. Удовлетворенных материальным положением в процентном соотношении выше опять же в подгруппах пользователей (21,9 и 16,2% против 38,2 и 22,8%). Соответственно, и доли очень обеспокоенных собственными возможностями в обеспечении семьи ниже в подгруппах юзеров.

Ощущение безопасности в темное время суток в районе проживания, характерно для 66,0% респондентов в возрасте 60–69 лет и 69,8% в группе 70–79 лет, пользующихся Интернетом. В подгруппах непользователей, чувствующих себя в безопасности меньше, – 60,7 и 54,7% соответственно. Таким образом, доли тревожных выше в подгруппах, не пользующихся Интернетом.

Нам представляется, что отношение к религии как адаптационный ресурс требует более глубокого рассмотрения. В табл. 3 представлены соответствующие данные.

Данные четко демонстрируют, что те респонденты, которые не пользуются Интернетом, получают чувство уверенности в будущем, дружескую поддержку именно в среде верующих. Для них вера представляет мощный ресурс адаптации к неопределенности жизненной среды.

Анализ данных, представленный выше, однозначно демонстрирует, что в целом пожилые пользователи Интернета обладают большим набором адаптационных ресурсов по всем блокам, обозначенным в методическом разделе статьи. Приходится констатировать, что анализ подтверждает выдвинутое коллегами предположение о социальной исключенности части пожилых граждан именно по критерию пользования Интернетом. В связи с этим считаем целесообразным дополнить анализ рассмотрением ряда показателей, выявляющих «ресурсность» Интернета для двух «крайних» по критериям возраста категорий населения: молодежи и пожилых.

Таблица 2

Личностные ресурсы адаптации пожилых пользователей/непользователей Интернета в возрастных группах (доля от количества респондентов в каждой группе, %)

Показатели ресурсов	Возраст/пользование Интернетом			
	60–69 лет		70–79 лет	
	Пользуются n=530	Не пользуются n=1136	Пользуются n=126	Не пользуются n=904
Личностные ресурсы (совокупная доля респондентов по определенным ответам)				
Ощущение одиночества («практически никогда»*)	58,1	43,8	50,0	36,2
Счастливые («очень счастливы» и «довольно счастливы»)	41,3	29,1	38,1	28,2
Удовлетворенные жизнью («полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены»)	51,9	36,6	47,7	39,6
Беспокойство о возможности обеспечить семью («очень обеспокоены»)	25,7	34,3	19,8	31,3
Удовлетворенность материальным положением («полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены»)	21,9	16,2	38,2	22,8
Ощущение безопасности в темное время суток в районе проживания («в полной безопасности», «в относительной безопасности»)	65,6	60,7	69,8	54,7
Отношение к религии: «верующий»/«скорее верующий»)	29,4/49,1	32,1/48,6	25,4/48,4	43,6/38,2

Примечание. * взят именно этот ответ, так как по ответам «практически всегда» и «часто» количество респондентов-пользователей составляет 20 человек, и доли при сравнении не сильно отличаются, в отличие от ответа «практически никогда».

Таблица 3

Религиозные ресурсы (совокупная доля от ответов: «верующий» и «скорее верующий», %)

Показатели ресурсов	Возраст/пользование Интернетом			
	60–69 лет		70–79 лет	
	Пользуются n=416	Не пользуются n=917	Пользуются n=93	Не пользуются n=739
Посещение религиозных служб и других мероприятий («несколько раз в год»)	37,0	37,9	39,8	35,2
Религия дает чувство уверенности в будущем («да»)	45,9	55,9	46,2	58,1
Религия дает силу справиться с жизненными проблемами («да»)	70,4	71,5	68,8	73,3
Религия дает дружбу и поддержку других верующих («да»)	30,3	33,3	35,3	41,5

Интернет как ресурс минимизации риска социального исключения

Интерес состоит в анализе того, какие возможности Интернет предоставляет юзерам и как они используются в разных возрастных группах. Возрастные градации молодежной группы варьируются в нижних границах от 18–21 года, в верхних до 35–40 лет. Для сравнительного анализа была выбрана группа 18–35 лет. Возрастные рамками для пенсионеров установлены законодательно: женщины с 55 лет, мужчины с 60 лет. На рис. 2 представлены дифференцированные данные для этих возрастных групп относительно наличия компьютера и пользования Интернетом.

Сравнительный анализ выявил ресурсные ограничения пожилых. Если новомодные

смартфон, коммуникатор, ай-фон имеют чуть больше половины юзеров молодого возраста (52,3%), то среди пожилых доля обладателей только 6,5%. Старшее поколение в большинстве своем является обладателем обычного, «простого» мобильного телефона (81,3 против 57,9% среди молодежи).

Разнообразные модификации переносного компьютера (лэптопа, ноутбука, нетбука) имеются в наличии почти у каждого 3-го молодого юзера (31,9%) и только у каждого 10-го пожилого (10,3%). Обладателями планшета являются 13,8% представителей молодежной категории и только 2,7% – пожилых.

Соответственно, и количественные показатели использования компьютерной техники будут различными в обеих группах. Если среди

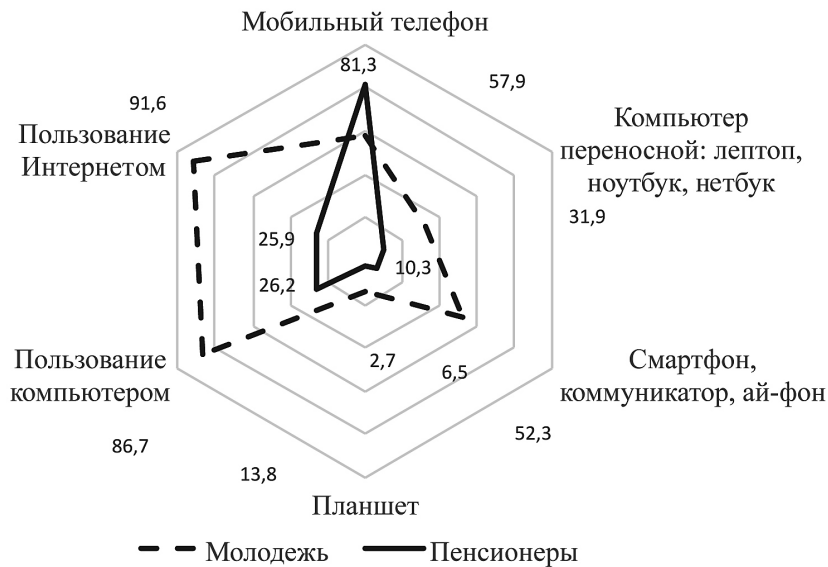

Рис. 2. Доступ к ПК и Интернету как ресурс адаптации пожилых пользователей к проблеме социального исключения (доля от количества респондентов в каждой группе, %)

молодежи доля пользующихся компьютером достигла 86,7%, то среди пожилых – только 26,2%.

Из всех использующих компьютер (2451 респондент молодежной категории и 981 из категории пожилых) большинство пользуются компьютером дома (более 90,0%), на работе или по месту обучения соответственно 51,8% молодежи и 30,8% пенсионеров; примерно такое же соотношение относительно цели использования компьютера: для работы и учебы его используют 64,5% молодежи и 38,2% пенсионеров.

Такие данные о включенности пожилых людей в общее пространство пользователей персональным компьютером выявляют риск социальной исключенности пенсионеров из общего информационного поля, инструментом которого в настоящее время выступают компьютерные устройства и технологии.

Целесообразно сравнить цели, которые реализуют молодые и пожилые пользователи, посещая интернет-пространство. Как показано выше, доля интернет-пользователей среди молодежной категории составляет 91,6%, среди пенсионеров – 25,9%. В табл. 4 приведены данные относительно устройств, с которых респонденты выходят в интернет-пространство, цели и выбираемые ими социальные сети.

Но наряду с ограничениями для одних, не умеющих пользоваться Интернетом, реальным пользователям Глобальной сети доступ к интернет-ресурсам позволяет реализовывать многие жизненные задачи: быть в курсе новостей – 85,3%, повышать свой культурный уровень и расширять кругозор – 82,6%, находить справочные материалы – 81,9%, общаться – 74,7% и раз-

влекаться – 61,7%, посещать страницы в социальных сетях – 52,7%.

И если, например, «Одноклассники.ру» посещают 63,4% молодежи, то доля пенсионеров – 89,0%. Зато среди молодежи предпочтителен ресурс «ВКонтакте» (82,2 против 36,6%). Третьим по использованию среди социальных сетей является иностранный портал «Фейсбук» (17,9 против 14,7%); далее «Твиттер» (7,1 и 2,2%) и «Живой Журнал» (1,6 и 1,2%). Интересно было бы рассмотреть и сравнить присутствие обеих социальных групп в «Инстаграм», но такие данные в мониторинге пока не представлены.

Особого внимания заслуживает информация о том, что каждый 4-й пожилой (25,0%) и каждый 2-й молодой пользователь (49,0%) Глобальной сети совершал покупки онлайн.

Все вышеперечисленные аспекты использования Интернета пожилыми людьми позволяют сделать вывод о положительной составляющей освоения интернет-пространства как ресурса минимизации риска социального исключения.

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Эра компьютерных и интернет-технологий привнесла в жизнь человечества прогрессивные знания, позволяющие мгновенно преодолевать огромные расстояния, работать и общаться, не выходя из дома. Всевозможные модификации компьютерных устройств (ноутбуков, планшетов, стационарных компьютеров), а также мобильных разработок (телефонов, смартфонов и т. д.) прочно вошли в жизнь современных, работающих людей среднего воз-

Таблица 4

Устройства и цели выхода в Интернет и выбираемые пользователями социальные сети (доля от количества пользующихся Интернетом в каждой группе, %)

Показатели	Молодежь (18–35 лет) n=2590	Пенсионеры (55 > лет женщины, 60 > лет мужчины) n=969
Устройства для выхода в Интернет		
Персональный компьютер	61,8	58,3
Ноутбук, лэптоп	61,4	49,7
Телефон или смартфон	77,9	23,8
Планшет	22,7	12,5
Другое	2,4	0,9
Цели выхода в Интернет		
Информация о новостях	87,1	85,3
Расширение кругозора, повышение культурного уровня	85,5	82,6
Получение справочных материалов	85,4	81,9
Общение с другими людьми	90,8	74,7
Для развлечения	86,9	61,7
Посещение сайтов соцсетей	86	52,7
Для работы	47,2	31,6
Для покупки, получения товаров и услуг	49,2	25,0
Для чего-то еще	15,0	6,3
Для учебы	29,0	4,5
Используемые социальные сети		
Одноклассники	63,4	89,0
ВКонтакте	82,2	36,6
Фейсбук	17,9	14,7
Твиттер	7,1	2,2
Живой Журнал	1,6	1,2

раста, а также активно используются в молодежной среде и даже среди детей. Но практика последнего десятилетия показывает численный рост пользователей пожилого возраста и уязвимость этой категории населения в интернет-пространстве.

Пожилым людям в силу возраста и меньших адаптивных возможностей сложнее освоить новые технологии работы и жизни. Социальная исключенность применительно к пожилым представляет собой результат «выталкивания» людей пенсионного возраста обществом, работодателем, семьей. И если разрыв семейных отношений, как правило, связан с резким ухудшением здоровья пожилых членов семьи и, как следствие, с нежеланием родственников тратить свое время и силы на уход, то с позиции общества и работодателя исключение пенсионеров происходит как раз по причине меньшей гибкости и динамичности пожилого человека, его нежелания менять уклад жизни, адаптироваться и встраиваться в новые социальные реалии, снижения способности к освоению новых знаний, боязни

новых технологий и устройств, опорой на «старый» опыт.

Снижение, обесценивание или подтверждение значимости заслуг старшего поколения зависит от модели государственного устройства, пенсионного обеспечения, норм и правил взаимопомощи, преемственности поколений, принятых в обществе. Рост продолжительности жизни и увеличение доли старших возрастных групп в общей структуре населения обязывает государство увеличивать затраты на выплату пенсий и внедрение программ по активному долголетию. Это делает старость более благополучной, но ослабляет связь между поколениями. «Поэтому социальное исключение становится риском старения в современных обществах с принятыми рамками пенсионной системы и преобладанием городского образа жизни, размывающего систему взаимной поддержки»¹⁸.

Конечно, среди пожилых людей доля пользователей компьютерными и интернет-технологиями сравнительно мала по отношению к более молодым возрастным группам. Только каждый

четвертый опрошенный пожилой россиянин пользовался компьютером и Интернетом за предшествующие опросу 12 месяцев. В абсолютных цифрах – это достаточно большая социальная группа населения страны, доля которой постоянно растет. И этот показатель должен быть учтен при формировании сферы услуг и рынка труда для пожилого населения. Тем более что четверть опрошенных пенсионеров продолжают работать и после достижения пенсионного возраста.

Проблема информационного неравенства старшего поколения выявлена, скажем так, на фактологическом материале, показавшем ограничения относительно доступа к имеющимся источникам информации (в данном случае Интернету). Определяющие факторы такого неравенства – это низкая компьютерная грамотность, отсутствие технических устройств для выхода в Интернет.

Информационное неравенство пожилых проявляется через ограниченность ресурсов адаптации к информационной составляющей повседневной жизнедеятельности, снижает социальное самочувствие пожилых в современной социальной среде: «комплексную самооценку степени комфортности в среде»¹⁹, удовлетворенность условиями жизни²⁰.

Выявлен ряд нежелательных последствий. С развитием компьютерных технологий повышается вероятность риска социальной исключенности: замена личного общения даже с ближайшими родственниками на общение в Интернете и по мобильному телефону. Недостаточная компьютерная грамотность, сложности с освоением компьютерных программ вытесняют пожилого человека с рынка труда. Анализ позволяет утверждать, что амбивалентность интернет-технологий обуславливает не отказ от них, а наращивание различных ресурсов адаптации к нововведениям как собственными усилиями и соответствующей мотивацией самих пожилых пользователей, так и с помощью системы социальной защиты.

Примечания

- 1 См.: Раздел «Демография». Численность и состав населения. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 20.03.2018).
- 2 Там же.
- 3 См.: Кондратов Б. Ф. «Третий возраст» и Интернет. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/bpa/11683e3292f61ae2c3257594003ec081> (дата обращения: 23.03.2018).
- 4 См.: Карпова Д. Н. Риски непрерывной онлайн-коммуникации : теоретико-методологические подходы к изучению : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2016.
- 5 См.: Куликова А. В. Интернет вещей : виртуальное благодеяние и реальные риски // Индекс безопасности. 2015. Т. 21, № 3 (114). С. 95–112; Мартынова М. Ю. Кибер-безопасность России : стратегические принципы и пути практической реализации // Социальная политика и социология. 2010. № 10 (64). С. 270–274; Мозилевская Г. И., Авдеева Т. Г., Алексеенко Ю. В. Мониторинг и анализ социальных сетей для предотвращения угроз информационной безопасности // Аллея науки. 2017. Т. 1, № 14. С. 799–804.
- 6 См.: Корытничкова Н. В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социс. 2010. № 6. С. 70–79.
- 7 См.: Красавцева Е. И. Приобщение населения старших возрастов к пространству Интернета // Материалы V Международной социологической Грушинской конференции «Большая социология : расширение пространства данных»; 12–13 марта 2015. М. : АО «ВЦИОМ», 2015. С. 700–703; Кондратов Б. Ф. Указ. соч.; Шестакова Н. Н. Россияне старших возрастных групп в глобальной сети // Там же. С. 731–734.
- 8 См.: Бершадская Л. А., Биккулов А. С., Жук Д. В., Низомутдинов Б. А. Интернет и пожилые : включенность старших возрастных групп и внимание к их проблемам // Информационные ресурсы России. 2014. № 5. С. 11–15; Пожилые люди в Интернете : страхи и реальность. 30 сентября 2016. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/older-people-internet/13225/> (дата обращения: 18.01.2018).
- 9 См.: Бершадская Л. А., Биккулов А. С., Жук Д. В., Низомутдинов Б. А. Указ. соч.
- 10 См.: Григорьева И. А., Бершадская Л. А., Дмитриева А. В. На пути к нормальной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии социальной антропологии. 2014. № 3. С. 154.
- 11 См.: Григорьева И. А., Келасьев В. Н. Интернет в жизни пожилых : намерения и реальность // Социс. 2016. № 11. С. 82–85.
- 12 См.: Пожилые люди в Интернете : страхи и реальность. 30 сентября 2016.
- 13 См.: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms> (дата обращения: 10.09.2017).
- 14 Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М. : Новый Хронограф, 2013. С. 13.
- 15 Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску : выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 29.
- 16 Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал : возможность применения универсаль-

- ной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : МВШСЭН, 2001. С. 314.
- ¹⁷ См.: Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Указ. соч. С. 25–49; Ядов В. А. Указ. соч. С. 314.
- ¹⁸ Григорьева И. А., Бершадская Л. А., Дмитриева А. В. Указ. соч. С. 154.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Корнилова М. В. Социальное самочувствие : понятие и основные показатели // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2, № 3. С. 135–138.

Образец для цитирования:

Корнилова М. В. Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 250–259. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259

Cite this article as:

Kornilova M. V. The Internet as an Adaptive Resource for Older Users. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 250–259 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259

УДК 316.44

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

И. А. Юрасов, М. А. Танина

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственное управление и социология региона», Пензенский государственный университет, jurassow@mail.ru

Танина Мария Алексеевна, кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, margo10@inbox.ru

В статье выявляются базовые причины низкого уровня социального самочувствия российской провинции. Социальное самочувствие – базовый интеграционный показатель образа жизни людей. Оценка социального самочувствия жителей провинциального города проводилась на примере г. Пензы по набору критериев: базовые ценности жителей, экономическое положение, наиболее значимые проблемы региона, межнациональные отношения, здоровьесберегательное поведение. Противоречия между специфическими доиндустриальными ценностями и современными условиями социального развития способствуют формированию институциональных ловушек, которые понимаются как неэффективный институт, имеющий самоподдерживающий характер. Институциональная ловушка – это особое состояние системы, приводящее ее к деградации. Институциональные ловушки, в свою очередь, являются причиной ухудшения общего эмоционального фона социального самочувствия. Институциональная ловушка проявляется в том, что чем качественнее система образования региона и чем ниже возможность самореализации у молодежи и беднее рынок труда, тем выше уровень оттока населения из области в другие регионы страны. Особенно важна эта оценка у жителей провинциальных городов Центральной России, так как близость столицы и более развитых в экономическом и социальной плане городов приводит к оттоку населения.

Ключевые слова: провинция, город, социальное самочувствие, ценности, миграция, институциональные ловушки.

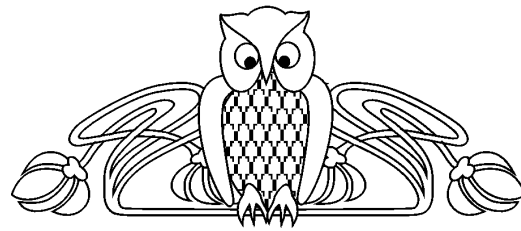
Social Wellbeing of Residents of the Provincial Cities Case

I. A. Yurasov, M. A. Tanina

Igor A. Yurasov, ORCID 0000-0002-4884-6422, Penza State University, 40, Krasnaya Str., Penza, 440026, Russia, jurassow@mail.ru

Maria A. Tanina, ORCID 0000-0001-7311-6280, Penza branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B, Kalinina Str., Penza, 440052, Russia, margo10@inbox.ru

In article the basic reasons of low level of social well-being of the Russian province are established. Social well-being – a basic integration indicator of a way of life of people. Assessment of social well-being of inhabitants of a country town was carried out on the example of Penza by a set of criteria: basic values of inhabitants, economic situation, the most significant problems of the region, international relations,

zdrovovesberegately behavior. Contradictions between specific preindustrial values and modern conditions of social development promote formation of institutional traps which are understood as the inefficient institute having the self-supporting character. The institutional trap is the special condition of system leading her to degradation. Institutional traps, in turn, are the reason of deterioration in the general emotional background of social well-being. The institutional trap is shown that, the region education system is more qualitative, and the possibility of self-realization at youth is lower and labor market is poorer, the level of outflow of the population from the area to other regions of the country is higher. This assessment at inhabitants of country towns of the central Russia as the proximity of the capital and more developed in economic and social the plan of the cities leads to outflow of the population is especially important.

Key words: province, city, social wellbeing, values, migration, institutional traps.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264

Социальное самочувствие жителей региона – это эмоциональная оценка населения окружающей реальности. Эта оценка интерпретируется как «субъективное благополучие», «интегральная удовлетворенность жизнью», свидетельствующие о степени физиологической и психологической комфортности. «Социальное самочувствие выступает синдромом сознания, отражающим взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемым содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворенности смысловых потребностей (удовлетворенность реализованностью)»¹. Это касается различных сторон жизни субъекта:

- базовых ценностей жителей;
- экономического положения;
- наиболее значимых проблем региона (удовлетворенность экологической обстановкой, рынком труда, образованием и т. п.);
- межнациональных отношений;
- здоровьесберегательного поведения.

Социальное самочувствие определяет в конечном итоге социальный оптимизм, социальные страхи, степень доверия населения к власти, уровень миграции и миграционных настроений. Исследование социального самочувствия позволяет объективнее оценить социальную ситуацию в регионе, выявить «болевы точки», разработать меры, необходимые для ее устойчивого развития.

Существует специфика социального самочувствия населения в провинциальных городах России: наличие противоречий между традици-

онными, индустриальными и постиндустриальными отношениями; повышением технической модернизации при отсутствии или слабом проявлении социальных инноваций; дифференциальной урбанизацией и дезурбанизацией; неформальной занятостью и «гаражной экономикой», которые являются причиной институциональных ловушек².

Положительное социальное самочувствие прямо коррелирует с возможностью самореализации и возможностью реализовать базовые в регионе ценности. Такой подход поможет выявить базовые социальные настроения, свойственные населению региона.

Социальное самочувствие жителей провинциального города проводилось на примере города Пензы в период с 2014 по 2016 г., при этом выборочная совокупность исследования составила 3127 человек трудоспособного возраста. В качестве эмпирического инструментария исследования поставленной проблемы использовался анкетный опрос, в котором в качестве средства для сбора сведений от респондентов использовались специально разработанные опросники.

Обоснование численности выборочной совокупности осуществлялся по методике, разработанной В. И. Паниотто и В. С. Максименко. Данные авторы при описании использования количественных методов в социологических исследованиях предлагают воспользоваться следующей формулой для расчета выборочной совокупности³:

$$n = \frac{1}{\Delta^2 + \frac{1}{N}}, \quad (1)$$

где N – объем генеральной совокупности, n – объем выборки, Δ – предельная ошибка выборки.

Численность трудоспособного населения г. Пензы по состоянию на 1 января 2016 г. составила 602 688 человек. Примем предельную ошибку выборки 1,5–2,0%, что соответствует обыкновенной надежности.

$$n_1 = \frac{1}{0,015^2 + \frac{1}{602688}} = 2490;$$

$$n_2 = \frac{1}{0,02^2 + \frac{1}{602688}} = 4412.$$

Таким образом, в выборочную совокупность вошло среднее число 3127 человек трудоспособного возраста, проживающих в г. Пензе.

Объем выборки определен с учетом статистической репрезентативности, означающей, что по выделенным параметрам состав обследуемых должен приближаться к соответствующим пропорциям в генеральной совокупности.

Данная выборка является репрезентативной, так как величина ошибки репрезентативности при данном объеме выборки составляет не более 2%, что соответствует требованиям к качеству информации аналитических и экспериментальных исследований.

Пенза – типичный провинциальный город Европейской части России, обладающий выгодным географическим положением – близостью к столице и другим крупным городам (Нижний Новгород, Самара). Это и становится вкуче с социальной неудовлетворенностью из-за ограниченной возможности самореализации ключевым фактором миграционных настроений, особенно в районных центрах, находящихся на месте пересечения ключевых транспортных путей (Сердобск, Никольск, Каменка). Многие негативные характеристики социального самочувствия жителей похожи на социальные настроения молодежи Республики Тыва⁴. Но, в отличие от удаленных от столицы регионов и более благополучных городов центра России, географический фактор не дает укрепляться негативным социальным настроениям в регионе, а мгновенно стимулирует миграционные процессы.

Гипотеза исследования состоит в том, что противоречия между ценностями и пессимистическими настроениями провинции порождают большинство местных проблем, формируя институциональные ловушки, которые понимаются как неэффективные институты, имеющие самоподдерживающий характер. Институциональная ловушка – это особое состояние системы, приводящее ее к деградации, угнетающее общее социально-психологическое настроение. Институциональной ловушкой также может стать неэффективный институт или взаимовлияние самих по себе эффективных институтов (но в определенной ситуации их взаимодействие приведет к институциональной ловушке). После того как институциональная ловушка сформировалась, возврат к начальному, дореформенному, архаическому положению дел приводит социальную систему к еще более сильной деградации. Возникает так называемый эффект гистерезиса, в котором влияние архаических ценностей, архаических систем становится сильнее, чем в дореформенной, архаической ситуации.

Анализ формирования институциональных ловушек подтверждает, что создание новых инновационных практик, постиндустриальных общественных отношений не гарантирует возникновения эффективных новых институтов и общественных отношений. В период широкомасштабных реформ макроэкономическая политика может существенно повлиять на институциональное развитие. Однако в данном случае существует опасность возникновения еще одной институциональной ловушки – когда целью развития является улучшение социально-демографических показателей, таких как рост населе-

ния, укрепление института семьи и семейных ценностей. Это приведет к деградации рынка труда, тормозу социальных лифтов, снижению инновационной и инвестиционной активности.

Социальное самочувствие определяется в первую очередь базовыми ценностями жителей. Позитивная субъективная оценка возможности реализации ценностей формирует специфичную оценку социального благополучия. Наиболее значимыми жизненными ценностями, по мнению участников опроса, являются: здоровье (91,8%), материальный достаток (82,2%), семья (69,9%), дружба, любовь (39,7%). Социальная активность, инициативность (8,2%) и самореализация (4,1%) оказались в конце списка. Таким образом, материальный достаток человека слабо связан с его активной социальной деятельностью в экономической сфере и является следствием внешних, слабо зависящих от человека факторов. Жители провинциальных регионов в большинстве своем не готовы к активной целенаправленной деятельности по кардинальному улучшению своего материального положения⁵.

Противоречия между ценностями семьи, любви и дружбы также приводят к появлению институциональных ловушек. Сложная структура традиционных, индустриальных, информационных практик влияет на социальные институты, формально они такие же, как и в мегаполисе, но функционируют в различных временных отрезках. «Семья» мегаполиса – это не совсем «семья» провинциального города. Семья мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) имеет больше общих черт с семьей развитых европейских городов. Российская семья мегаполиса характеризуется следующими чертами:

- большими временными затратами на дорогу от дома на работу, на учебу, что создает в семье дефицит коммуникации;
- уходом родителей в «тень», их замещением вспомогательным обслуживающим персоналом (нянями, гувернерами, домработницами);
- большими возможностями проведения досуга и, как следствие этого, потерей семьей в мегаполисе специфической психологической и социокультурной атмосферы;
- утратой большинства семейных традиций;
- коммуникативными проблемами между членами семьи⁶.

Семьи в провинциальном российском городе имеют свою специфику. Ее характеризуют следующие особенности:

- общий низкий уровень благосостояния;
- сохранение архаичных семейных традиций и структур;
- периодическое отсутствие некоторых членов семьи из-за трудовой занятости за территорией региона;
- замена родителей ввиду их отсутствия ближайшими родственниками.

В провинциальных семьях сохраняются более тесные контакты и коммуникативные связи между их членами. Институт семьи в провинции крепче, чем в мегаполисе, но это не всегда положительно влияет на поведение молодых людей и их родителей на рынке труда. В провинции складывается специфический рынок труда, который характеризуется как формализованными, так и неформализованными практиками. Они сталкиваются между собой, порождая институциональные ловушки, тормозящие развитие экономической, политической и социальной систем среднего по численности населения российского города, усугубляющие местные проблемы и негативно влияющие на социальное самочувствие его жителей. Так, престижность профессии в нашей стране и конкретных регионах определяется возможностью перераспределения ресурсов. Современная российская экономика относится к экономикам ресурсно-перераспределительного типа. Престижной будет та профессия, которая дает дорогу к перераспределению бюджетов различных уровней. Неформальные семейные практики транслируют этот факт. В российском социуме возникает институциональный конфликт между рынком труда и институтом семьи. Налицо прямое мифотворчество о сути востребованных и непрестижных профессий. Пропаганда семейных ценностей и устоев в современной Российской Федерации может в этом отношении укрепить миф о престижности и нужности тех профессий, в которых не заинтересовано государство, но которые выбирает молодежь.

Существует популярная точка зрения, что в нашем обществе укоренилась модель, ориентированная на достижение молодежью краткосрочных интересов, не ориентированных на профессиональные стратегические цели. Жизнь «сегодняшним днем» стала нормой, и процессы возврата к прежней модели, ориентированной на долгосрочные цели, связаны с большими издержками и не поддерживаются молодежью. Авторы не могут согласиться с этим, так как выбор молодежью невысоко оплачиваемых на начальном этапе профессий, но открывающих в дальнейшем путь к перераспределению бюджетов и обладающих в глазах общества определенной взяткостойкостью еще раз доказывает наличие практической сметки у современных абитуриентов и осознанность выбора профессий на перспективу.

Что касается самооценки материального благополучия, то при оценке уровня дохода жители области среднего и старшего возрастов чаще всего выбирали вариант «обеспечен на среднем уровне» (48,5%); 37,6% указали, что обеспечены ниже среднего. Социологическое исследование, проведенное Л. Т. Тулебаевой в 2009 г. в г. Пензе, показало: 69,4% отнесли себя к «обеспеченным на среднем уровне», к бедным – 24,4%. Причиной таких оценок можно назвать усиление кризисных явлений в экономике с 2014 г.⁷

В ходе исследования выявилась тенденция: уровень социального самочувствия напрямую зависит от оценки своего материального положения. Чем выше материальное благополучие, тем выше уровень социального самочувствия респондентов. При этом чем выше удовлетворенность условиями самореализации, тем выше уровень социального самочувствия. Неясность жизненных перспектив свидетельствует о преобладании ощущений неопределенности в отношении собственного будущего (30,7%). При сопоставлении долей оптимистов (кто скорее уверен (29,7%) и вполне уверен (8,9%) в своем будущем) и пессимистов (кто скорее не уверен (17,8%) и совершенно не уверен (12,9%) в своем будущем) прослеживается незначительное преобладание первых.

Наиболее актуальными проблемами г. Пензы, волнующими жителей, являются: состояние ЖКХ (33,0%), медицинского обслуживания (30,5%), образования (15,3%) и транспорта (10,3%), человеческие отношения (7,9%), межнациональные и межрелигиозные отношения (2,5%), состояние дорог и отсутствие свободных рабочих мест (по 5,5%). Тех, кто считает, что проблемы в их населенном пункте есть, но они решаются, насчитывается чуть менее половины (40,4%) и только 5,0% считают, что ситуация в их населенном пункте тяжелая. Большинство (42,6%) оценивают экологическое состояние города как скорее плохое, еще 36,6% – как скорее хорошее. В целом уровень удовлетворенности экологией характеризуется неопределенностью и размытостью. Причины в следующем: слабая информированность населения, редкие публикации в СМИ по этой проблеме; сравнение с экологической обстановкой в других, более проблемных регионах; архаичные представления об экологии. Большая часть респондентов (66,3%) полагают, что по одним характеристикам, по сравнению с другими регионами, в Пензенской области люди живут лучше, по другим показателям – хуже. Это говорит о положительной оценке социальной ситуации в Пензенской области. Лишь 1,1% респондентов не могут об этом судить, так как жили в других регионах Российской Федерации, других странах и недавно сюда приехали.

В то же время очень важен механизм принятия решений о внутренней трудовой миграции. Несмотря на все причины, только лишь треть респондентов готовы переехать в другие города; 2/3 нигуда не собираются уезжать. Спусковым крючком для внутренней миграции становятся дружеские и родственные сети в более привлекательных городах. Решение об отъезде принимают микрогруппами от 2 до 8 человек. Важное условие – наличие места жительства у родственников и друзей. Несмотря на преобладание пессимистичных оценок социально-экономической ситуации в регионе, большинство опрошенных

пензенцев (56,2%) хотели бы жить в родном городе и лишь около трети готовы к переезду в крупный город/столицу (31,5%) или другую страну (4,1%).

В ходе анализа межнациональных и межконфессиональных отношений было выявлено, что большинство пензенцев не испытывают к представителям других наций неприязни на почве национальности, остальная треть постоянно или время от времени испытывает такое чувство; 50,6% оценили данные отношения в целом как нормальные, 24,1% считают их неровными и нередко возникает напряженность. Среди основных причин возникновения неприязни наиболее актуальные: «Они способствуют развитию коррупции, стремятся решать все через своих родственников, земляков, друзей» (полностью или частично с этим согласны 36,5%), «они люди чужой мне религии» (27,1%), «они не уважают наши обычаи и традиции» (24,3%).

Около половины жителей (48,1%) оценивали свое здоровье как «хорошее» и еще примерно треть (29,5%) как «удовлетворительное»; своеобразным вариантом ответа было «волнообразное». Оценивая значимость факторов здорового образа жизни, приоритетным была признана личная гигиена (важной ее назвали 56,6%), за ней следовали рациональное питание (41,9%) и отказ от вредных привычек (40,3%). Менее других факторов, влияющих на приверженность здоровому образу жизни, признали сексуальную культуру (не важной ее сочли 13,2%), закаливание (8,5%), двигательную активность (6,2%). В целом 60,4% жителей считают, что они в основном ведут здоровый образ жизни; почти половина имеющих вредные привычки готовы от них отказаться, а 22,5%, по их словам, не имеют вредных привычек вообще. Почти половина респондентов уверены, что здоровый образ жизни способствует успеху человека в других сферах человеческой деятельности (в работе, учебе, личных отношениях).

Общий контекст социального самочувствия населения Пензенской области выявляется в ходе ответа на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?». Полностью удовлетворены лишь 4,1% опрошенных, 36,7% – скорее удовлетворены, 23,5% – не очень удовлетворены, а 8,2% – совсем не удовлетворены своей жизнью, 27,5% неопределившихся респондентов можно назвать удовлетворенными, но боящимся это признать из-за специфических региональных суеверий (боязнь сглазить) и специфического регионального менталитета (привычка жаловаться, жалеть себя).

Оценка уровня социального самочувствия у женщин немного ниже, чем у мужчин, поскольку они, как правило, чаще имеют более низкий экономический и профессиональный статус, а также чаще сталкиваются с проблемами в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ. Уровень

социального самочувствия самый высокий в возрастной группе от 26 до 30 лет (69,2%), несколько ниже – в группе от 41 до 45 лет (50,0%), самый низкий – в возрастных группах от 55 лет и старше (12,5%). В целом по выборке социальное самочувствие на момент опроса стало лучше у 14,2%, 45,4% опрошенных отметили его ухудшение. В зависимости от профессиональной деятельности отмечаются различия в характеристике социального самочувствия. Уровень образования также влияет на различия в оценке социального самочувствия. Наиболее высоко его оценивают лишь имеющие среднее профессиональное образование (20,8%). Среди имеющих общее и высшее образование отмечается пессимистический настрой.

Что касается будущего, то 46,9% полагают, что в ближайшем году в их жизни ничего не изменится. Однако возросла доля тех, кто считает, что жить будут несколько лучше (22,3%) и значительно лучше (8,5%).

Итак, оценка социального самочувствия жителей провинциального города проводилась на примере г. Пензы по набору критериев: базовые ценности жителей, экономическое положение, наиболее значимые проблемы региона (удовлетворенность экологической обстановкой, рынком труда, образованием и т. п.), межнациональные отношения, здоровьесберегательное поведение. По результатам исследования выявлено, что уровень удовлетворенности населением жизнью Пензенской области можно характеризовать как пограничный и противоречивый, с преобладанием пессимизма, эмоционально неустойчивый. На специфику оценки социального самочувствия влияют общая неопределенность в социальной,

политической, экономической сферах, формирующая чувства неуверенности в завтрашнем дне. Противоречия между специфическими доиндустриальными ценностями и современными условиями социального развития способствуют формированию институциональных ловушек, что негативно влияет на самочувствие городского сообщества, и являются одной из причин пессимистических социальных настроений.

Примечания

- 1 Социальное самочувствие населения в условиях реформ : региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. М. ; СПб., 2011. С. 84.
- 2 См.: Буранчин А. М. Архаизация как социальная проблема. URL: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizaciya-kak-socialnaya-problema> (дата обращения: 25.04.2017).
- 3 Паниотто В. А., Максименко В. С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев, 2013. С. 119.
- 4 См.: Севек В. К., Соян Ш. Ч., Севек Р. М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социс. 2016. № 9. С. 142.
- 5 См.: Юрасов И. А., Алехин Э. В. Население Пензенской области как фактор инновационного развития // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2. С. 6.
- 6 См.: Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социс. 2015. № 12. С. 64.
- 7 См.: Тулебаева Л. Т. Социальное самочувствие населения Пензенской области в условиях трансформации российского общества // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3 (11). С. 86.

Образец для цитирования:

Юрасов И. А., Танина М. А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 260–264. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264

Cite this article as:

Yurasov I. A., Tanina M. A. Social Wellbeing of Residents of the Provincial Cities Case. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 260–264 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНВАЛИДА

И. К. Свищёва, Т. Н. Конева

Свищёва Ирина Константиновна, старший преподаватель кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, svischeva@bsu.edu.ru

Конева Татьяна Николаевна, аспирант кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, volkovaoa@rambler.ru

В статье определена роль новой социальной услуги – социальное сопровождение инвалида, которое дает возможность инвалиду выбирать и действовать по собственному усмотрению; научиться новым типам поведения; способствует личностному развитию. Социальное сопровождение позволяет систематизировать формы и методы работы с инвалидами в зависимости от уровня их интеграционного потенциала. Интеграционный потенциал инвалида определяется как возможность для активного включения инвалида в различные сферы деятельности общества и способность усвоения им требований и условий внешней среды, готовность инвалида включиться в интеграционные процессы и сама интеграционная активность инвалида (степень его реального включения в жизнь общества). Выделяются социологические критерии уровней интеграционного потенциала инвалида: высокого, среднего, низкого. Результаты социологического исследования, проведенного в рамках Международной научно-исследовательской лаборатории социальных проектов Белгородского государственного национального исследовательского университета по изучению интеграционного потенциала инвалидов в Белгородской области показали, что среди опрошенных респондентов с высоким уровнем интеграционного потенциала имеется всего лишь 27% инвалидов, со средним уровнем – 42% и с низким – 31%. Треть (33%) респондентов (молодые инвалиды) считают, что их образ жизни, самочувствие зависят от субъективных причин, в случае неудач полагают, что сами приложили недостаточно усилий или были не слишком настойчивы в достижении своих целей. 51% опрошенных, особенно респонденты старшего возраста, считают, что все зависит прежде всего от объективных факторов. Даются рекомендации по организации услуги социального сопровождения с учетом интеграционного потенциала инвалида.

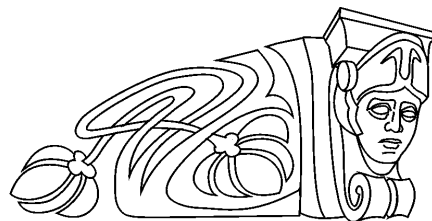
Ключевые слова: социальное сопровождение инвалидов, интеграционный потенциал, социальная интеграция, социальная реабилитация инвалидов.

Social Escort as the Resource of an Increase in the Integrated Potential of Disabled People

I. K. Svischeva, T. N. Koneva

Irina K. Svischeva, ORCID 0000-0003-3240-3085, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia, svischeva@bsu.edu.ru

Tatyana N. Koneva, ORCID 0000-0003-2873-1641, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia, volkovaoa@rambler.ru

In the article the leading role of new social service – the social escort of disabled people, which gives the possibility to disabled people to select and to act at its own discretion; to learn to the new types of behavior; it contributes to personal development. Social escort makes it possible to systematize forms and methods of operation with the disabled peoples depending on the level of their integrated potential. The integrated potential of disabled people is defined as possibility for the active start of disabled people in different spheres of the activity of society and ability of mastering by it requirements and conditions of environment; the readiness of disabled people to be included in integration process and very integrated activity of disabled people (degree of his real start in the life of society). The sociological criteria of the levels of the integrated potential of the disabled people are separated: high, average, low. The results of the sociological study, carried out within the framework by International scientific research laboratory of social projects of the Belgorod State National Research University for the study of the integrated potential of disabled peoples in Belgorod region showed that among the interrogated respondents with the high level of integrated potential there is altogether only of 27% disabled peoples, with the average level – 42% and with the low – 31%. Third (33%) of respondents (young disabled peoples) consider that their means of life, health depend on subjective reasons, in the case of failures they consider that themselves they applied insufficient efforts or they were insufficiently persistent in achieving of its goals. 51% interrogated, especially the respondents of elder age, they count that, everything depends, first of all, on objective factors. The services of social escort taking into account the integrated potential of the disabled people are given to recommendation regarding the organization.

Key words: social escort of disabled people, integrated potential, social integration, social rehabilitation of disabled people.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-265-268

В соответствии с нормами международного права, в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определена главная цель государственной политики в отношении инвалидов¹. Она обеспечивает условия для реализации ими равных с другими гражданами прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ. В п. 9, ст. 9 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» закреплено право получателей социальных услуг на такую услугу, как социальное сопровождение, а поставщики социальных услуг обязаны его осуществлять².

Трактовка понятия «сопровождение инвалидов» в профессиональной литературе насчитывает более 200 подходов к его определению. Оно рассматривается и как стратегия, и как технология, и как метод профессиональной помощи. Данные определения включают одинаково

вые характеристики сопровождения: оно дает возможность инвалиду выбирать и действовать по собственному усмотрению; предоставляет возможность научиться новым типам поведения; способствует личностному развитию. Сопровождение делает акцент на ответственности клиента, признавая, что независимый человек в соответствующих обстоятельствах способен принимать самостоятельные решения. А организатор сопровождения лишь создает условия, стимулирующие поведение клиента.

В современных интеграционных процессах субъектами социального действия являются как инвалиды, так и социум. Целесообразно рассматривать *интеграционный потенциал инвалида и интеграционный потенциал социума*. Под *интеграционным потенциалом инвалидов* понимаются: *возможность* для включения в различные сферы деятельности общества и *способность* усвоения требований внешней среды; *готовность* инвалида включиться в интеграционные процессы и сама его *интеграционная активность* (степень реального включения в жизнь общества). Возможность для активного включения в различные сферы деятельности общества и способность усвоения индивидом требований внешней среды определяются состоянием его психического и физического здоровья (тип и специфика протекания заболевания, степень выраженности дефекта), наличием поддерживающего ресурса (семья, тьютор, место проживания, информационные и материально-технические ресурсы и т. д.). Готовность инвалида включиться в интеграционные процессы – это отношение к себе, своим действиям, ближайшему окружению и наличие желания быть интегрированным, мотивация к независимой жизнедеятельности. *Интеграционная активность инвалида* – деятельность, направленная на усиление взаимодействия и взаимосвязей с социумом.

Интеграционный потенциал социума в отношении инвалидов характеризуется: доступностью физической среды и инфраструктуры; доступностью информации, самостоятельностью в ее использовании и производстве; потребностью социума в интеграции; обеспеченностью для инвалидов участия в самоуправлении социумом; обеспеченностью участия в трудовой деятельности; доступностью ресурсов социума; равноправием в воспроизводстве социокультурной среды.

Опираясь на анализ существующих факторов дифференциации инвалидов как социально-демографической группы, исключив возрастной параметр дифференциации, можно говорить как минимум о трех важных параметрах: 1) вид и уровень ограничения жизнедеятельности, возникший из-за устойчивого нарушения здоровья; 2) формы и объемы реализуемой государственной поддержки; 3) условия жизни, наличие сети содействия жизнедеятельности лицам с ограниченными возможностями здоровья, включая и доступность ресурсов НКО.

Опираясь на эти принципы, мы уходим от использования обобщенного понятия «интеграция инвалидов», не имеющего практического значения, и обеспечиваем переход на индивидуализированные интеграционные технологии, какой, по нашему мнению, является технология социального сопровождения. В конечном итоге повышение индивидуального интеграционного потенциала инвалида и устранение внешних ограничений социальной активности и определяют результаты социальной интеграции. Социальное сопровождение позволяет систематизировать формы и методы работы с инвалидами в зависимости от уровня их интеграционного потенциала.

Можно выделить уровни интеграционного потенциала и их критерии. *Высокий уровень интеграционного потенциала* включает следующие критерии: индивид самостоятельно включен во все социальные процессы и институты; посещает социокультурные учреждения; работает, ведет активный образ жизни; имеет высокую мотивацию к интеграции и независимому образу жизни. Можно выделять высокий уровень интеграционного потенциала *при условии поддержки родственников*. Высокий уровень *при поддержке субъектов системы социального обслуживания*. *Средний уровень интеграционного потенциала инвалида* также рассматривается в трех аспектах (средний уровень, средний уровень при поддержке родственников и средний уровень при поддержке субъектов системы социального обслуживания) и характеризуется соответствующими критериями: инвалид периодически самостоятельно посещает государственные учреждения либо организовано посещение на дому; не работает, но включается периодически в социальные события; при помощи родственников посещает государственные учреждения либо организовано посещение на дому. *Низкий уровень интеграционного потенциала*: инвалид не имеет возможности для самостоятельной интеграционной активности. Низкий уровень при наличии родственников: не имеет возможности для самостоятельной социальной активности, мотивация практически отсутствует или очень слабо выражена. Имеет родственников, но они в социальной интеграции инвалида не участвуют.

Изучение интеграционного потенциала инвалидов проводилось в соответствии со следующими критериями: личностная готовность инвалида к социальной интеграции (позволяет определить эмоционально-оценочное отношение индивида к своему социальному положению, удовлетворенность различными сторонами жизни и перспективами реализации потребностей, а также оценить внешние условия своего существования и «включенности» в общество); интеграционная активность инвалида (данный критерий помогает определить реальную деятельность, направленную на обеспечение оп-

тимальной самореализации и существования в социуме; реальные поступки инвалида, предпринимаемые им в процессе социальной интеграции); идентификационно-мировоззренческий критерий совмещает в себе два предыдущих критерия, с одной стороны, и характеристику интеграционного потенциала социума, с другой. Данный критерий выявляет специфику самоосознания и самовосприятия; показывает выбор инвалидом оптимальной модели отношений с обществом (модели инвалидности); выявляет понимание, каким должно быть его собственное поведение в реализации стратегии интеграции, какие барьеры на этом пути могут возникнуть.

В сентябре 2017 г. – январе 2018 г. в рамках Международной научно-исследовательской лаборатории социальных проектов Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено социологическое исследование с целью изучить интеграционный потенциал инвалидов в Белгородской области. Информационной базой служили, во-первых, данные базы Белгородского территориального отделения Всероссийского общества инвалидов; во-вторых, результаты структурированного интервью.

Данные базы Белгородского территориального отделения Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) обрабатывались при помощи метода статистической группировки, который выполнял в исследовании следующие функции: описание, обобщение и объяснение; позволил распределить данные ВОИ на однородные группы по существенным признакам интеграционного потенциала, имеющегося у инвалидов.

Кроме того, нами были собраны первичные данные. Для этого применялся метод структурированного интервью. Респондентами являлись люди, занесенные в базу данных Белгородского территориального отделения ВОИ и давшие согласие на участие в исследовании. Выборка – целевая. Критериями выборки явились наличие статуса инвалида и внесение в базу данных Белгородского территориального отделения ВОИ. Объем выборочной совокупности составил 110 человек. Из них 40% – женщины, 60% – мужчины. Респонденты первой группы инвалидности – 23%, второй группы – 55%, третьей – 22%. Структурированное интервью проводилось в формате «один на один», вопросы задавались в определенной последовательности, согласно составленному заранее специальному бланку с перечнем основных вопросов. Это позволило достаточно полно рассмотреть заранее обозначенные признаки интеграционного потенциала инвалидов. Первичные данные, полученные в результате структурированного интервью, обрабатывались при помощи программного продукта SPSS для Windows.

Представим некоторые результаты исследования. Анализ структурированного интервью по-

казал, что среди респондентов 27% – с высоким уровнем интеграционного потенциала, со средним – 42% и с низким – 31%. Одним из основных факторов успешной социальной интеграции инвалидов является отношение к себе, своим действиям, ближайшему окружению и наличие желания быть интегрированным. Так, 33% респондентов (молодые инвалиды) считают, что их образ жизни, самочувствие зависят от субъективных причин. Они уверены, что в любой момент могут повлиять на свое окружение, практически всегда берут на себя ответственность за то, что с ними происходит. Большая часть респондентов (51%), особенно старшего возраста, считают, что все зависит, прежде всего, от объективных факторов, ответственность перекладывают на обстоятельства. Более 73% опрошенных нуждаются в понимании и поддержке семьи и находят их. Недостаток внимания со стороны близкого окружения оказывает существенное негативное влияние на уровень интеграционного потенциала молодых инвалидов. У некоторых активизируется желание жить среди здоровых людей, что стимулирует их активность и стремление к профессиональному образованию. Но часто включение в среду приносит разочарование (21%) при столкновении с реальными дискриминаторными практиками, что влечет за собой нежелание далее участвовать в жизни общества. Инвалиды часто стремятся к социальной интеграции, но общество со своей стороны не предоставляет достаточно условий для реализации потребностей инвалидов, и, не встретив ожидаемой поддержки, человек с инвалидностью утрачивает интерес к жизни общества.

Исследование показало, что четверть опрошенных находятся в полной зависимости от близких или опекунов (те, кто не могут самостоятельно передвигаться или обслуживать себя). Находясь длительное время в ограниченном жизненном пространстве, эта группа инвалидов меняет отношение к его материально-вещественным и личностным компонентам, возможности осуществления контроля над средой, меняется восприятие (настроение, мироощущение) и поведение человека, в большинстве своем инвалиды становятся замкнутыми, пассивными, иногда агрессивно настроенными на окружающих. Большинство опрошенных (73%) оценили отношение к ним окружающих как положительное, хотя и отмечали наличие напряженных отношений с ними. Возможность получать образование и работать создает условия для самовыражения и самореализации инвалидов, а также способствует решению одновременно нескольких жизненно важных задач: социальной и профессиональной реабилитации, социально-бытовой адаптации, повышению уровня жизни семьи индивида, а следовательно, и высокому уровню интеграционного потенциала инвалида. Активная деятельность помогает инвалидам преодолеть стереотип

«ущербности» и считать себя полноценными членами общества. Но, к сожалению, многие из опрошенных (39%) не хотят изменять стереотипов своего сознания, «молча страдая». Исследование показало, что в общественных организациях инвалидов состоят 49% опрошенных, 51% – не являются членами ни одной общественной организации инвалидов. Хотя только 7% респондентов указали на объективные причины – проблемы со здоровьем и трудности передвижения; 24% сказали, что разочарованы результатами работы НКО; 15% отметили незаинтересованность в деятельности общественных организаций. Только 13% опрошенных инвалидов не являются членами НКО, потому что у них нет на это времени. Примечательно, что 11% респондентов сказали, что не знают о деятельности общественных организаций инвалидов.

Проведенное исследование показало, что у части инвалидов наблюдается дефицит социальных связей. Это наблюдается у инвалидов, имеющих ограничения в передвижении, или у тех, кто имеет противопоказания к труду, учебной деятельности. Эти выводы перекликаются с результатами исследований отечественных социологов³.

Для поддержания высокого уровня интеграционного потенциала можно рекомендовать следующие мероприятия: организация информационной поддержки инвалида и членов его семьи; индивидуальный подход к разработке мероприятий социальной реабилитации ИПРА; составление перечня мероприятий по ИПРА; разработка проекта ИППСУ инвалида, в том числе раздела «Социальное сопровождение». Средний уровень интеграционного потенциала обеспечивается такими видами деятельности, как: организация информационной поддержки инвалида; содействие в прохождении МСЭ; разработка мероприятий социальной реабилитации ИПРА; форми-

рование возможного круга социальных связей; разработка ИППСУ; организация социального обслуживания; расширение круга социальных связей родственников инвалида. Низкий уровень интеграционного потенциала предполагает: организацию психологической и информационной поддержки инвалида; содействие в прохождении МСЭ; разработку мероприятий социальной реабилитации ИПРА; организацию социального обслуживания; обучение инвалида доступным средствам коммуникации; формирование первичного возможного круга социальных связей и его расширение; организацию поддерживающего проживания.

Таким образом, сопровождение есть система мер, направленных на поддержание процессов активной жизнедеятельности и развитие естественных способностей инвалидов, на создание условий для предупреждения развития негативных последствий возникающих социальных проблем, мобилизацию и активизацию скрытых резервов, на обучение новым или доступным профессиям, развитие способности самостоятельно справляться с возникающими проблемами.

Примечания

- ¹ См.: О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (с изм. и доп. от 30 октября 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ² См.: Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 14 ноября 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ³ См.: Волкова О. А. Теория социальной терапии в практике интернатных учреждений для престарелых и инвалидов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 57–59.

Образец для цитирования:

Свищёва И. К., Конева Т. Н. Социальное сопровождение как ресурс повышения интеграционного потенциала инвалида // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 265–268. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-265-268

Cite this article as:

Svischeva I. K., Koneva T. N. Social Escort as the Resource of an Increase in the Integrated Potential of Disabled People. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 265–268 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-265-268

УДК 364.043

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «СЕМЕЙНЫЕ ГРУППОВЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ» В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ В РОССИИ

А. Б. Федулова

Федулова Анна Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, fedulova.ann@mail.ru

Современная практика работы с семьей в России направлена на семьи, находящиеся в кризисном положении. Социальная работа строится на коррекции и изменении уже сложившейся ситуации в семье. Существующая система профилактической работы с семьями групп риска не всегда является эффективной. Понимание необходимости как можно более раннего начала решения возникающих проблем семьи свидетельствует о важности поиска новых подходов к социальной работе с семьей. В этой связи актуальность приобретают технологии, где ведущая роль отводится ранней профилактике и решению проблем семьи через комплекс социальных ресурсов. Ресурсность семьи выступает как совокупность потенциалов, направленных на поддержание стабильности семьи, развитие ее субъективности и компетентности в решении семейных жизненных проблем. В данной статье рассмотрена технология «Семейные групповые конференции» (СГК) как инновационная модель профилактики семейного неблагополучия, цель которой – создать возможность для восстановления способности семьи к конструктивной коммуникации и совместному выходу из проблемной ситуации. На основе результатов эмпирического исследования выявлены проблемы и обозначены перспективы применения технологии СГК в практической работе с семьей в деятельности социальных учреждений Российской Федерации. А также показана актуальность технологии СГК в контексте теории социального (общественного) капитала. Автор делает вывод о том, что социальный капитал определяет собственный потенциал семьи. Использование технологии «Семейные групповые конференции» в практической работе с семьей будет способствовать накоплению ресурсного потенциала семьи, активизации ее социального капитала в решении семейных проблем и формированию ответственности за самообеспечение семейной жизнедеятельности.

Ключевые слова: социальная работа с семьей, социальный капитал, семейная ресурсность, восстановительные технологии, семейные групповые конференции.

Problems and Possibilities of Applying «Family Group Conference» Technology to Social Work with Family in Russia

A. B. Fedulova

Anna B. Fedulova, ORCID 0000-0001-6875-6080, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, Nabereznaya Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russia, fedulova.ann@mail.ru

Modern practice of social work with family aims at families in crisis position. Social work with family is based on the correction

and modification of the current situation. The current system of preventive work with families of risk groups isn't always effective. Awareness of the need to start solving current problems of the family as soon as possible demonstrates the necessity for new approaches to the social work with family. In this regard, technologies with the leading role to early prevention and solving family problems through the complex of social resources are taking on particular urgency. The resources of the family act as a set of potentials towards maintenance of stability of a family, development of its subjectivity and competence in solving the family's life problems. In this article, the technology «Family Group Conference» (FGC) is considered as an innovative model of family disadvantage prevention. The aim of the given technology is to create the possibility to restore the abilities of a family to the constructive communication and joint way out in case of difficulties. On the base of empirical research the challenges and perspectives of applying FGC technology to practical work with family in social services in Russian Federation were set up. Also the relevance of FGC is shown in the context of the theory of social capital. The author makes a conclusion that social capital defines the family's own capital. The usage of the technology «Family Group Conference» in practical work with family will contribute to the accumulation of the family's recourse potential, to the strengthening its social capital towards family problems and to the formation of responsibility for self-reliance in family life.

Key words: social work with family, social capital, family resources, remediation technologies, family group conference.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-269-273

Риски современного общества влияют на социальную безопасность семьи, подрывают устойчивость семьи как социального института и малой социальной группы. В силу разных причин современная семья с детьми и подростками является слабонересурсной. Многие проблемы, такие как: неполнота семьи, конфликтность между родителями, родителями и детьми, педагогическая некомпетентность родителей, хронические болезни и инвалидность членов семьи – зачастую не являются предметной областью практической работы с семьей. Здесь, прежде всего, идет речь об относительно благополучных семьях, которые не обращаются за социальной поддержкой в специализированные службы, предпочитая решать проблемы самостоятельно.

Отсутствие профилактических мероприятий и ранних форм поддержки семьи в ситуации семейного неблагополучия может привести к негативным последствиям в структуре семьи, спровоцировать средовую дезадаптацию детей и подростков, усилить конфликтность. Поэтому необходимо включаться в работу с семьей на

ранних этапах семейного кризиса, когда семья столкнулась с проблемами и наблюдаются нарушения в ее функционировании.

В современной практике социальная работа с семьей ориентирована, прежде всего, на семьи, находящиеся в социально опасном положении, и профилактическая работа в этой связи не всегда эффективна. Причинами низкой эффективности профилактических мероприятий являются: позднее выявление проблем семьи, низкая заинтересованность семьи в решении собственных проблем, недостаточная эффективность традиционных технологий социальной работы с семьей, отсутствие в практической деятельности социальных учреждений методов и технологий, направленных на развитие семейной ресурсности и реализацию собственного потенциала семьи¹.

В зарубежной практике работа с семьями строится на ранней профилактике с учетом восстановительного подхода, когда семья самостоятельна и автономна в принятии решений относительно своего развития. При этом используется ресурс социального (общественного) капитала, основными компонентами которого являются доверие друг к другу, склонность к сотрудничеству в общих интересах не только с близкими, но и с малознакомыми людьми, личная ответственность за происходящее, проявление гражданской культуры.

Для формирования социального капитала необходимы три основных элемента: социальные сети, общие нормы и доверие, которые вместе создают специфическую форму капитала². Особое значение теория социального капитала придает доверию (или доверию незнакомцам) как компоненту социального капитала, отвечающему за его предполагаемые гражданские преимущества. Общее определение социального капитала можно сформулировать как преимущество, создаваемое положением индивида в структуре отношений.

Использование ресурсов социального капитала в практической социальной работе с семьей является достаточно актуальным направлением в контексте концепции социального партнерства как фактор повышения эффективности функционирования институциональных ресурсов семьи, но может иметь свою специфику в России.

Согласно данным Всемирного исследования ценностей (WVS – World Value Survey)³, только 23% россиян склонны доверять окружающим, в Швеции, например, – 74%. При проведении межстрановых сопоставлений на основе Европейского социального исследования (ESS – European Social Survey) выяснилось, что, несмотря на устойчивый рост показателей социального капитала, Россия находится среди отстающих стран⁴. Также в российском менталитете существует утверждение «не выноси сор из избы», истинный смысл которого означает: храни домашние отношения в тайне, не нарушай защитный ба-

рьер дома (семьи). Данные положения осложняют формирование ориентации населения на социальные сети, которые представляют собой совокупность неформальных межличностных практик, осуществляющихся с определенной регулярностью в виде взаимопомощи, информационной и эмоциональной поддержки⁵.

Сегодня прослеживается тесная взаимосвязь между системой социальной безопасности общества и ресурсностью семьи. На наш взгляд, семья в современном социуме может самостоятельно решать семейные проблемы в процессе своей жизнедеятельности, если она будет иметь комплекс ресурсов для этого. Семье необходимо предоставить возможность выбора форм социальной поддержки.

Нацеленность семьи на самостоятельное жизнеобеспечение, полноправное взаимодействие с социумом будет способствовать актуализации внутренних ресурсов семьи и направлено на формирование конструктивной коммуникации и культуры доверия между людьми, на повышение эффективности и результативности использования внешних институциональных ресурсов, которые вкладываются государством в поддержку семьи в настоящее время.

Формами социальной поддержки семьи, направленными на формирование ответственности за решение проблем, являются восстановительные технологии социальной работы с семьей. Ядром восстановительных технологий выступают изменение внутрисемейных взаимоотношений, ответственность семьи за решение собственных проблем через поиск и принятие самостоятельного решения по выходу из сложной жизненной ситуации⁶. В рамках данного подхода специалисты сфокусированы на положительных сторонах семейной ситуации и поиске институциональных и собственных ресурсов семьи.

Одной из восстановительных технологий работы с семьей является технология «Семейные групповые конференции» (СГК). Впервые СГК появилась в 1989 г. в Новой Зеландии. К 2014 г. 22 из 35 европейских стран использовали программы Семейных групповых конференций в практической работе с семьями.

В России впервые технология «Семейные групповые конференции» была представлена в 2004 г. в Мурманской области в рамках российско-норвежского проекта гуманитарной организации «СОС – Детские Деревни Норвегия». С 2006 г. получила свое распространение в других регионах Северо-Запада России, Псковской области, Москве, Новосибирской области, Пермском крае, Республике Татарстан. Вместе с тем данная технология в России не получила широкого применения в практике социальной работы с семьей и является инновационной моделью профилактики семейного неблагополучия⁷.

В соответствии с этой целью нашего исследования стало изучение практики применения

технологии «Семейные групповые конференции» как инновационной технологии социальной работы с семьей, характеристика проблем и возможностей применения технологии в практической деятельности социальных учреждений в Российской Федерации.

С целью анализа проблемы в 2017 г. было проведено эмпирическое исследование. Основными методами исследования стали: контент-анализ эссе студентов 3–4-х курсов ($n = 46$ чел.), обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск), и экспертное интервью со специалистами ($n = 3$ чел.), реализующими технологию СГК в Центре психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Гармония» (г. Новодвинск, Архангельская область).

Контент-анализ эссе студентов был проведен по следующим вопросам: 1) является ли технология «Семейные групповые конференции» инновационной моделью социальной работы?; 2) возможно ли использование технологии СГК в практике социальной работы с семьей в России?

Анализ результатов показал следующее: 93,47% респондентов считают технологию «Семейные групповые конференции» инновационной моделью работы с семьей, которая не представлена в практической деятельности социальной работы в России. Действительно, метод семейной групповой конференции отличается от общепринятых методов социальной работы с семьей. Основная цель технологии заключается в том, что семья выступает как эксперт по проблемам семьи, сама участвует в разработке плана решения проблем и несет ответственность за реализацию плана. Вмешательство в семейную ситуацию является минимальным, а роль специалистов имеет исключительно вспомогательный характер и предполагает предоставление информации о возможности получения социальных услуг.

Анализ вопроса о возможностях применения СГК в практической деятельности позволил сделать следующие выводы: только 13,04% респондентов считают, что технология без явных проблем может стать популярной и будет широко распространена в практике работы с семьей в России; 86,96% респондентов полагают, что применение технологии СГК в России возможно, но ее реализация не будет такой успешной и повсеместной, как за рубежом, где существуют центры, которые специализируются на ее применении. При этом студенты согласны с тем, что технология нужна в российской практике социальной работы с семьей и необходимо ее внедрение в деятельность социальных учреждений, которые предоставляют социальные услуги семьям.

Основными трудностями для повсеместного и активного применения технологии СГК

респонденты назвали: особенности менталитета российских граждан (не привыкли «выносить сор из избы», признать проблему перед близким окружением); недостаточное количество подготовленных специалистов; низкую информированность населения о технологии СГК; отсутствие актуальности технологии СГК на сегодняшний день; необходимость совершенствования процедуры СГК под особенности семей и специфику социальной работы в России; отсутствие ближайшего окружения у семьи как обязательного требования для проведения СГК; отсутствие законодательно-правового регулирования технологии СГК; удаленное проживание членов семьи (сложность собрать семью вместе).

Основной проблемой внедрения технологии «Семейные групповые конференции» в практическую деятельность социальных учреждений Российской Федерации студенты считают ментальные особенности российских граждан и неготовность подключить к решению семейных проблем социальные сети. В зарубежной практике люди чаще обращаются за помощью к специалистам. В России данный факт может вызывать неоднозначную реакцию у окружающих, и семья будет выглядеть как «семья с проблемами».

В целом, российские семьи не готовы выносить свои проблемы на обсуждение, в том числе близкого окружения, не доверяют специалистам, не уверены в результатах совместной работы; 32,60% респондентов отметили низкую информированность населения о технологии СГК; 21,73% сомневаются в возможностях применения основополагающих принципов и ценностей СГК к российским условиям и только 10,86% опрошенных технология СГК заинтересовала в профессиональном плане. Студенты отметили, что хотели бы более детально изучить ее и, возможно, в дальнейшем применять в профессиональной деятельности.

Анализ экспертных интервью показал следующее: специалисты знакомы с технологиями восстановительного подхода и считают СГК эффективной технологией решения проблем семьи на основе сплоченности, распределения ответственности между участниками встречи и активизации внутренних ресурсов семьи. По мнению экспертов, применение технологии СГК возможно в следующих случаях: конфликты ребенка со взрослыми и сверстниками; прогулы в школе, низкая успеваемость, нежелание ребенка учиться; урегулирование вопроса о порядке встреч с ребенком в ситуации развода родителей; девиантное и деликventное поведение подростка и др.

К недостаткам применения технологии СГК в практической деятельности социальных учреждений специалисты относят:

– большие затраты времени. Обычно у специалистов социальных служб высокая занятость. Нередко специалисты жалуются на нехватку времени. В данной ситуации гораздо важнее выпол-

нить план в соответствии с функциональными обязанностями. Несмотря на то, что эксперты поддерживают важность практики решения проблем, основанной на ресурсах и силах семьи, СГК является высокочрезмерной технологией (подготовка конференции, встречи с семьей и ближайшим окружением, сопровождение семьи, работа со специалистами и др.);

– низкую мотивацию семьи. У специалистов возникают опасения, заинтересуется ли семья в такой форме работы и как будут чувствовать себя участники в процессе подготовки и проведения СГК. Эксперты отмечают, что чаще встречаются семьи, которые готовы переложить свои проблемы на специалистов социальных служб, ждут, что им должны помочь, при этом не пытаются найти самостоятельно выход из сложившейся ситуации;

– сложность и трудоемкость процесса подготовки СГК. Специалисты отмечают, что подготовка семейной групповой конференции – процесс достаточно трудоемкий, так как необходимо быть связующим звеном между приглашенными специалистами и членами семьи, выступать в качестве нейтральной позиции. Также могут возникнуть трудности в работе с приглашенными специалистами, со скептически настроенными родственниками семьи;

– финансовые затраты. По мнению экспертов, финансовые вопросы могут сильно затруднить внедрение технологии «Семейные групповые конференции» в практическую деятельность. Могут понадобиться ресурсы для организации, подготовки и проведения конференции (например, приглашение значимых родственников семьи из другого города, ведение телефонных переговоров, транспортное сообщение).

Также специалисты отмечают необходимость в информированности населения о технологии «Семейные групповые конференции», в обучении формам и методам технологии СГК специалистов социальных учреждений; недостаточность кадрового и материального обеспечения социальных учреждений.

Таким образом, на основе результатов проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Технология «Семейные групповые конференции» является инновационной моделью, формы и методы реализации которой идут вразрез с общепринятой практикой социальной работы с семьей в России. Позитивный результат внедрения СГК может быть достигнут только в том случае, если все участники (семья и ее ближайшее окружение, специалисты социальных учреждений) признают себя в качестве неотъемлемого члена профессиональной команды, т. е. допускают вмешательство в семейные взаимоотношения, но выступают с семьей на равных основаниях, являются партнерами.

Сильными сторонами реализации технологии «Семейные групповые конференции» явля-

ются: новая модель решения семейных проблем; ориентация на развитие внутренних ресурсов семьи; выстраивание взаимопонимания и взаимодействия специалистов и членов семьи; индивидуальный подход к семейным проблемам. Внедрение технологии СГК в практическую социальную работу с семьей усилит социальную сплоченность между членами семьи, специалистами, социумом в целом путем предоставления семье возможностей проработать решения проблем внутри своей семьи, актуализируя внутренние ресурсы семьи и формируя культуру коммуникации и культуру доверия между людьми.

Преодоление проблем функционирования и развития социальных сетей предполагает формирование у населения представления о социальном капитале сетей общения как о важнейшем ресурсе личного развития⁸. В этой связи реализация технологии «Семейные групповые конференции» решает задачу формирования культуры отношений, основанных на осознании взаимовыгодности, взаимозависимости и ресурсности.

Вместе с тем внедрение инновационных форм работы с населением, предполагающих командную работу, сталкивается с препятствиями, поскольку в настоящее время государственные учреждения ориентированы прежде всего на традиционные формы работы, характеризуются некоторой ригидностью и бюрократизмом. Для успешного внедрения технологии СГК в практику социальных учреждений необходимо тесное сотрудничество с зарубежными странами, в которых распространена данная технология; обмен опытом между специалистами и адаптация технологии под условия российской системы социальной защиты населения; системная подготовка специалистов, способных к использованию восстановительных технологий работы с семьей, ориентированных на ресурсность семьи.

Достаточно проблемным является вопрос об организациях и специалистах, которые вправе проводить семейные групповые конференции. Особая роль в проведении конференции отводится независимому ведущему – подготовленному специалисту, имеющему право организовывать и проводить конференцию. В настоящее время подготовкой независимых ведущих и сопровождением их деятельности (супервизией) занимаются сертифицированные тренеры СГК под патронатом Центра развития семейных форм устройства детей (г. Мурманск), что осложняет внедрение СГК в практическую деятельность социальных учреждений Российской Федерации.

В аспекте повышения профессионализма независимых ведущих семейных групповых конференций актуальным является организация государственной системы их подготовки, предусматривающей обучение специалистов в соответствии с требованиями профессионального стандарта специалиста по работе с семьей, ос-

воение различных социально ориентированных моделей работы с семьей, а также практики междисциплинарного взаимодействия социальных органов и служб.

Анализ результатов проведенного исследования выявил трудности внедрения технологии СГК в практическую деятельность социальных служб. Среди них: непроработанность оценки и критериев эффективности технологии; финансовые ограничения; проблемы в межведомственном взаимодействии органов и служб; недостаточная мотивация сотрудников к инновационной деятельности; низкий престиж социальной работы как профессиональной деятельности, направленной на решение проблем; неготовность социума к решению проблем ближайшего окружения; низкий уровень доверия окружающим.

В заключение отметим, что для внедрения восстановительных технологий в практику социальной работы с семьей необходим дифференцированный подход. Основными направлениями развития технологии «Семейные групповые конференции» должны стать институционализация технологии и ее интегрирование в систему социальной защиты населения посредством правового регулирования. Также необходима популяризация технологии, в том числе в средствах массовой коммуникации и системе образования, для информирования и привлечения большего числа семей к данной форме социальной работы с семьей с целью своевременного снижения остроты семейного неблагополучия и формирования ответственности за решение собственных проблем.

Примечания

- ¹ См.: Туралькина Н. А., Федулова А. Б. Роль институциональных ресурсов семьи в преодолении проблем семейного неблагополучия // Исследование современных проблем общества в контексте социальной работы : сб. науч. ст. студентов и преподавателей. Вып. 5 / отв. ред. и сост. А. Б. Федулова. М. : Перо, 2017. С. 86–90.
- ² См.: Беляева Л. А. Социальный капитал : концепция и практика // Социологический мониторинг. 2016. № 10. С. 92–106.
- ³ См.: WVS – World Value Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 15.12.2017).
- ⁴ См.: Иванов В. В., Павлов П. Н., Козлов В. А., Сутырина Т. А. Формирование социального капитала в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2014. № 3. С. 3–16.
- ⁵ См.: Колтина Л. В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. Альманах – 2016. М. : АО «ВЦИОМ», 2016. С. 145–157.
- ⁶ См.: Коноплева С. В. Семейные групповые конференции в России : теория и практика : метод. пособие. Мурманск, 2012.
- ⁷ См.: Федулова А. Б. Семейные групповые конференции как восстановительная практика социальной работы с семьей // Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе : материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. (Арзамас, 25 февраля 2015 г.) / под ред. Т. Т. Щелиной, Ю. Е. Болотина. Арзамас : АФ ННГУ, 2015. С. 169–174.
- ⁸ См.: Колтина Л. В. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Федулова А. Б. Проблемы и возможности применения технологии «Семейные групповые конференции» в социальной работе с семьей в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 269–273. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-269-273

Cite this article as:

Fedulova A. B. Problems and Possibilities of Applying «Family Group Conference» Technology to Social Work with Family in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 269–273 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-269-273

УДК 316.356.2

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЕГО СЕМЬИ (теоретическое обоснование проблемы)

М. В. Курникова

Курникова Мария Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, mkurnikova@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты понятия «социальное самочувствие», различные подходы к его изучению. Сделан обзор научных источников для обобщения критериев исследования социального самочувствия применительно к семье, воспитывающей ребенка-инвалида. Выявлено отсутствие общепринятой системы показателей и сигнальных индикаторов, по которым можно было бы измерить его уровень. Сопоставляются параметры оценки благополучия семей с детьми, согласованных на международном уровне и в нашей стране, как комплексная система показателей: внутреннее состояние малой группы (здоровье и настроение членов семьи); социально-экономические условия, непосредственно влияющие на жизнедеятельность малой группы; восприятие самой семьей перспектив своего развития. Отмечены эмпирические исследования о положительном влиянии регулярной физической активности на процесс формирования необходимых социальных навыков, на субъективное ощущение качества жизни не только у здоровых людей, но и у людей с инвалидностью. Расширение диапазона физической активности ребенка-инвалида оказывает положительное влияние на его соматическое благополучие, установление контакта с окружающим миром, удовлетворенность различными аспектами жизни и психологического комфорта. Указывается приоритетная роль семьи в реализации регулярной двигательной активности ребенка с нарушениями развития и, как следствие, рассматривается возможность применения показателя «физическая активность детей-инвалидов» в качестве критерия исследования социального самочувствия его семьи.

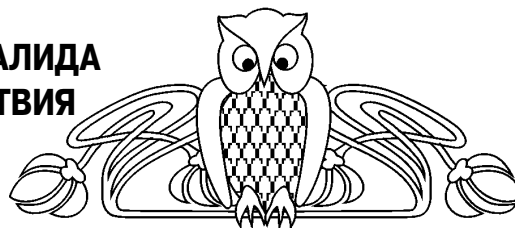
Ключевые слова: социальное самочувствие, семья с ребенком-инвалидом, физическая активность, критерии оценки, индикаторы.

The Disabled Child Physical Activity as a Criterion of Family Well-Being (The Theoretical Substantiation of the Problem)

M. V. Kurnikova

Maria V. Kurnikova, ORCID 0000-0002-0381-2587, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhniy Novgorod, 603950, Russia, mkurnikova@yandex.ru

The article deals with theoretical aspects of social well-being concept and various approaches to its study. The review of scientific sources for generalization of social health state research criteria with reference to the family bringing up the handicapped child is made. The absence of a generally accepted indicators system and signal indicators on which one could measure its level is revealed.

The parameters for assessing the well-being of families with children, coordinated at the international level and in our country, are compared as a complex system of indicators: the internal state of a small group (health and mood of family members); socio-economic conditions that directly affect the life of a small group; the perception by the family of the prospects for its development. Empirical studies on the positive effect of regular physical activity on the process of forming the necessary social skills, on a subjective sense of the life quality not only in healthy people but also in people with disabilities are noted. Expanding the range of a disabled child physical activity has a positive impact on his somatic well-being, establishing contact with the outside world, satisfaction with various life aspects and psychological comfort. The priority role of the family in the realization of a child with developmental disorders regular motor activity is pointed out, and as a consequence, the possibility of using the index «disabled children physical activity» as a criterion for examining the social health of his family is considered.

Key words: social well-being, family with a disabled child, physical activity, evaluation criteria, indicators.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-274-278

Исследуя понятие «социальное самочувствие», социологи дают различные характеристики данного состояния, основанные на объективных или субъективных критериях. Большинство исследователей единодушны в определении, что социальное самочувствие выступает одним из ведущих показателей состояния общества, его различных социальных групп и отдельных людей. Оно возникает под влиянием объективных обстоятельств жизни и деятельности, фиксирует эмоциональный уровень отношений людей, групп, их положение в социальной структуре, субъективные отношения и переживания, свидетельствующие о той или иной степени физиологической и психологической комфортности, степень включенности в систему общественных отношений, определяющих социальное самоопределение, самореализацию, социальную активность в разных сферах социальной жизни¹.

В эмпирических исследованиях по изучению социального самочувствия одним из подходов является измерение показателей удовлетворенности различными аспектами жизни и психологического комфорта (безопасность, отношения в семье, досуг, возможность творческой самореализации, комфортная среда обитания, состояние здоровья и др.). Критерии исследования и оценки социального самочувствия включают три основных компонента: внутреннее состояние человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма), оценку внешних условий

(восприятие ситуации в стране), восприятие собственного положения в будущем².

Феномен социального самочувствия в здравоохранении рассматривается через понятие «качество жизни». Термин включает в себя физическое, психологическое и социальное благополучие, как его воспринимает сам пациент, и позволяет качественно оценить влияние на такие составляющие факторы социального самочувствия, как болезнь и методы лечения. Изучение и определение параметра «качество жизни» является непременным условием исследований доказательной медицины³. Качество жизни, связанное со здоровьем, – это интегральная характеристика физического, психологического, эмоционального и социального функционирования здорового или больного человека, основанная на его субъективном восприятии. Если медицина трактует самочувствие скорее с физиологических позиций как «органическое» состояние человека, то в социологии самочувствие выступает как интегральная характеристика, детерминируемая социальными факторами.

В российской социологии семьи исследования и разработку социальных показателей и индикаторов ведут В. Н. Аргунова⁴, Ф. А. Мустаева⁵, Т. Н. Константинова⁶ и др. В современной социологической литературе в качестве необходимых и достаточных для оценки социального благополучия семьи выделяют четыре группы социологических показателей: 1) материально-бытовые (уровень жизни, обеспеченность атрибутами цивилизации и т. д.); 2) социально-институциональные (полнота семьи, т. е. наличие детей и обоих родителей и т. д.); 3) социального самочувствия (здоровье, мотивация, оптимизм и т. д.); 4) социально-групповые (удовлетворенность семейной жизнью, т. е. интимными и другими межличностными отношениями в семье). Предлагаются следующие индикаторы оценки: «Здоровье родителей», «Здоровье детей», «Питание», «Оптимизм», «Мотивация»⁷.

С 2000-х гг. усиливается интерес социологов к двум наиболее уязвимым группам детей – сиротам и инвалидам. Внимание общественности к проблемам и тех и других способствует внедрению новых технологий социальной адаптации и реабилитации – появляются инклюзивные и интегрированные школы, приемные семьи, детские деревни, обсуждаются вопросы безбарьерной среды, преодоления дефектов воспитания «государственных» детей. Несмотря на мнение ученых, что благополучие и социальное самочувствие детей – понятие многоаспектное, не существует ни общепринятой системы компонентов, ни стандартного набора согласованных на международном уровне показателей для количественной оценки. Понятие благополучия детей в настоящее время еще только формируется. Для понимания и анализа проблем, возможностей и потенциала всех детей, а также способствования

их благополучию многие международные организации проводят мониторинги условий жизни и развития детей, разрабатывая определение понятий, методики оценки и соответствующие индикаторы.

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) для оценки объективного благополучия детей и сравнения значений этого показателя в различных странах относит физическую активность к одному из факторов риска, влияющему на детское благополучие. Индекс детского благополучия (Child Well-being Index), разработанный в 2004 г. в США Фондом детского развития, учитывает индикаторы факторов риска, которые объединены в три группы: факторы риска, относящиеся к здоровью; факторы риска, связанные с поведением; факторы, связанные с насилием. В результатах исследования факторов риска, связанных со здоровьем, присутствует оценка физической активности ребенка, но только в связи с проблемой избыточного веса⁸. Международная экспертная группа под руководством Всемирной организации здравоохранения разработала рекомендации, согласно которым все подростки должны ежедневно иметь физическую нагрузку средней степени интенсивности в течение часа. Однако исследования в странах Организации экономического сотрудничества и развития показывают, что только около трети подростков занимаются физическими упражнениями в течение часа или более, от пяти и более дней в неделю. Наибольшая физическая активность отмечается у подростков в Ирландии, Канаде и США, а наименьшая – в Бельгии и Франции. Эти данные относятся к детям и подросткам, не имеющим отклонений в состоянии здоровья. Задача современного социума – стимулировать всех детей, не только здоровых, но и с особенностями развития, детей-инвалидов, поддерживать общую физическую активность на максимально возможном для них уровне, а также создавать условия, в которых они могли бы самостоятельно накапливать двигательный опыт, задействуя силу, выносливость, другие физические качества, и заниматься различными видами спорта.

Европейское региональное бюро ВОЗ рассматривает физическую активность как одну из важнейших детерминант здоровья, относящихся к образу жизни и развитию личности всех людей независимо от пола, функциональных способностей, этнокультурной принадлежности, возраста и социально-экономического статуса⁹.

Физическая культура является важным социальным феноменом в современном обществе, так как существенным образом воздействует на основные сферы общественной жизни, на жизнедеятельность человека, его способность противостоять неблагоприятным условиям жизни. На протяжении веков доказывалось, что физические упражнения способствуют развитию функциональных систем организма, повышают

общий уровень здоровья, иммунитет, способность к адаптации, стимулируют умственную деятельность¹⁰.

Под физкультурной деятельностью следует понимать ту форму активности человека, которая возникает по отношению и на базе многообразных видов моторно-двигательных практик. Однако в этих видах деятельности проявляются не только двигательные умения и навыки (в ряде видов спорта, например, в таких, как шахматы, шашки и другие, они вообще не требуются или не играют существенной роли), но и широкий круг иных качеств (способностей) человека: его интеллектуальные качества, эстетические способности, нравственные нормы поведения, навыки общения. Физическая активность используется не только для физического совершенствования человека. В ней заключены огромные потенциальные возможности для формирования нравственной и эстетической культуры, воздействия на разнообразные психические качества и способности, например, на волю, память, внимание. Эти возможности дают силу удовлетворить потребность в общении с другими людьми и с природой, помогают вырабатывать у себя не только физическую работоспособность и социальную выносливость, но и такие качества, как дисциплинированность, уверенность в своих силах¹¹.

Физическая культура сегодня способна решающим образом влиять на процесс формирования необходимых социальных навыков не только у здоровых людей, но и у людей с инвалидностью. Помимо прямого физиологического реабилитационного эффекта, регулярная физическая активность придает уверенность в процессе общения с социальным окружением, помогает творческой, личностной и профессиональной самореализации, таким образом, непосредственно влияет на социальное самочувствие индивида¹².

Социологи, занимающиеся исследованием социального самочувствия инвалидов, единодушно отмечают, что физическая подготовка, спортивная квалификация, регулярная физкультурная деятельность положительно влияют на уровень жизнестойкости, сознание и поведение человека в различных благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах, что приводит к повышению субъективного ощущения качества жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья¹³.

В Российской Федерации разработана правовая база для организации адаптивной физкультурно-спортивной деятельности, определены нормативы по наполняемости учебных групп, утверждены типовые программы для секций адаптивного спорта. Для обеспечения круглогодичной физической активности детей-инвалидов в дополнение к урокам физической культуры необходимы различные формы занятий и тренировок: в бассейне, в спортивном зале, на улице, массовые физкультурно-спортивные праздники, выездные

физкультурно-рекреационные мероприятия. При этом инициатором и активным организатором вовлечения в регулярную двигательную активность ребенка с нарушениями развития в необходимом объеме может быть только семья.

К сожалению, лишь незначительная часть семей имеет направленность на проведение семейных физкультурно-оздоровительных мероприятий¹⁴. Возможность посещения и регулярность физкультурных занятий детьми и подростками с инвалидностью напрямую зависит от объективных и субъективных факторов: наличия материально-технической базы и специалистов в шаговой доступности от места проживания семьи, возможности выбора модели физической активности, адекватной состоянию здоровья ребенка и мотивации родителей¹⁵. Паттерн физической активности формируется в раннем возрасте и закладывает фундамент на всю жизнь. Ребенок с нарушениями развития не может самостоятельно сформировать физически активный стиль жизни, так как ему намного труднее, чем здоровым сверстникам, выполнять движения и у него меньше возможности получать радость и удовольствие от движений¹⁶. Гипокинезия приводит к нервно-психическим расстройствам (слабеет память, суживаются интересы, нарушается речевая функция), развивается астенизация организма, нарастают патологические изменения нервно-мышечного аппарата. Регулярная физическая активность для ребенка с особенностями развития является необходимым и обязательным средством абилитации, профилактики осложнений основного заболевания¹⁷.

В нашей стране одной из основных задач реализации принципов доступности и массовости социальной политики государства в сфере поддержки семей, воспитывающих ребенка-инвалида, является внедрение физической культуры и регулярной физической активности в быт детей и подростков с инвалидностью, превращение их в привычку и жизненно необходимую, часть активного отдыха и культурного досуга.

Семья является одним из основных агентов социализации детей. В семье ребенок с первых лет своей жизни усваивает нормы человеческих отношений, получает опыт основ поведения, удовлетворенности жизнью и планирования будущего. В нашей стране пока не существует общепринятой системы критериев и индикаторов, по которым можно было бы измерить уровень социального самочувствия семьи с ребенком-инвалидом. Социологи, педагоги и специалисты здравоохранения в основном акцентируют внимание на материально-бытовых, финансовых, жилищных условиях, проблемах обучения ребенка, получения полноценной медицинской помощи и социально-бытового обслуживания¹⁸.

По мнению исследователей, физическая культура в жизни детей-инвалидов дополняет методы физической реабилитации, восполняет

ет потребность выражать жизненную радость и удовлетворение, является средством социализации, мощным стимулом восстановления или установления контакта с окружающим миром. Спортивная деятельность способствует формированию активной жизненной позиции, позволяет человеку решать ряд проблем, связанных с потребностями, ценностями, отношением его к делу. Двигательная активность способна изменять показатели самооценки детей с инвалидностью посредством уровня физической подготовки, достигнутой цели, соматического благополучия, чувства компетентности, мастерства или контроля, формирования здорового образа жизни, социального опыта¹⁹. Регулярная целенаправленная физическая активность детей-инвалидов может удовлетворять потребность в телесном здоровье, преодолении гиподинамии и гипокинезии, общении и культурном обогащении, повышении физических кондиций и координационных способностей, самореализации, в совершенствовании знаний, интересов, ценностных ориентаций, в установлении контакта с окружающим миром, а, следовательно, регулярная физическая активность ребенка-инвалида может являться средством влияния на критерии и индикаторы, которые составляют основу оценки социального самочувствия его семьи.

При этом не рассматриваются уровень физической активности ребенка-инвалида, создание условий для расширения диапазона его двигательных умений, способы мотивации родителей к совместным регулярным занятиям физической культурой.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что двигательная активность человека, ее воздействие на здоровье, физическое развитие, функциональное состояние органов и систем, эмоциональную и когнитивную сферу достаточно подробно, глубоко изучено и выделено в отдельные научные дисциплины в медицине, педагогике и психологии. Положительная роль физической культуры в формировании качества жизни современного человека во всех возрастных периодах вне зависимости от состояния здоровья неоспоримо доказана. Регулярная физическая активность для ребенка с особенностями развития является необходимым и обязательным средством реабилитации, профилактики осложнений основного заболевания.

Расширение диапазона физической активности ребенка-инвалида может быть рассмотрено с позиции влияния на социальное самочувствие его семьи, и показатель «физическая активность детей-инвалидов» применен в качестве критерия и индикатора.

Данное научное направление может стать необходимым источником информации для принятия решений и разработки мероприятий социальной политики государства в отношении семей, воспитывающих ребенка-инвалида.

Примечания

- 1 См.: Овчар Н. А. Социальное самочувствие как показатель социокультурной трансформации региона // Изв. ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 23, № 9 (172). С. 37–41.
- 2 См.: Кученкова А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие : соотношение понятий и способов измерения // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- 3 См.: Осинский И. И., Бутуева З. А. Социальное самочувствие : понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. № 14. С. 38–40.
- 4 См.: Аргунова В. Н., Кодина И. Н. Методика изучения социального самочувствия населения малого города // Вестн. НГГУ. 2013. № 1 (29). С. 7–11.
- 5 См.: Мустаева Ф. А., Потрикеева О. Л. Социальное самочувствие семьи в современных условиях // Дискуссия : политематический журнал научных публикаций. 2013. № 8 (38). С. 95–102.
- 6 См.: Константинова Т. Н. Социальные индикаторы : методология измерения семьи // Сев.-Вост. гуманит. вестн. 2016. № 3 (16). С. 43–48.
- 7 См.: Пьянов А. И. Социальное самочувствие российской семьи // Изв. ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2011. Т. 9, № 7 (80). С. 81–87.
- 8 См.: Цинченко Г. М. Благополучие детей в контексте новых социальных исследований в западных странах // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 76–88.
- 9 См.: Andersen L. B. [et al.]. Physical activity and clustered cardiovascular risk in children : a cross-sectional study (The European Youth Heart Study) // Lancet. 2006. Vol. 368. P. 299–304.
- 10 См.: Яковлева Н. И., Андреева С. А., Кирьянова О. С. Адаптация детей-инвалидов через занятия физической культуры // Вестн. ТОГИРРО. 2015. № 1 (31). С. 358–362.
- 11 См.: Еремушкин М. А. Двигательная активность и здоровье. От лечебной гимнастики до паркура. М. : Спорт, 2016.
- 12 См.: Нарзулаев С. Б., Сафронова И. Н., Петухов Н. А. Аспекты социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья средствами физической культуры и спорта // Вестн. ТГПУ. 2012. № 5 (120). С. 155–157.
- 13 См.: Болах Б., Приступа Т. Оценка восприятия качества жизни спортсменов-инвалидов // Физическое воспитание студентов. 2014. № 1. С. 13–16.
- 14 См.: Бельц В. Э., Малофеева О. В. Взаимодействие спортивного клуба с семьей как активным субъектом социализации личности ребенка // Вестн. ТГПУ. 2016. № 8 (173). С. 106–111.
- 15 См.: Курникова М. В., Голышев Н. И., Лабутина Н. А. Практический опыт организации работы группы по плаванию для детей и подростков с инвалидностью (на базе муниципального физкультурно-спортивного

- учреждения) // Адаптивная физическая культура. 2016. № 1(65). С. 46–47.
- ¹⁶ См.: Клочкова Е. В. Введение в физическую терапию : реабилитация детей с церебральным параличом и другими двигательными нарушениями неврологической природы. М. : Тервинф, 2014.
- ¹⁷ См.: Чекалова Н. Г., Матвеева Н. А., Силкин Ю. Р. [и др.]. Комплексная оценка здоровья школьников с разным состоянием костно-мышечной системы // Гигиена и санитария. 2014. Т. 93, № 4. С. 66–70.
- ¹⁸ См.: Доскин В. А., Батышева Т. Г., Лильин Е. Т., Глазкова С. В. Современные научные представления об улучшении качества жизни детей с ограниченными возможностями // Вестник перинатологии и педиатрии. 2014. Т. 59, № 5. С. 4–8.
- ¹⁹ См.: Ерешко Н. Е., Чепик В. Д. Проблемы исследования социализации детей-инвалидов средствами инклюзивной физической рекреации на региональном уровне (Московская область) // Учен. зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 10 (128). С. 61–66.

Образец для цитирования:

Курникова М. В. Физическая активность ребенка-инвалида как критерий социального самочувствия его семьи (теоретическое обоснование проблемы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 274–278. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-274-278

Cite this article as:

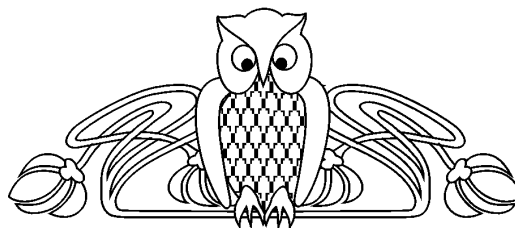
Kurnikova M. V. The Disabled Child Physical Activity as a Criterion of Family Well-Being (The Theoretical Substantiation of the Problem). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 274–278 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-274-278

УДК 37.062.3

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ К ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ

Т. А. Калугина

Калугина Татьяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kaluginaTA@yandex.ru

В статье по результатам социологического исследования, проведенного методом анкетирования, раскрываются проблемы процесса первичной и вторичной адаптации иногородних студентов к новой образовательной и городской среде. Показано, что студенты, прибывшие из других городов, успешнее начинают ориентироваться в вузовском и городском пространстве, осваивать новые функциональные компетенции и требования учебного процесса, чем студенты, приехавшие из сельской местности и небольших поселений. Иногородние юноши чаще девушек сталкивались изначально с проблемой более длительной продолжительности занятий в университете по сравнению со школой, с трудностями в написании рефератов, контрольных и курсовых работ, необходимостью конспектирования лекций. Им немного труднее было ориентироваться в расписании, сложнее приспосабливаться к самостоятельной жизни, к городу. Вторичная адаптация базируется на первичной и длится на протяжении всего обучения иногородних студентов, которые постепенно овладевают готовностью к выполнению высоких требований преподавателей, навыками самостоятельности, самообслуживания, самоконтроля, самообучения, самоорганизации, умениями работать с большим объемом новой информации, а также адекватного взаимодействия в студенческом коллективе, поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других студентов и преподавателей. Несмотря на изначальные затруднения, большинство иногородних студентов имеют отличную и хорошую успеваемость, редко (и только по уважительной причине) пропускают занятия, что свидетельствует об их успешной адаптации к учебному процессу в вузе. Опрос подтвердил, что чем чаще студенты посещают занятия, тем лучше у них успеваемость. Почти каждый третий из иногородних студентов вынужден совмещать учебу с работой, однако только чуть больше 10% пропускают из-за этого занятия. Иными словами, вторичная занятость студентов способствует повышению их адаптивного потенциала. Иногородние студенты достаточно быстро адаптируются в новом коллективе, дружат с однокурсниками. Однако треть студентов не могут до конца привыкнуть к обстановке в городе. Примерно каждый пятый хорошо ориентируется только в своем районе проживания. Большинство опрошенных отметили, что они знают не весь город.

Ключевые слова: иногородние студенты, адаптация, учебная деятельность студентов, досуговое поведение иногородних студентов.

Social Adaptation of Nonresident Students to the High School Environment

Т. А. Kalugina

Tatyana A. Kalugina, ORCID 0000-0002-8237-3833, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kaluginaTA@yandex.ru

Article based on the results of sociological research method of questioning, reveals the problems of primary and secondary process adaptation of nonresident students to new education and City Wednesday. It is shown that students coming from other cities, better start to navigate the University and urban space, develop new functional competency and the requirements of the educational process, than students who come from rural areas and small settlements. Nonresident boys girls more often faced with the problem of originally more prolonged duration of classes at the University compared with school, difficulties in writing essays, coursework and the necessity of taking notes lectures. Then a bit more difficult to navigate in the calendar makes it harder to adapt to independent living, to the city. A secondary adaptation based on primary and lasts throughout the education of nonresident students, which gradually acquire a willingness to fulfil the high demands of teachers, skills autonomy, self-service self-control, self-study, self-organization, skills to work with a large amount of new information, as well as adequate cooperation in the student team behavior with role expectations of other students and teachers. Despite the initial difficulties, the majority of nonresident students have excellent and good performance, rare (and only with good reason) to skip classes, which testifies to their successful adaptation to the educational process at the University. The survey confirmed that the more students attend classes, so they have better academic performance. Almost every third of nonresident students forced to combine study with work, but only a little more than 10% flow due to this lesson. In other words, the secondary employment students will enhance their adaptive capacity. Nonresident students adapt quickly enough to the new team, make friends with classmates. However, a third of the students are not able to end to get used to the atmosphere in the city. Approximately every fifth well only in their area of residence. The majority of respondents indicated that they know not the whole city.

Key words: nonresident students, adaptation, training students, leisure behavior of nonresident students.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-279-286

В настоящее время проблема адаптации студентов на начальном этапе профессиональной подготовки занимает одно из значимых мест в науке и практике. Система образования высшей школы не всегда оказывается достаточно подготовленной к тому, что только знания в традиционном понимании не могут выступать в качестве средства успешной адаптации вчерашних школьников. Вуз сегодня недостаточно ориентирован на создание условий для оптимизации социальной адаптации молодежи к студенческой среде. Между тем рыночная экономика, в условиях которой живут и формируются, а в перспективе будут работать в качестве

специалистов нынешние студенты, выдвигает жесткое требование к профессионалам как субъектам, владеющим не только современными компетенциями, но и широкими возможностями выбора средств решения возникающих проблем. Отсюда следует, что система высшего образования призвана выступать гарантом средовых условий социальной адаптации личности студента с учетом его интересов, способностей, запросов, ценностных ориентаций постоянно это социологически мониторить.

Изучению студенческой молодежи посвящено немало публикаций (В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, С. В. Ситникова, В. В. Степанов, А. Л. Темницкий¹):

Исследование образа жизни студентов отражено в работах И. Ю. Аксариной². Особенности вузовской социализации студентов раскрыты Н. В. Абрамовой, А. В. Мозговой, А. Ю. Яишниковым³. Проблему адаптации молодежи к различным средовым воздействиям затрагивал Н. А. Свиридов⁴. Применительно к сфере образования адаптационные процессы рассматривали В. В. Емельянов, Р. И. Лукичев, П. П. Скорик, Г. А. Чередниченко⁵. Однако публикаций по поводу адаптации иногородних студентов почти нет, исключение – статья И. В. Булыкиной⁶. На сегодняшний день именно этап адаптации студента к новым условиям его жизни является наименее изученным в системе высшего образования. Особенно это касается иногородних студентов, чья адаптация имеет свои особенности.

Иногородние студенты – это перспективная социальная категория населения, так как представляют собой профессиональный и человеческий потенциал развития вуза, города, региона. Они, проходя через процесс адаптации, приобретают ценный социальный опыт, который может стать значимым «капиталом» по окончании учебы в вузе, своеобразной «школой жизни». Человек в процессе своей жизнедеятельности преобразует внешнюю среду, осознанно приспособляя ее к своим потребностям. Пусковым механизмом процесса адаптации человека является смена окружающей его среды. Процесс адаптации имеет место тогда, когда обычное, привычное поведение малоэффективно и необходимо преодоление затруднений, связанных с новизной условий. Именно с такими затруднениями сталкивается бывший школьник при поступлении в вуз, особенно если это сопряжено со сменой места жительства. Поэтому процесс адаптации к обучению в вузе можно рассматривать как явление, имеющее множество аспектов. Адаптация студентов – сложное явление, связанное с перестройкой стереотипов поведения, а часто и личности. У некоторых этот процесс заканчивается неблагоприятно, о чем свидетельствуют отсеи студентов в первые семестры обучения,

низкая успеваемость. Часто за данным явлением стоит недостаточная гибкость адаптационных систем человека.

Социальная адаптация – процесс активного приспособления человека к изменившейся среде с помощью различных социальных средств. Успешная адаптация предполагает: адекватное восприятие окружающей действительности и самого себя; адекватную систему отношений и общения с окружающими; способность к труду, самообучению, к самоорганизации досуга и отдыха; способность к самообслуживанию и самоорганизации, к взаимодействию в студенческом коллективе; изменчивость, гибкость поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других.

Средой адаптации студентов выступает образовательная система вуза в целом, которая характеризуется как структурными, так и функциональными компонентами. Адаптивная ситуация вызвана новизной деятельности и условий, в которых она протекает. Эта новизна относится и к целям, которые поставлены перед студентом; к деятельности, которая протекает в рамках учебно-воспитательного процесса вуза; к новому социальному окружению; к непривычным повседневным практикам; к более широкой городской среде, к которой они также должны привыкнуть.

Адаптация – это процесс, который протекает на протяжении всех лет обучения. Только к третьему курсу формируются значимые для студента навыки самоконтроля, организованности, ответственности⁷. Различают активную и пассивную социальные адаптации⁸. Показателем успешной социальной адаптации является адекватный статус студента в вузовской среде, а также его удовлетворенность этой средой в целом. Показателем неуспешной социальной адаптации выступает смещение интересов индивида в иную социальную среду либо отклоняющееся поведение. В данном случае речь идет о низкой успеваемости и отсеиве студентов.

Эти индикаторы были заложены в ходе авторского социологического исследования, проведенного в 2017 г. методом анкетного опроса студентов 20 факультетов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, отобранных по целевой выборке. Целевая выборочная совокупность составила 350 иногородних студентов всех курсов обучения. В ходе опроса было выявлено, что 34,7% иногородних студентов проживали в городе, в селе – 27,3%, 26,7% – в поселке городского типа. Иногородние студенты, приехавшие из других областей для обучения в вузе, составляют 10,0% и 1,3% – иногородняя молодежь рабочих поселков. Опрос показал, что 88,0% опрошенных не состоят в браке, 6,0% являются семейными, 5,3% – находятся в гражданском браке. Доминантный возраст опрошенных – 18–20 лет. 40% опрошенных (преимущественно – девушки) проживают в общежитиях, около 30,0% иногородних студен-

тов на момент опроса снимали квартиру без хозяев, 17,3% – живут у родных и знакомых. Лица, снимающие квартиру с хозяевами, составляют 10,0%, 2,0% – проживают в квартире, купленной родителями, 0,7% опрошенных студентов живут в коммунальных квартирах.

Одними из факторов, влияющими на социальную адаптацию иногородних студентов, являются успеваемость и время, затрачиваемое студентами на подготовку к занятиям. Так, 52,7% иногородних студентов обучаются преимущественно на 4 и 5; 29,3% – на 4 и 3; 17,3% – только на 5, менее 1,0% – преимущественно на тройки. При этом 13,3% респондентов отмечают, что они готовятся к занятиям меньше часа, 32,0% – тратят 1–2 часа, более 2 часов – 22,0% студентов. Ситуативно тратят время на подготовку 29,3% студентов и 3,3% не готовятся совсем. Среди иногородних студентов, которые имеют только отличную успеваемость, 50,0% ежедневно на подготовку к занятиям тратят более 2 часов, 26,9% – по ситуации, 19,2% – 1–2 часа и только 3,8% не готовятся к занятиям, полагаясь на уже имеющиеся у них знания (табл. 1).

Среди студентов, обучающихся на 4 и 5, 38,0% тратят на подготовку 1–2 часа в день, 30,4% делают это ситуативно, что показывает гибкость их адаптивных процессов; 22,8% опрошенных затрачивают на ежедневную подготовку более 2 часов, 6,3% – меньше часа в день, 2,5% не готовятся вообще. Среди студентов, обучающихся на «хорошо» и «удовлетворительно», 31,8% тратят на подготовку занятий меньше часа в день; по 29,5% иногородних студентов подготавливаются к занятиям 1–2 часа в день или «как получится»; по 4,5% – или больше двух часов в день, или не готовятся вообще. Все респонденты, обучающиеся только на тройки, уделяют на подготовку занятий меньше часа в день. По

сути, каждый пятый студент проявляет здесь неумение распределять свое время и силы; неготовность к выполнению высоких требований преподавателей; неумение работать с большим объемом новой информации; а также отсутствие привычного контроля и опеки со стороны родителей, учителей; неготовность к обучению, основанному на полной самостоятельности; дефицит у некоторых студентов трудолюбия, а главное – желания учиться.

В ходе исследования выяснилось, что 36,7% иногородних студентов всегда посещают занятия, 51,3% – редко пропускают занятия. Лица, часто пропускающие занятия, составляют 11,3% опрошенных, что еще раз подтверждает их неготовность к самоорганизации. Частота посещения занятий оказывает значительное влияние на успеваемость студентов (табл. 2). Среди всегда посещающих занятия большинство (54,5%) учатся на 4 и 5; 34,5% – только на «отлично», 10,9% – на 4 и 3. Среди тех, кто редко пропускает занятия, 58,4% учатся на 4 и 5; 32,5% – на 4 и 3; 9,1% респондентов этой категории учатся на «отлично». Успеваемость студентов, постоянно пропускающих занятия значительно ниже: 76,5% учатся на 4 и 3; 23,5% – на 4 и 5. Самая низкая успеваемость у тех иногородних студентов, которые почти не посещают занятия – они все учатся только на тройки. Таким образом, чем чаще студенты посещают занятия, тем лучше у них успеваемость в вузе.

При этом в ходе анализа частоты посещения занятий выяснилось, что юноши в 2 раза чаще постоянно пропускают занятия, чем девушки (табл. 3).

Не посещают занятия только по уважительной причине 42,1% иногородних студентов (большинство – девушки) (табл. 4). Полагают, что это допустимо, 20,0%; 14,7% иногородних

Таблица 1

Взаимосвязь успеваемости иногородних студентов и времени их подготовки к занятиям, % по успеваемости

Успеваемость респондента	Время подготовки к занятиям					Итого
	меньше часа	1–2 часа	более 2 часов	когда как	не готовлюсь	
Только на 5	0	19,2	50,0	26,9	3,8	100
На 4 и 5	6,3	38	22,8	30,4	2,5	100
На 4 и 3	31,8	29,5	4,5	29,5	4,5	100
На 3	100,0	0	0	0	0	100

Таблица 2

Влияние посещаемости занятий на успеваемость иногородних студентов, % по посещаемости

Посещаемость занятий	Успеваемость				Итого
	только на 5	на 4 и 5	на 4 и 3	на 3	
Всегда посещаю	34,5	54,5	10,9	0	100
Редко пропускаю	9,1	58,4	32,5	0	100
Пропускаю постоянно	0	23,5	76,5	0	100
Почти не посещаю	0	0	0	100,0	100

Таблица 3

Влияние пола респондента на частоту посещения занятий, % по полу

Пол респондента	Частота посещения занятий				Итого
	всегда посещаю	редко пропускаю	пропускаю постоянно	почти не посещаю	
Мужской	30,3	51,5	16,7	1,5	100
Женский	41,7	51,2	7,1	0	100

Таблица 4

Влияние пола респондента на причины непосещения занятий, % по полу

Пол респондента	Причины непосещения занятий					Итого
	только по уважительной причине	считаю, что некоторые предметы можно пропускать	неудобное расписание занятий	просто лень идти на занятие	работаю	
Мужской	30,4	23,9	21,7	17,4	6,5	100
Женский	53,1	16,3	8,2	8,2	14,3	100
От общего	42,1	20,1	14,7	12,6	10,5	100

студентов мотивируют пропуски неудобным расписанием занятий; 12,6% – честно указали на свою лень (последние три категории мотиваторов пропусков занятий больше свойственны юношам); 10,5% отметили, что они пропускают занятия, так как вынуждены работать (в этой категории девушек – в 2 раза больше, чем юношей).

Как всегда, считалось, одним из важнейших атрибутов «добывания» информации у студентов являлась библиотека. Только 10,0% иногородних студентов часто посещают библиотеку, 12,7% – примерно один раз в неделю, 22,7% – один раз в месяц (причем это преимущественно девушки), 1,3% студентов посещают библиотеку редко, 46,7% не ходят в библиотеку вообще, заменяя ее информацией, доступной в Интернете (табл. 5). Это особенно свойственно юношам, что говорит о том, что у иногородних парней быстрее падает интерес к «добыванию» информации в библиотеке.

В ходе опроса было выявлено, что 70,7% иногородних студентов нигде не работают и 29,3% – вторично заняты. У 45,5% работающих студентов – неполный рабочий день. Работающих по сменам – 36,4% опрошенных. Лица, работающие на дому, составляют 9,1% иногородних. Полный рабочий день работают 6,8% иногородних студентов, 2,3% – всего лишь 2 раза в неделю, в выходные дни. Отметили, что работа влияет на их успеваемость, но не очень сильно, 43,2% опрошенных респондентов. У 36,4% опрошенных работа не влияет на успе-

ваемость, и 20,5% иногородних респондентов отметили, что работа влияет на обучение в вузе. Следовательно, работающих иногородних студентов СГУ почти 3-я часть опрошенных, при этом почти у половины неполный рабочий день и работа практически не влияет на их обучение в университете. Иными словами, вторичная занятость студентов способствует повышению их адаптивного потенциала.

Для анализа адаптации иногородних студентов были рассмотрены трудности, возникающие у студентов в первые дни обучения в вузе. У большинства юношей (37,9%) возникали трудности с подготовкой к семинарам и работой на них. Одной из немаловажных проблем молодых людей являлась более длительная продолжительность занятий в университете – так считали 31,8% иногородних студентов. Было сложно писать рефераты, контрольные и курсовые работы 30,3% опрошенных.

Гендерный анализ (табл. 6) показал, что иногородние юноши чаще девушек сталкивались с проблемой более длительной продолжительности занятий в университете по сравнению со школой, с трудностями в написании рефератов, контрольных и курсовых работ, необходимостью конспектирования лекций. Им труднее было ориентироваться в расписании, приспособиться к самостоятельной жизни, к городу. Девушкам тяжелее давались подготовка к семинарам и работа на них, самостоятельная работа в библиотеках. Они труднее ориентировались в системе кабине-

Таблица 5

Влияние пола на частоту посещения библиотек, % по полу

Пол респондента	Частота посещения библиотек							Итого
	часто	один раз в неделю	один раз в месяц	не хожу вообще	раз в год	только когда надо	редко	
Мужской	4,5	10,6	16,7	59,1	0	7,6	1,5	100
Женский	14,3	14,3	27,4	36,9	1,2	4,8	1,2	100
От общего	10,0	12,7	22,7	46,7	0,6	6,0	1,3	100

Таблица 6

Гендерные различия в трудностях в начале учебного года, % по положительному ответу

Трудности	Пол респондента	
	мужской	женский
Подготовка к семинарам и работа на них	37,9	45,2
Более длительная продолжительность занятий по сравнению со школой	31,8	26,2
Написание рефератов, контрольных и курсовых работ	30,3	22,6
Необходимость самостоятельно работать в библиотеке	4,5	20,2
Необходимость конспектировать лекции	27,3	17,9
Установление контакта с новым коллективом	6,1	19,0
Ориентирование в системе кабинетов и корпусов	4,5	8,3
Адаптация к самостоятельной жизни, жизни общества	1,5	1,2
Путаница с расписанием	1,5	0
Ориентирование в городе	1,5	0
Нет проблем	7,6	3,6

тов и корпусов, входили в контакт с новым коллективом.

На момент опроса адаптироваться к самостоятельной жизни, жизни города не могли 1,3% иногородних студентов и меньше 1,0% не могут ориентироваться в городе; 27,3% опрошенных отметили, что основной проблемой является адаптация к обстановке в городе. На нехватку денежных средств указали 24,7% студентов. 23,3% затруднились найти жилье. Принять самостоятельное решение не могли 12,0% респондентов. У 4,0% принявших участие в опросе возникли трудные взаимоотношения с окружающими людьми. Не было трудностей у 6,7% опрошенных.

Опрос показал, что только 8,0% иногородних студентов знают весь город; 67,3% отмечают, что они знают другие районы, но не все в городе; 22,7% студентов знают район, в котором проживают, и 2,0% знают только улицу своего района. Для дальнейшего анализа были рассмотрены данные, связанные со знанием города иногородними студентами разных курсов обучения (табл. 7). Так, 45,5% студентов 1-го курса знают свой район; 27,3% первокурсников знают другие районы города, но не все; знают весь город 18,2% респондентов; 9,1% знают лишь свою улицу, где они проживают. Что касается студентов 2-го курса, то среди них 61,5% знают другие районы, но

не все; 33,3% – знают район, где они проживают; по 2,6% знают только свою улицу или, напротив, – весь город. 80,0% иногородних студентов 3-го курса знают другие, районы города, но не все; 13,3% – лишь район, где они проживают; 5,0% студентов знают весь город и 1,7% – только свою улицу. Большинство молодых людей 4-го курса (70%) знают районы города, но не все; 16,7% – только свой район и 13,3% – знают весь город.

Особое место в адаптации студентов в иногородней среде занимает привыкание к студенческому коллективу. Так, 51,3% студентов привыкли к учебному коллективу в течение нескольких недель; 37,3% быстро привыкли к новому коллективу с первых дней пребывания в университете; 10,0% привыкали к студенческой среде несколько месяцев; 1,0% респондентов отметили, что они на момент опроса так и не адаптировались среди однокурсников.

Быстрее всего, с первых дней пребывания в университете, к коллективу привыкают студенты из других городов (37,5%); 23,2% студентов, приехавшие из сел и поселков городского типа, адаптируются гораздо сложнее: по 29,9% из них на адаптацию ушло нескольких недель. Такой же период времени потребовался 7,8% студентов, прибывших из других областей и 2,6% – из рабочих поселков. На адаптацию в течение месяца ушло время у 40,0% студентов, приехавших из

Таблица 7

Влияние курса обучения на знание города респондентом, % по курсу

Курс обучения респондента	Знание города респондентом				Итого
	знаю свою улицу	знаю район, где проживаю	знаю другие районы, но не все	знаю весь город	
1-й	9,1	45,5	27,3	18,2	100
2-й	2,6	33,3	61,5	2,6	100
3-й	1,7	13,3	80,0	5,0	100
4-й	0	16,7	70,0	13,3	100

других городов, у 33,3% сельских студентов и 26,7%, прибывших из поселков городского типа. Таким образом, чем крупнее город по основному месту проживания, тем быстрее проходит процесс адаптации иногородних студентов.

Это проявилось и в коммуникативных характеристиках иногородних студентов: 22,7% из них назвали свое общение с однокурсниками замечательным, 40,7% – хорошим, 31,3% указали на ситуативный характер общения, 5,3% отметили свою необщительность. Что касается круга общения в студенческой среде, то 52,7% иногородних респондентов отметили, что они общаются с 10 и более студентами, 37,3% опрошенных указали на круг общения из 5–7 человек, 10,0% студентов утверждают, что их круг общения состоит из 2–4 человек. У 61,7% опрошенных очень много друзей вне университета, 36,9% отметили, что друзья есть, но их очень мало, 1,3% участников опроса указали, что у них совсем нет друзей вне университета. Проводят свое время с друзьями или со знакомыми 69,5% опрошенных, с родственниками – 12,1% студентов. Отдают предпочтение однокурсникам 10,6% респондентов, 5,0% участников опроса вообще находятся в полном одиночестве и почти 3,0% студентов проводят свое свободное время с любимым человеком. Итак, иногородние студенты СГУ достаточно быстро адаптировались в новом коллективе, дружат с однокурсниками, однако реже имеют друзей вне университета.

Свободное время преимущественно посвящают общению с друзьями 67,3% иногородних студентов, около 50,0% респондентов обозначили, что сидят в разных социальных сетях, 31,3%

отмечают, что они спят в свободное время. Причем все это чаще свойственно девушкам. Смотрят телевизор 30,7%, немного чаще – юноши. Почти 30% опрошенных, особенно девушки, ходят в кино и в кафе (табл. 8).

Студенты, предпочитающие читать в свободное время, составляют 27,3% опрошенных (девушки занимаются этим в два раза чаще юношей); 25,3% респондентов играют в компьютерные игры (юношей среди них почти в два раза больше). Лица, проводящие свободное время в магазинах, составляют 23,3% иногородних студентов (девушек среди них почти в три раза больше). По 20,0% студентов (преимущественно юноши) посещают ночные клубы и занимаются спортом, 10,0% респондентов ходят в театры, 2,0% – учатся в свободное время. Просто гуляют 1,3% опрошенных (юноши) и по 1,0% студентов находятся в библиотеке или проводят время с любимым человеком. В той или иной степени удовлетворены проведением своего свободного времени 81,4% иногородних студентов, удовлетворены частично – 34,7%, 18,6% в той или иной степени не удовлетворены этим процессом

Таким образом, с процессуальной точки зрения можно выделить первичную и вторичную адаптацию иногородних студентов. Первичная адаптация может быть быстрой, когда на нее уходит несколько дней. Это больше свойственно студентам, прибывшим из других городов, которые успешнее начинают ориентироваться в вузовском и городском пространстве, осваивать новые функциональные компетенции и требования учебного процесса, чем студенты, приехавшие из сельской местности и небольших посе-

Таблица 8

Гендерные различия в способе проведения свободного времени, % по положительному ответу, по полу

Досуг	Пол респондента		По выборке
	мужской	женский	
Общаюсь с друзьями	62,1	71,4	67,3
Сижу в социальных сетях	50,0	48,8	50,0
Сплю	30,3	32,1	31,3
Смотрю телевизор	31,8	29,8	30,7
Хожу в кафе	21,2	35,7	30,0
Хожу в кино	22,7	34,5	30,0
Посещаю театр	7,6	11,9	10,0
Читаю	15,2	36,9	27,3
Играю в компьютерные игры	40,9	13,1	25,3
Хожу по магазинам	12,1	32,1	23,3
Хожу в ночные клубы	27,3	16,7	20,0
Занимаюсь спортом	37,9	7,1	20,0
Учусь	3,0	1,2	2,0
Гуляю	3,0	0	1,3
Провожу время с любимым человеком	1,5	0	1,0
Хожу в библиотеку	1,5	0	1,0

лений. Опрос показал, что иногородние юноши чаще девушек сталкивались с проблемой более длительной продолжительности занятий в университете по сравнению со школой, с трудностями в написании рефератов, контрольных и курсовых работ, необходимостью конспектирования лекций. Им немного труднее было ориентироваться в расписании, приспособливаться к самостоятельной жизни, к городу. Девушкам тяжелее давались подготовка к семинарам и работа на них, самостоятельная работа в библиотеках. Они труднее ориентировались в системе кабинетов и корпусов, входили в контакт с новым коллективом.

У большинства студентов этот процесс первичной адаптации занимает от нескольких недель до нескольких месяцев. Здесь большую помощь им оказывает институт кураторства, который призван знакомить первокурсников с законодательством в области образования, Уставом университета, Правилами внутреннего распорядка и Правилами проживания в общежитии, правами и обязанностями студента; работой библиотеки, здравпункта; с организацией культурно-массовый и спортивно-оздоровительной деятельности; с историей и традициями университета; воспитывать уважение к ценностям, нормам, законам, нравственным принципам, традициям университетской жизни; контролировать текущую и семестровую успеваемость и внеучебную занятость; участвовать в развитии различных форм студенческого самоуправления; помогать в культурном и физическом совершенствовании студентов; содействовать привлечению студентов к научно-исследовательской работе и различным формам внеучебной деятельности и т. д.

Вторичная адаптация базируется на первичной и длится на протяжении всего обучения иногородних студентов, которые постепенно овладевают готовностью к выполнению высоких требований преподавателей, навыками самостоятельности, самообслуживания, самоконтроля, самообучения, самоорганизации (как подготовки к занятиям, так и внеучебного времени, своего досуга), умениями работать с большим объемом новой информации, а также адекватного взаимодействия в студенческом коллективе, поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других студентов и преподавателей. Это, по сути, длительный процесс становления компетентной личности, умеющей справляться с возникающими проблемами. Этот процесс вторичной адаптации протекает на протяжении всего вузовского обучения. Вместе с тем его первые результаты проявляют себя уже на третьем курсе, где зафиксирована более высокая успеваемость (по сравнению со вторым курсом).

Несмотря на изначальные затруднения при подготовке к семинарам и самореализации в этой новой для вчерашних школьников форме обучения, низкий уровень посещаемости библи-

отеки, большинство иногородних студентов имеют отличную и хорошую успеваемость, редко (и только по уважительной причине) пропускают занятия, что свидетельствует об их успешной адаптации к учебному процессу в вузе. Опрос подтвердил, что чем чаще студенты посещают занятия, тем лучше у них успеваемость. Почти каждый третий из иногородних студентов вынужден совмещать учебу с работой, однако только чуть больше 10% пропускают из-за этого занятия. Иными словами, вторичная занятость студентов способствует повышению их адаптивного потенциала.

Иногородние студенты достаточно быстро адаптируются в новом коллективе, дружат с однокурсниками. Однако они реже имеют друзей вне университета. В этом плане вырисовываются две стратегии адаптации иногородних студентов. Одна – закрытая по отношению к городу и горожанам. Следующий ей студент создает в новом социальном пространстве собственную сеть социальных связей из своих однокурсников. Треть опрошенных иногородних студентов СГУ не могут до конца привыкнуть к обстановке в городе. Примерно каждый пятый хорошо ориентируется только в своем районе проживания. Большинство опрошенных отметили, что они знают не весь город. Вторая стратегия – открытая: иногородний студент не воздвигает субъективного барьера между собой и горожанами. Около 10% респондентов хорошо знают город. Чем крупнее город по основному месту проживания, тем быстрее проходит процесс адаптации иногородних студентов к городской среде. Однако большинство из них удовлетворены организацией своего досуга, что также свидетельствует об успешности адаптационного процесса.

Примечания

- ¹ См.: Российское студенчество : идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. М. : ИЭА РАН, 2014 ; Ситникова С. В. Инструментальный характер образовательных стратегий учащейся молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 25–28 ; Темницкий А. Л. Возможности повышения уровня адекватности понимания в современных коммуникациях студентов // Коммуникология. 2016. Т. 4, № 6. С. 223–240.
- ² См.: Аксарина И. Ю., Аксарина Я. С., Аксарин И. В. Особенности современного образа жизни студентов в период обучения в вузе // Современное образование в России и за рубежом : теория, методика и практика : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 31 декабря 2016 г.) / редкол. : О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 159–162.
- ³ См.: Абрамова Н. В. Оценочные исследования в социологии : история, методология и перспективы применения в сфере образования : автореф. дис. ... канд. социол.

- наук // Институт социологии РАН : [офиц. портал]. 2017. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4980> (дата обращения: 09.02.2017) ; *Мозговая А. В., Яшиников А. Ю.* Институциональные и личностные факторы и риски вузовской социализации (по материалам социологического исследования) // *Общество : социология, психология, педагогика.* 2016. № 1. URL: <http://dom-hors.ru/nauchnyy-zhurnal-obschestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/> (дата обращения: 09.02.2017).
- ⁴ См.: *Свиридов Н. А.* Адаптационные процессы в среде молодежи // *Социс.* 2002. № 1. С. 90–95
- ⁵ См.: *Емельянов В. В.* Студенты об адаптации к вузовской жизни // *Социс.* 2001. № 9. С. 79–82 ; *Лукичев Р. И., Скорик П. П.* Студент об адаптации к вузовской деятельности // *Социс.* 2001. № 9. С. 47–53 ; *Чередниченко Г. А.* Жизненные траектории молодежи на разных этапах образования // *Социс.* 2003. № 4. С. 50–65 ; *Шолохова Г. П., Чикова И. В.* Адаптация первокурсников к условиям обучения в вузе и ее психолого-педагогические особенности // *Вестн. ОГУ.* 2014. № 3 (164). С. 103–107.
- ⁶ См.: *Булыкина И. В., Вагнер Т. В., Сергеева И. Е., Самсонов Л. В.* Проблемы иногородних студентов : социологический аспект // *Вестн. КАСУ.* 2006. № 3. С. 28–32.
- ⁷ См.: *Кузьмишкин А. А., Кузьмишкина Н. А., Заби-ров А. И., Гарькин И. Н.* Адаптации студентов первого курса в вузе // *Молодой ученый.* 2014. № 3. С. 933–935.
- ⁸ См.: *Репьёва Н. Г.* Проблема адаптации студентов первого курса к обучению в вузе. URL: <http://elib.altstu.ru/elib/disser/conferenc/2010/02/pdf/275repyeva.pdf> (дата обращения: 15.02.2018).

Образец для цитирования:

Калугина Т. А. Социальная адаптация иногородних студентов к вузовской среде // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2018. Т. 18, вып. 3. С. 279–286. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-279-286

Cite this article as:

Kalugina T. A. Social Adaptation of Nonresident Students to the High School Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology,* 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 279–286 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-279-286

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.423.2

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

А. А. Фомин

Фомин Андрей Анатольевич, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tahhep2010@gmail.com

В статье рассматриваются особенности эволюции социологических подходов, сформировавшихся в западной социологии, к анализу информационного общества. Рассмотрены идеи и представления зарубежных и отечественных социологов, предлагающих собственные интерпретации термина «информационное общество». Выявляются этапы становления и развития идеи информационного общества. На первом этапе происходит формирование концептуальных основ информационного общества как особой социальной реальности (70-е – середина 90-х гг. XX в.). На втором этапе закрепляется диверсификация базовых подходов социологического анализа (середина 1990-х – 2008 г.). На третьем этапе переосмысливаются базовые исследовательские подходы (настоящее время). Также анализируются базовые признаки информационного общества и определяется роль цивилизационного критерия, на основе которого дается характеристика информационного общества. Быстрый рост информационных технологий и развитие новых средств коммуникации показывают значимость и эвристический потенциал данного критерия в новых условиях развития западной социологии.

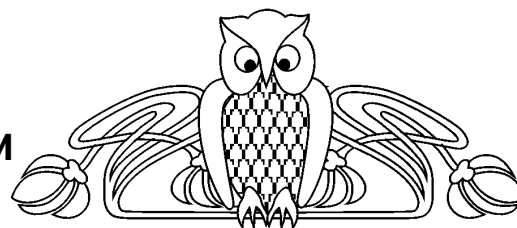
Ключевые слова: информационное общество, эволюция социологических подходов, социологический анализ.

Evolution of Representations about the Information Society in Modern West Sociology

A. A. Fomin

Andrey A. Fomin, ORCID 0000-0003-1075-2962, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, tahhep2010@gmail.com

In the article features of evolution of the sociological approaches formed in the western sociology to the analysis of an information society are considered. Ideas and ideas of foreign and domestic sociologists, offering their own interpretations of the term information society were considered. The stages of the formation and development of the idea of the information society are revealed. At the first stage, the conceptual foundations of the information society as a special social reality are being formed (the 70s – the mid 90s of the XX century). At the second stage, diversification of basic approaches to sociological analysis is consolidated (mid 1990–2008). At the third stage, the basic research approaches are being rethought (now). The article also examines the basic features of the information society and determines the role of the civilizational criterion, on the basis of which the characteristics of the information society are given. The

rapid growth of information technologies and the development of new means of communication show the significance and heuristic potential of this criterion in the new conditions of development of western sociology.

Key words: information society, evolution of sociological approaches, sociological analysis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-287-291

Как известно, в социологии сложились различные подходы к типологии обществ. Исторически, если учитывать классический этап развития социологии, можно говорить о нескольких критериях, в том числе формационном, политическом и, наконец, цивилизационном.

Формационный и политический критерии, в основе которых находятся, соответственно, развитие формации, базирующейся на определенном способе производства, и трансформация политического режима, являются по своей основе односторонними.

Цивилизационный критерий, учитывающий как социальный, экономический, так и политический и духовный контексты развития общества, представляет собой новый интеграционный этап научного осмысления общества. Данный критерий позволяет говорить о таких общественных укладах, как аграрный, индустриальный, постиндустриальный и информационный.

Рост технологизации и перенос приоритета из индустриального сектора в научный привели к тому, что обозначились контуры нового общественного уклада. Также сложились и идейно-теоретические предпосылки перехода и информационному обществу. Следует отметить, что сами идеи информационного общества берут начало в теории постиндустриализма, которая во многом детерминировала интерес исследователей к отдельным аспектам воздействия научно-технического прогресса на социум, что и способствовало появлению широкого спектра концепций, в том числе концепции информационного общества. В этой связи следует упомянуть работы американского социолога и футуролога Э. Тоффлера, в частности «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980) и др. Важное место в его работах занимает так называемая концепция трех волн. Немаловажное значение имела и теория праздного класса известного западного социолога и философа Т. Веблена. Также значимое идейно-

теоретическое влияние на формирование основ теории информационного общества оказали идеи Д. Белла, сформулированные им в работе «Грядущее постиндустриальное общество». Так в конце XX в. постепенно сформировались необходимые предпосылки для становления теории информационного общества.

В 60-х гг. XX в. термин «информационное общество» был введен в научный оборот в США Ф. Махлупом и в Японии Т. Умесао, исследующими динамику развития наукоемких производств, хотя некоторые исследователи приписывают возникновение этого термина профессору Токийского технологического института Ю. Хаши.

В современной социологической теории выделяются несколько этапов развития информационного общества:

I этап – зарождение представлений и социологических подходов к изучению природы и характерных черт информационного общества (70-е гг. – середина 90-х гг. XX в.);

II этап – диверсификация базовых подходов социологического анализа информационного и постиндустриального обществ (середина 90-х гг. XX в. – 2008 г.);

III этап – новейший, связанный с переориентацией базовых исследовательских стратегий научной социологической проблематики постиндустриального общества.

Появление первого этапа обусловлено рядом объективных и субъективных факторов, рассмотренных в ряде современных исследований. Один из факторов заключается в смене ориентации с идеалов на реальные проблемы и их решение. Новые идеи социального прогресса базировались на нескольких постулатах:

- 1) промышленном – введение новых технологий и увеличение объемов производства;
- 2) экономическом – формирование отношений на основе товарно-денежных отношений;
- 3) правовом – на основе прав человека и конструктивных свобод;
- 4) гражданском, позволяющем гражданам заниматься самозанятостью для реализации частных и общественных интересов¹.

В частности, акцентируется внимание на формировании нового мышления, которое сопровождается дифференциацией процесса познания при переходе общества от одной формы к другой.

Э. Тоффлер в своих работах представляет развитие нового общества в виде трех волн, которые сменяются друг за другом вследствие научно-технического прогресса.

Первая волна создала сельскохозяйственную цивилизацию. Производство было нацелено на актуальный в данный момент товар, следовательно, в этот период была децентрализация экономики. Существовало разделение труда. В обществе преобладал классовый строй.

В XVIII в. началась вторая волна развития общества, которая полностью изменила жизнь всего населения. Э. Тоффлер ассоциирует смену обществ со взрывом, «который прошел по всему земному шару, уничтожая устаревшие общества и создавая абсолютно новую цивилизацию». Под «ударной волной» подразумевается промышленная революция. Последствием второй волны стало возникновение «индустриальной цивилизации», которая, по мнению исследователя, просуществовала недолго, «ибо с ее появлением на мир начала накатывать новая “волна”, которая несла возникновение новых институтов и смену ценностных ориентиров»².

М. Кастельс в одной из основных своих работ «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»³ утверждает, что возникновение новых технологических возможностей представляет огромный потенциал для развития общества. При этом у общества сохраняется большое количество вариантов для выбора дальнейшего пути развития. Данная теория о влиянии технологий на социальную сферу подтверждается историей развития компьютерных технологий в США. Согласно автору, изобретение и повсеместное внедрение персональных компьютеров было трудно предсказать технологическими законами: альтернативой персонализации вычислительной техники в обществе являлся контроль развития технологий крупными технологическими корпорациями и правительством. При таком развитии общества появляются тенденции тотального контроля, увеличивающие возможности органов власти, обладающих более современными и совершенными компьютерными технологиями. В середине прошлого века существовала опасность монополизации технологии, однако из-за множества внешних факторов риски сведены к минимуму.

Т. Стоуньер при исследовании нового общества, которое, по его мнению, зародилось в связи с изменением формы хозяйствования, говорит следующее: «Так же, как и во времена Смита, происходит смещение экономики от сельского хозяйства в пользу промышленности, так и сегодня она смещается от промышленности к информатике. И подобно постаграрной экономике, так сегодня более технически развитые секторы глобального общества переходят к стадии постиндустриальной экономики»⁴.

У. Дайзارد в своих работах также придерживается нескольких этапов развития информационного общества: «США – первая страна, прошедшая все три стадии от аграрного к индустриальному обществу и от него к такому, которому даже трудно дать определение; выявлена всего одна характеристика из целого ряда возможностей: основным видом дальнейшего развития экономики является создание, хранение, обработка и распространение информации»⁵.

Другой взгляд на развитие информационного общества предложил в своих работах Г. Кан. Он разделяет этапы развития по способу взаимодействия человека с природой.

Первый этап начался 10 тысяч лет назад и просуществовал достаточно долго. Исследователь дает определение данному этапу как «сельскохозяйственная революция», которая внесла значительные изменения в устройство общественной жизни. Этому этапу присущи низкий экономический рост и товарный дефицит.

Второй этап Г. Кан называет «Великим переходом», он начался полвека назад и существует по сегодняшний день. Автор разделяет второй этап на три фазы: фазу индустриальной революции, фазу супериндустриальной мировой экономики и фазу постиндустриальной мировой экономики.

Последний этап автор представляет как снижение влияния промышленности и сельского хозяйства при сохранении уровня потребления товаров, что приводит к снижению роста экономики и возникновению новых видов деятельности и интересов⁶.

В 70-х гг. XX в. Д. Белл, З. Бжезинский и другие ученые пытались дать более точное определение обществу, в котором средства производства, актуальные в индустриальном обществе, полностью заменяются новыми технологиями, а информация становится главенствующим фактором развития и самообразования нового общества. Ряд социологов утверждают, что такими обществами являются передовые страны, как США и Япония, которые перешли в постиндустриальное общество с 70-х гг. прошлого века. К. Кларк назвал такие общества обществами главенства информации и услуг⁷.

Для обозначения данного общества ученые различных направлений давали собственные термины. Например, Дж. Гэлбрейт называет его новым индустриальным обществом⁸, Ж. Ф. Лиотар – обществом «постмодерна»⁹, З. Бжезинский – «технотронная цивилизация»¹⁰, Э. Тоффлер – «третья волна или супериндустриальное общество»¹¹, П. Дракер – «общество знания»¹², Д. Мартин – «телематическое общество»¹³.

Несмотря на это, в науке закрепился термин «информационное общество», который впервые использовал Ф. Махлуп в своей работе «Производство и распространение знаний в США»¹⁴. Однако работа была чисто экономической, поэтому только после исследований японских социологов термин «информационное общество» стал определять общество, в котором новые технологии дают доступ к достоверным источникам данных и позволяют обеспечить автоматизацию производства.

Следует отметить, что в современной социологии продолжают дискуссии относительно отождествления категорий «информационное» и «постиндустриальное» общество.

В ряде исследований авторы категорически возражают против этого, считая, что данные типы общественных укладов имеют существенные различия.

В рамках II этапа можно говорить о том, что фактически обозначились три направления, в которых рассматривалось соотношение постиндустриального и информационного общества и их основных представителей:

1) информационное общество появилось как альтернативная ветвь развития постиндустриального общества (В. Иноземцев). Ученые, придерживающиеся этой теории, считают, что концепция информационного общества развивалась вместе с другими направлениями и акцентировалась на технологических и информационных особенностях организации современного общества;

2) в рамках второго направления ряд исследователей считают, что постиндустриальное и информационное общество – идентичные категории, выступают разновидностями общего направления постиндустриализма (М. Коннорз). В представленной теории выделяются три направления общественного производства – первичный, вторичный, третичный. Превосходство третичного направления производства рассматривается как ведущий фактор создания информационного общества;

3) информационное общество (и его концепции) является «потомком» постиндустриального общества, логическим продолжением его развития и трансформации (Д. Белл, Дж. Несбит и др.). Глобализация информационных технологий и коммуникационных сетей значительно увеличила развитие концепции информационного общества.

Вместе с тем в последние годы, в рамках III, новейшего, этапа обозначились и тенденции к когерентности позиций. Это проявилось, в частности, в работах Й. Масуды. В работе «Информационное общество как постиндустриальное общество» автор считает, что новые информационные технологии станут стержнем нового общества и будут увеличивать потенциал общества во всех сферах социальной жизни¹⁵.

З. Бжезинский дает характеристику информационному обществу в своей работе «Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники» и говорит, что все сферы социальной жизни формируются под воздействием технологий, особенное влияние оказывают новые коммуникационные технологии и увеличение скорости обработки информации с помощью компьютеров. Производственные процессы больше не стоят в центре влияния на общество. З. Бжезинский считает, что в обществе нового типа произойдет смена традиционных ценностей, что приведет к разрыву между поколениями, произойдет фрагментация общественной жизни независимо от роста глобальной интеграции. Произойдет смена старых устоев и идеологических направле-

ний, что приведет к смене общей картины мира в обществе¹⁶.

Французский социолог А. Турен считает, что следует ожидать больших перемен в экономической сфере. Новые коммуникационные технологии внесут изменения в инвестиционные и управленческие практики¹⁷.

Постиндустриальное общество на управленческом уровне действует более глобально, захватывая производство в целом. Это действие принимает две формы: во-первых, это нововведения в производстве продукции, а в частности, развитие науки и техники; во-вторых, сам механизм управления, т. е. возможность использования более совершенных и сложных систем обработки и передачи информации.

Важно признать, что постиндустриальное общество является таким общественным типом, в котором каждое действие общества направлено само на себя. Эти действия не всегда становятся полностью осознанными личностью или даже группой людей. Поэтому такое общество можно назвать «программируемым», данное обозначение указывает на возможность создания моделей управления различными социальными сферами; такое общество появляется не под воздействием естественных законов, а как результат деятельности человека, благодаря воздействию общества само на себя его собственными социальными системами.

Рассматривая имеющиеся в западной социологии подходы, можно констатировать, что каждый из них в силу некоторой односторонности является одномерным и требует определенной интеграции.

Согласимся с Й. Масуда, что информационное общество представляет сегодня особый этап развития постиндустриального общества, для которого характерен целый комплекс черт. В экономическом плане – рост автоматизации и компьютеризации производственных процессов, наблюдается господство сферы услуг (медицина, образование, досуг и т. д.), производство, обмен и потребление знаний (информации). На этом этапе наука становится основной производственной силой общества¹⁸.

В политической структуре информационного общества выделяются такие характеристики, как доминирование демократических ценностей и становление социального государства, развитие устойчивого гражданского общества, уменьшение классовой дискриминации, увеличение влияния международных организаций. С увеличением скорости передачи и получения информации ускоряются процессы взаимодействия властных органов как между собой, так и с обществом, что вносит изменения и трансформирует социально-коммуникативные практики. В ряде работ подчеркивается мысль о формировании в таком обществе основ плебисцитарной демократии.

В экономической системе информационное общество характеризует массовая информатизация и компьютеризация. Ведущей профессиональной группой становятся технические специалисты, главенствующим товаром – информация.

Для духовной сферы характерны превращение науки в ведущую форму общественного сознания, расцвет общего, среднего и высшего образования, ослабление влияния мировых религий. Постепенно происходит отход от принципов элитарной культуры к массовой.

Общественная сфера характеризуется усилением роли духовного и ослаблением бессознательного, распространением солидаристских принципов.

В ходе рассмотрения представленной проблемы появляется возможность говорить, что термин «информационное общество» сравнительно недавно вошел в научный оборот. Но в результате эволюции постепенно в нем обнаруживается все большая тенденция к утверждению идеи о том, что постиндустриальное общество не является синонимом информационного общества. Информационное общество – самостоятельно, это особый этап в развитии общественной эволюции, который характеризуется наличием различных специфических черт и признаков в таких сферах, как экономическая, политическая и духовная, что позволяет говорить о своеобразности данного социального феномена.

Примечания

- 1 См.: Капитонов Э. А. История и теория социологии : учеб. пособие для вузов. М. : ПРИОР, 2000.
- 2 Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова, Л. М. Бурмистровой, К. Л. Татариновой [и др.]. М. : АСТ, 2009. С. 7.
- 3 См.: Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
- 4 Стоуньер Т. Информационное богатство : профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. М. : Прогресс, 1986. С. 394.
- 5 Дэйзард У. Наступление информационного века // Там же. С. 351.
- 6 См.: Кан Г. Грядущий подъем : экономический, политический, социальный // Там же. С. 229–239.
- 7 См.: Кларк Д. Б. Распределение богатства / пер. с англ. Д. Страшунского, А. Бесчинского ; под ред. Л. П. Куракова. М. : Гелиос АРВ, 2000.
- 8 См.: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество = The New Industrial State (1967). М. : АСТ, 2004.
- 9 См.: Мазин В. Жан-Франсуа Лиотар. Постсовременность, с незапамятных времен // Кабинет «З» / под ред. В. Мазина. СПб. : Скифия, 2004. С. 100–170.
- 10 См.: Бжезинский З. Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники. М. : Прогресс, 1972.
- 11 См.: Тоффлер Э. Указ. соч.

- ¹² *Drucker P.* The Age of Discontinuity (1968). Русскоязычное издание: *Друкер П.* Эпоха разрыва : ориентиры для нашего меняющегося общества. М. : Вильямс, 2007. С. 336.
- ¹³ См.: *Мартин Д.* Телематическое общество / сост. П. С. Гуревич. М. : Прогресс, 1986.
- ¹⁴ См.: *Махлун Ф.* Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966.
- ¹⁵ См.: *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, D.C. : World Future Society, 1981.
- ¹⁶ См.: *Бжезинский З.* Указ. соч.
- ¹⁷ См.: *Турен А.* Идеи революции / пер. с англ. Д. Карасёва // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 1. С. 98–116.
- ¹⁷ См.: *Masuda Y.* Op. cit. P. 165.

Образец для цитирования:

Фомин А. А. Эволюция представлений об информационном обществе в современной западной социологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 287–291. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-287-291

Cite this article as:

Fomin A. A. Evolution of Representations about the Information Society in Modern West Sociology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 287–291 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-287-291

УДК [323.396+316.66](470+571)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИВЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

М. А. Шилова

Шилова Мария Анатольевна, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 322725@mail.ru

В статье рассматриваются главные подходы к понятию «ивент-менеджмент», раскрываются основные характеристики его социально-экономического потенциала как направления высшего профессионального образования, его положительное влияние на развитие бизнеса в регионах, и при этом анализируются причины отсутствия профессионального образования в нашей стране.

Ключевые слова: ивент-менеджмент, организация мероприятий.

**Social and Economic Potential of Event Management
as Direction of Higher Education in Russia**

M. A. Shilova

Maria A. Shilova, ORCID 0000-0002-1008-8777, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, 322725@mail.ru

The article deals with the basic scientific interpretations of the concept of «event management», reveals the main characteristics of this concept, its positive impact on the development of business and culture in the regions, but also analyzes the reasons for the lack of professional education in our country.

Key words: event management, event organization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-292-294

Ивент-менеджмент – это комплекс мероприятий, осуществляемых для создания массовых и корпоративных событий. При этом первые призваны оказывать мощную поддержку рекламным кампаниям, а вторые направляются на укрепление духа внутри корпораций. Ивент-менеджмент известен и под другим названием – «событийный маркетинг». Его основная задача заключается в организации из обычного мероприятия масштабного события, которое будут еще долго помнить и по его окончании.

Ивент (англ. *event* – событие, приуроченное к определенному времени) – превращение мероприятия посредством вспомогательных эффектов в нечто исключительное с точки зрения посетителей. Ивент-менеджмент оказывает полный спектр услуг по организации корпоративных событий (корпоративные праздники для клиентов и партнеров, внутрикорпоративные праздники, юбилеи фирм, приемы, фуршеты, выездные мероприятия, корпоративные уик-энды, программы teambuilding и проч.).

Для начала разберемся в понятиях «мероприятие» и «событие». В принципе, мы используем их как синонимы, но событие может включать в себя не одно, а несколько мероприятий разных форматов. Не считая того, событие может также включать в себя разные церемонии и шоу-программы.

Рассматривая бюджет на событийный маркетинг, компании должны обдумывать необходимость комплексного подхода, чтобы и тут сохранить собственный стиль и выделить корпоративные ценности. Разобравшись в целях, можно приступить к выбору ивент-инструментов, при помощи которых будут решаться те или другие задачи. Отдельным пунктом, который во многом суживает, а время от времени и расширяет область выбора ивента, становится бюджет. Компании сейчас, исходя из собственных целей и средств, употребляют определенные инструменты событийного маркетинга, увеличивая популярность одних и оставляя на «позже» остальные. По-прежнему нужны выставки, конференции, семинары и корпоративные мероприятия для служащих. В то же время в корпоративном секторе прослеживается некая тенденция к проведению наиболее креативных мероприятий.

Что касается классического и более распространенного в современной ивент-практике варианта продвижения бренда через событие, то тут стоит сказать о различных так именуемых branding events¹. Конкретно погружение участников действия в мир марки, основанное на включении чувственного восприятия аудитории, – один из более действующих методов полноценно раскрыть стиль бренда, запечатлеть его в сознании публики и управлять продажами в длительной перспективе.

Современное общество имеет две основные характеристики – массовое производство и потребление. Именно они и оказали влияние на постоянно возрастающую потребность ивент-маркетинга. В России событийный менеджмент прижился не сразу. Так, в СССР данный вид услуг долгое время предоставлялся государством, оно же несло и ответственность за организацию грандиозных праздников (например Олимпиады). Сейчас ивент-мероприятия в нашей стране приобретают все большую значимость. Для реализации поставленных компаниями задач используются самые разные ресурсы, которые, в свою очередь, уже сродни шоу-бизнесу.

су. И если почти 40 лет назад о масштабности таких мероприятий можно было говорить, приводя в пример Олимпиаду², то сейчас к таким относятся: Евровидение, различные шоу, что идут на телевидении, чемпионаты по футболу, универсиады и даже Парад Победы – все это четко организованные шоу, за которыми стоит команда ивент-менеджеров.

Известно, что организация мероприятий, даже самых незначительных по масштабу, может потребовать существенных затрат и усилий (материальных и интеллектуальных). Поэтому для качественной подготовки необходимо четкое представление конечных целей, задач и желаемого общественного резонанса. Только после получения полных ответов на данные вопросы можно начинать непосредственно ивент-менеджмент.

Кто же такой ивент-менеджер? Это тот самый человек, который занимается организацией как крупных мероприятий, так и частных: конференций, свадеб, корпоративов, дней рождения, саммитов – да чего угодно, где соберется множество людей. Ивент-менеджер – человек-оркестр: он ищет помещение, собирает подрядчиков, разрабатывает концепцию, приглашает участников, при необходимости обеспечивает их транспортом, проживанием, переводчиками. Он же делает так, чтобы все микрофоны в зале работали, чтобы спикеры укладывались в программу, чтобы гости не скучали, чтобы, в конце концов, им всем хватило стульев. Это лишь малая часть ключевых задач – крупных и мелких, требующих участия партнеров или личного присутствия. Поэтому три основных качества ивент-менеджера – это многозадачность, организованность и коммуникабельность, а также умение мыслить нестандартно и очень быстро.

К сожалению, высших учебных заведений, где бы готовили таких специалистов, не существует. Данной профессией обычно овладевают художники, психологи, рекламисты и педагоги. В большинстве случаев люди без специального образования получают профессию «ивент-менеджер» условно «самостоятельно». Существуют различные курсы, но и они организованы, как правило, теми, кто в лучшем случае получил режиссерское образование, а в худшем – имеет неоконченное высшее в сфере маркетинга. Стоит отметить, что и курсы сегодня проходят только те, у кого тематика перекликается с основами событийного менеджмента. Зачастую ивент-агентства сами занимаются подготовкой своих сотрудников. Для этого принимаются на работу стажеры, и их обучают также на основе собственного опыта³.

В связи с тем, что в вузах отсутствует направление, где возможно получить диплом ивент-менеджера, абитуриенту следует выбирать среди близких специальностей. Наиболее подходящими могут стать «Реклама и связи с общественностью» и «Менеджмент». Набор базовых

учебных курсов первой специальности позволит студенту стать пиарщиком или рекламистом. «Менеджмент» привьет управленческие навыки. Однако дисциплины бакалавриата не дают полного представления о задачах ивент-менеджера. Специфику работы можно освоить только на дополнительных курсах. Различные учебные центры включают в программу обзор последних технологий событийного менеджмента и предлагают слушателям качественные кейсы для разбора. Однако эти кейсы не имеют ничего общего с творчеством и креативом. Примеры специальностей в некоторых вузах на территории Российской Федерации: «Реклама и связи с общественностью» «Менеджмент рекреации и туризма»; «Организация работы с молодежью»; «Сервис в индустрии моды и красоты»; «Постановка и продюсирование культурно-досуговых программ»; «Культурология»; «Режиссура»; «Культура массовых коммуникаций»; «Интегрированные медиакоммуникации»; «Сервис в индустрии спорта и развлечений» и др.⁴

Как видим, на сегодняшний день ни одно высшее учебное заведение в нашей стране не сочетает себе одновременно культурных и продвиженческих аспектов в образовании. Будучи ивент-менеджером, мало понимать основы PR и маркетинга, нужно еще уметь креативно мыслить и творчески подходить к формированию концепции и сценария. И наоборот: мало быть одаренным режиссером с творческим полетом мысли, важно уметь эту идею донести, продвинуть и продать клиенту так, чтобы ваша концепция имела положительный резонанс внутри компании (если это корпоративное мероприятие) или увеличивала клиентскую лояльность (если мероприятие направлено на продвижение бренда).

На Западе ситуация с профессиональным образованием в ивент-индустрии обстоит иначе. Чтобы получить профессиональное образование в сфере событийного маркетинга, нужно отправиться в Канаду, США, Великобританию, Ирландию⁵. Причем в Канаде развитие этой дисциплины идет наиболее динамично. В этой стране регулярно проводятся массовые фестивали и праздники. Здесь государству выгодно воспитывать уже состоявшихся в колледже ивент-менеджеров и задействовать их в организации масштабных проектов. Таким образом, выигрывают обе стороны: выпускники получают отличные практические навыки, а администрация экономит на компании-организаторе. На программу обучения специальности ивент-менеджер в Канаде можно поступить более чем в 10 популярных вузах⁶.

Второй страной, где без проблем можно получить высшее образование по дисциплине ивент-менеджмент, является Швейцария. Институт экономических наук открыл первую в Европе программу бакалавриата и магистратуры⁷: «Международный PR и event-менеджмент», ко-

торию можно пройти даже на русском языке с постепенным переходом на английский и французский. Здесь ивент-менеджмент воспринимают как сочетание искусства и технологий, создания и воплощения ярких и креативных мероприятий. Ивент-менеджеры создают из банального мероприятия настоящее событие, которое долго будут вспоминать и после его окончания, событие, которое оказывает мощную поддержку рекламным и PR-кампаниям.

В настоящее время эксперты рынка труда утверждают, что эта профессия входит в тройку самых востребованных в медиаиндустрии. В то же время в России этой профессии не учат в учебных заведениях, ее вы не найдете в квалификационных справочниках, о ней не знают даже многие из тех, кто так или иначе вовлечен в сферу организации PR-кампаний и праздников. Возможно, на сегодняшний день в научном сообществе не считают необходимым вводить эту дисциплину в разряд изучаемых. Возможно, в нашей стране недостаточно специалистов, кто мог бы квали-

фицированно преподавать ивент. А, возможно, эту профессию так и будут приравнивать к пиару, маркетингу и связям с общественностью.

Примечания

- 1 См.: Романцев А. Н. Event-маркетинг. Сущность и особенности организации. М. : Дашков и Ко, 2013. С. 32.
- 2 См.: Event-management : сб. ст. М. : Книга по требованию, 2012. С. 87–94.
- 3 См.: Доктор Джо Голдблатт. События, которые остаются в наследии : интервью. URL: <https://event.ru/interviews/doktor-dzho-goldblatt-sobyitiya-kotoryie-ostayutsya-v-nasledii/> (дата обращения: 03.05.2018).
- 4 См.: Романцев А. Н. Указ. соч. С. 41.
- 5 См.: Моменты об ивентах. URL: <http://infostudy.com.ua/press/articles/198/> (дата обращения: 17.05.2018).
- 6 Там же.
- 7 См.: Международный PR и event-менеджмент. URL: http://www.academ-ge.ch/doc/brochure_event.pdf (дата обращения: 17.05.2018).

Образец для цитирования:

Шилова М. А. Социально-экономический потенциал ивент-менеджмента как направление высшего профессионального образования в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 292–294. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-292-294

Cite this article as:

Shilova M. A. Social and Economic Potential of Event Management as Direction of Higher Education in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 292–294 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-292-294

УДК 314.7

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (часть 1)

К. Н. Сердюков

Сердюков Константин Николаевич, аспирант кафедры социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, customs-toll@yandex.ru

Статья посвящена обзору основных парадигм, составляющих теоретическую и методологическую основу социологического подхода к исследованию миграционных процессов. Подробная характеристика научных направлений данного подхода представлена в составе трех базовых групп: структурная группа включает в себя парадигмы, фокусирующиеся на системно-структурных, организационно-функциональных сторонах миграции, рассматривая ее как целостность, совокупность элементов; интерпретативная группа нацеливает исследователя на изучение человеческого поведения, мотивов, смыслов, значений. Во внимание принимаются индивидуальные особенности восприятия, предполагается использование качественных методов исследования миграционной проблематики; объединительная группа включает в себя парадигмы, основывающиеся на признании объекта исследования как развитой диалектической системы с учетом системно-структурных и динамических характеристик общества, ситуационно-средовой и субъектно-личностной детерминации поведения, макро- и микроуровней. Рассмотрены возможности и специфика социологического подхода к исследованию миграционных процессов, что позволяет более комплексно раскрыть феномен миграции, прежде всего как социокультурное явление, учесть важные, но не доступные для других дисциплин грани. Акцентировано внимание на исследовании миграционных процессов через призму социальных взаимодействий, диалектику внешних и внутренних факторов, детерминирующих миграционное перемещение.

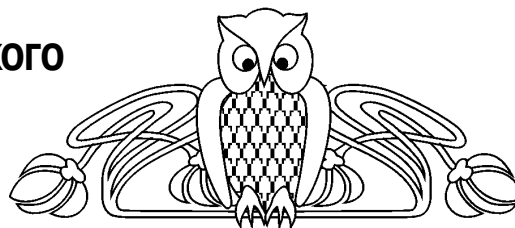
Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, социологический подход, теории миграции населения.

The Basic Paradigms of the Sociological Approach to the Study of Migration Processes (Part 1)

K. N. Serdyukov

Konstantin N. Serdyukov, ORCID 0000-0001-6382-7812, Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690090, Russia, customs-toll@yandex.ru

The article is devoted to a review of the main paradigms that make up the theoretical and methodological basis of the sociological approach to the study of migration processes. A detailed description of the scientific directions of this approach is presented in three basic groups: the structural group includes paradigms focusing on the system-structural, organizational-functional aspects of migration, treating it as integrity, the totality of elements; the interpretative group aims the researcher to study human behavior, motives, meanings. Individual characteristics of perception are taken into account, it is proposed to use qualitative methods of studying migration problems; the unifying group includes paradigms based on the recognition of the object of research as a developed dialectical system, taking into account the system-structural

and dynamic characteristics of society, situational-environmental and subject-personal determination of behavior, macro and microlevels. The possibilities and specificity of the sociological approach to the study of migration processes are considered, which allows us to more comprehensively reveal the phenomenon of migration, primarily as a sociocultural phenomenon, to take into account important facets that are not yet accessible to other disciplines. Attention is focused on the study of migration processes through the prism of social interactions, the dialectic of external and internal factors that determine migration.

Key words: migration, migration processes, sociological approach, theories of migration.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-295-299

Миграция населения – фундаментальный феномен, сложный социальный процесс, значение которого становится все более актуальным на современном этапе развития общества.

Как объект изучения миграция всегда привлекала ученых из самых разных отраслей знания (география, экономика, история, демография, социология, политология, правоведение, антропология и др.). В рамках данной статьи мы сфокусируемся на *социологическом подходе*. Современные авторы, исследуя миграцию, в первую очередь опираются на работы классиков социологии, таких как Г. Спенсер, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Зиммель, Э. Гидденс, Дж. Мид и др. К области собственно социологического изучения миграционной проблематики можно отнести следующее:

- миграционная мобильность населения и ее интенсивность в различных социальных группах;
- влияние социального происхождения, социального статуса, образования, национальности и т. д. на миграционную мобильность индивидов и социальных групп;
- личностные установки и предпочтения потенциальных мигрантов;
- характеристика и механизмы регулирования миграционного поведения индивидов и социальных групп;
- характер влияния на миграционное поведение индивидов и социальных групп, прежнего и нового социального окружения, референтных групп;
- влияние результата территориального перемещения на социальный статус индивидов и социальных групп;
- интересы, политическое положение, стратегии и ожидания индивидов и социальных групп на новом месте жительства;
- процессы социальной и этносоциальной интеграции и адаптации мигрантов;

– специфические закономерности протекания миграционных процессов;
– дисфункциональные явления, социальные и социально-психологические основания конфликтов и т. д.¹

Рассмотрим основные научные направления, составляющие теоретическую и методологическую основу социологического подхода. Применяв типологию С. В. Блантер и Е. А. Нагайцевой², проанализируем содержание основных социологических парадигм, условно разделив их на структурные, интерпретативные и объединительные. Это позволит более комплексно представить данный подход к исследованию миграции.

К *структурным парадигмам*, в первую очередь, необходимо отнести *позитивизм* как направление в методологии периода зарождения и становления социологии как науки. В рамках теории миграции позитивизм включает в себе стремление выявить объективные закономерности миграционных процессов с целью оценки их социальных последствий, а также определения эффективности управленческих мер³. Согласно данной парадигме, миграция является результатом индивидуального выбора, сформированного на основании ряда природных и социальных факторов. Предполагается осведомленность потенциального мигранта в отношении приобретаемых выгод и потерь. В качестве главной цели рассматривается материальная выгода.

В нашем контексте позитивизм опирается на классические экономические теории, построенные на концепции «человека экономического»⁴.

В западной социологии данная парадигма находила свое выражение преимущественно в виде разнообразных формальных моделей миграционных процессов. Наиболее известные из них: гравитационные модели взаимодействия – В. Рейли, Г. Ципф, Д. Стюарт; модель промежуточных возможностей С. Стоффера; модель сельско-городской миграции М. Тодаро и др.

А. Г. Осипов считает целесообразным дополнить позитивизм методологией, основанной на теории социального конструирования. Автор обращает внимание на отсутствие (в социальном смысле) значимости в собственно физической «реальной» миграции, не зафиксированной общественным сознанием, предлагая анализировать миграцию как социальный феномен⁵.

Другая структурная *бихевиористская парадигма* рассматривает поведение людей как совокупность реакций на воздействие внешней среды. Хрестоматийная работа У. И. Томаса и Ф. В. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918) положила начало эмпирической социологии, а также стала первым социологическим исследованием последствий миграционных процессов и адаптации мигрантов. Книга, безусловно, относится к бихевиористским работам. Собранные в данном труде данные со временем перестали быть значимы,

однако бесценной стала представленная методология. Предметом исследования послужило поведение индивидов, испытывающих влияние новых условий среды, а также процесс и результат формирования новых образцов поведения.

Согласно исследованию, внешние факторы влияют на человеческое поведение лишь в той мере, в какой они субъективно восприняты людьми. Начав анализ с рассмотрения микросоциологических организационных единиц (первичные группы, семейные структуры), авторы постепенно переходят к более широким институциональным образованиям, в состав которых включены эти мелкие единицы.

У. И. Томас и Ф. В. Знанецкий соединили субъективно определяемые значения, общие установки и опыт со значением объективных характеристик культурных ценностей и их институциональным воплощением. Авторами были проанализированы такие социальные процессы, как: эволюция системы организации первичной крестьянской группы под влиянием результатов миграции; влияние социальных и политических трансформаций на характер связей между членами первичных групп в Польше; индивидуальная и социальная дезорганизация под влиянием быстрого перехода к новым условиям социальной среды⁶. Исследование было построено на эмпирическом изучении субъективных источников информации (личных дневников, биографий, писем мигрантов и т. д.), в результате которого, по сути, была сформирована единая теория человеческого поведения.

Одной из фундаментальных парадигм в социологической теории является *структурный функционализм*. Основной принцип состоит в исследовании социальных явлений и процессов как структурно расчлененной целостности, в которой каждый элемент имеет свое функциональное значение⁷. Миграция одновременно производит функциональные и дисфункциональные результаты. Социально значимые функции, которые выполняет миграция, могут быть разграничены на явные и латентные. Явные функции – это наблюдаемые объективные последствия, которые подразумеваются, осознаются и признаются результирующими вследствие миграционных процессов. Латентные функции – не распознанные, неосознанные и непреднамеренные объективные последствия миграционных процессов. В свою очередь, дисфункции – негативные, объективные последствия миграционных процессов. Связывая понятие структуры с понятием функции, данная методология, безусловно, является эффективным инструментом анализа феномена миграции.

Основоположником *социально-экологической парадигмы* является Р. Э. Парк, центральная фигура Чикагской школы социологии. Ученый называл миграцией процесс социокультурной диффузии, взаимопроникновения нормативности различных социальных групп на

территорию и в социокультурное пространство. Единовременно запускаются процессы: социальной сегрегации, т. е. социокультурного обособления групп; конверсии территориального поселения в сообщество; а также ассимиляции, т. е. социокультурного растворения индивидов в группе⁸. Р. Э. Парк понимал миграцию как одну из форм осуществления исторических изменений. Он полагал, что когда социально-экономический порядок нарушается, миграция на-

селения проявляет себя как способ достижения нового равновесия⁹.

В социально-экологической парадигме общество рассматривается как биологический феномен, а процесс социального изменения – как движение от конфликта к согласию. В этом движении выделяется ряд последовательных фаз, где каждая фаза – результат предшествующих и воплощение определенной формы конкуренции¹⁰. Наглядно это представлено в таблице.

Процесс социальной эволюции (Парк Р. Э.)

Порядок	Общая характеристика порядка	Формы конкуренции	Эволюция
Экологический	Результат пространственного, физического взаимодействия индивидов как «социальных атомов»	Борьба за выживание	Биотический уровень
Экономический	Продукт торговли и обмена	Конфликт	Социальный уровень
Политический	Контроль и регуляция конфликтов средствами политики с целью установления социальной солидарности	Адаптация	
Культурный	Контроль посредством обычаев, норм, законов, институтов и т. д.	Ассимиляция	

Теория экологии человека также активно развивалась такими учеными, как Э. У. Берджес, Л. Вирт, Р. Маккензи, А. Хоули, Г. А. Теодорсон и др.

Теорию ассимиляции, основы которой заложил уже упомянутый Р. Э. Парк, также следует отнести к структурным парадигмам. Ученый понимал под ассимиляцией процесс интерпретации и соединения, где одни индивиды и социальные группы заимствуют элементы культуры у других индивидов и социальных групп, включаясь в общую культурную жизнь. Разработанная автором теория ассимиляции мигрантов легла в основу фундаментальной книги М. М. Гордона «Ассимиляция в американской жизни» (1964). В данной работе ассимиляция рассматривается как одномерный процесс адаптации иммигрантов к принимаемому обществу путем утрачивания старой культуры и идентификации с утверждением культуры нового общества. По мнению М. М. Гордона, существует семь типов ассимиляции:

- аккультурация (изменение культурных установок);
- структурная ассимиляция (вхождение в первичные социальные группы нового общества);
- брачная ассимиляция (объединение);
- идентификационная ассимиляция (единение);
- ценностная ассимиляция (отсутствие предубеждений);
- поведенческая ассимиляция (отсутствие дискриминации);
- гражданская ассимиляция (отсутствие конфликта с властями)¹¹.

Аккультурация – есть исходный базовый тип, а также условие продолжения процесса ассимиляции. Этот процесс развивается не равномерно, все представленные типы проявляются в различной степени. Далеко не всегда процесс до-

стигает структурной ассимиляции, но как только это произошло, все другие типы будут неизбежно реализованы.

Теорию ассимиляции много критиковали за ее этноцентризм и идеологическую нагруженность. В течение многих лет она была непопулярна и практически не использовалась. Но в конце 1990-х гг. данная теория стала переосмысливаться и вновь развиваться такими учеными, как А. Портес, М. Чжоу, Р. Румбо, Р. Альба, В. Ни и др.

К рассматриваемой группе парадигм относится и концепция «притяжения-выталкивания» (*pull/push*). Отталкиваясь от законов Равенштейна, она получает свое развитие в 1926 г. с выходом работы Г. Джерома «Миграция и бизнес-циклы». В 1960-х гг. Э. С. Ли прорабатывает теоретическую конструкцию, представляющую собой, по существу, модель миграционных потоков на основе влияния комбинации факторов притяжения и выталкивания. Силы, влияющие на принятие индивидом решения о миграции, можно разбить на четыре группы:

- факторы, определяемые регионом выбытия;
- факторы, определяемые потенциальным регионом прибытия;
- барьерные факторы (вмешивающиеся обстоятельства);
- субъективные факторы (индивидуальные характеристики мигрантов).

В регионе выбытия выделяется роль выталкивающих факторов (*push-factors*). К таковым следует отнести: низкие экономические возможности; безработицу; войны; политические репрессии; дискриминацию и проч. В регионе прибытия определяющая роль отводится притягивающим факторам (*pull-factors*). Таковыми выступают: высокий уровень экономического развития; спрос на рынке труда; высокий уровень оплаты труда; политические свободы и проч.¹²

Э. С. Ли подчеркивает селективность процесса миграции, расхождение в степени влияния одних и тех же факторов на конкретных людей. Автор считает, что притягивающие факторы являются наиболее влиятельными для высокообразованных, высококвалифицированных людей. Это характерно, в первую очередь, за счет их высокой мобильности, а также социально-профессиональной востребованности на новом месте. Выталкивающие факторы, напротив, оказывают наибольшее воздействие на малообразованных граждан, представителей низкоквалифицированного труда.

Модель «притяжения-выталкивания» является одной из самых популярных, но вместе с тем широко критикуемых концепций в миграционной литературе. Очевидно, что она не в состоянии объяснить всей сложности и многообразия миграционных процессов (не учтен исторический контекст, характер миграционной политики стран; упрощен сложный комплекс мотиваций мигрантов и проч.)¹³. Тем не менее, обосновывая притягивающие и выталкивающие факторы миграции, концепция находит широкое применение в зарубежных и отечественных исследованиях.

Обобщая изложенное, следует отметить, что рассмотренные выше парадигмы фокусируются на системно-структурных, организационно-функциональных сторонах миграции, рассматривают ее как целостность, совокупность элементов.

Далее, можно обозначить группу интерпретативных парадигм. Сюда, в первую очередь, следует отнести *теорию социального действия*. По М. Веберу, важнейшим признаком социального действия является наличие субъективного смысла. Предлагая типологию социального действия, ученый описывает целерациональный тип, при котором поведение индивида ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий¹⁴. Миграция на этой основе должна рассматриваться как совокупность поведенческих актов, носящих определенно преднамеренный мотивированный характер. Н. А. Ткачева в этом контексте определяет миграционное поведение как систему мотивированных действий, сформированных на основе индивидуальных потребностей, обуславливающих достижение целей, реализуемых на основании факта миграции¹⁵.

Теорию социального действия также активно разрабатывал Т. Парсонс. Согласно автору, в обществе как сложной системе социальных взаимодействий субъекты стремятся максимально удовлетворить свои потребности, реализовать социальные ожидания. Само социальное действие как единичный акт характеризуется состоянием напряженности между нормативными и ситуативными элементами¹⁶. Развитие механизмов социальной интеграции (например, комплексная программа по социализации мигрантов, т. е. контролируемое приобщение к нормам и ценностям принимаемого общества) позволяет обеспечивать стабильность и порядок в социаль-

ной системе. Социальная адаптация индивида (мигранта), по мнению Т. Парсонса, реализуется с помощью познавательных, защитных психических и приспособленческих механизмов.

Данная парадигма позволяет эффективно применять различные модели социального взаимодействия, раскрывая сложную совокупность связей и отношений, в которые вступают мигранты в принимаемом обществе.

Процесс социального взаимодействия в контексте миграции соотносится с направлением *символического интеракционизма*, представители которого (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули) делали акцент на процессах выработки и изменения социальных значений. Эти значения – результат интерпретаций, осуществляемых в ходе интеракции. Устойчивость социального взаимодействия вероятно только на основе взаимного признания норм, ценностей, правил и т. п.¹⁷. Теоретико-методологический инструментарий данного направления, например, можно эффективно использовать для сравнительного анализа социальных значений, которые придают мигранты новым социальным реалиям, сопоставляя с аналогичными значениями в интерпретации местного населения. Все это, безусловно, важно для анализа поведения индивидов и социальных групп, участников миграционных процессов.

В группе интерпретативных парадигм значимым является *культурологическое направление*. Миграция в рамках данного направления рассматривается как особое культурное явление, проявленное в процессе взаимоотношений мигрантов и принимающего общества, в ходе которых обнажаются и трансформируются прежние культурные ценности и установки, а также возникают новые. Господствующие в той или иной культуре ценности и нормы обуславливают поведение людей, характер социальных взаимоотношений, а также способы адаптации к социальной среде в результате миграции.

Как отмечает Ч. Кукатас¹⁸, усиление миграционной динамики все чаще приводит к столкновению культурных стандартов, различных систем ценностей и норм, что, по его мнению, является одним из важнейших факторов, влекущих за собой глобальные социальные проблемы современности.

Этносоциология (Ю. В. Артюнян, Л. М. Дробичева, А. А. Сусоколов и др.) дополняет и специализирует проанализированное выше культурологическое направление. По мнению исследователей, данная парадигма является глубоким уровнем понимания сложных механизмов миграции с учетом исторических корней и традиций народа, его ментальности, а также прежнего миграционного опыта.

В самом определении «этничность» ведущая роль предписана двум явлениям:

– культуре (общие традиции, обычаи, образцы поведения, ценности, нормы и проч.), выступающей как этническая характеристика;

– идентичности (приписывание к определенной этнической группе)¹⁹.

В данном направлении предполагается анализ специфики миграционной подвижности и адаптации разных этносов, который включает: связь особенностей культуры и традиций этноса с ее миграционным поведением; влияние факта миграции на структуру этноса, на характер межэтнических отношений; характер модификаций культурных паттернов в результате миграции; различные аспекты совместимости мигрирующей группы с новой средой и др. Авторы подчеркивают аспект оказываемого влияния на миграционное поведение социальных групп, в состав которых, возможно, входят потенциальные мигранты, а также референтных групп, являющихся источником формирования социальных норм.

Рассмотрев интерпретативные парадигмы, следует заключить, что данная группа нацеливает исследователя на изучение человеческого поведения, мотивов, смыслов, значений. Описанные парадигмы учитывают индивидуальные особенности восприятия, предполагают использование качественных методов исследования миграционной проблематики.

Окончание в следующем выпуске.

Примечания

- 1 См.: Блантер С., Нагайцева Е. Социологические подходы к изучению миграции // *Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учеб. пособие / под ред. Ж. А. Зайончковской, И. Н. Молодиковой, В. И. Мукомеля*. М. : Центр миграционных исследований, 2007. С. 267–268 ; Юдина Т. Н. Миграционные процессы : теория, методология и практика социологического исследования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004.
- 2 См.: Блантер С., Нагайцева Е. Указ. соч. С. 259.
- 3 См.: Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.
- 4 См.: Блантер С., Нагайцева Е. Указ. соч. С. 260.
- 5 См.: Бритвина И. Б. Миграция и эффективность массовой коммуникации : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 13–14.
- 6 См.: Тангалычева Р. К. Теоретико-методологические основы социологического изучения межкультурной коммуникации. СПб. : Скифия-принт, 2014. С. 133–134 ; Ситникова Е. Л. Идеи Чикагской школы социологии в современных исследованиях миграции населения // *Вестн. НГГУ. Сер. Социальные науки*. 2009. № 4. С. 118–123.
- 7 См.: Решетников С. В., Антанович Н. А., Гречнева Е. Ф. [и др.]. Политология / под ред. С. В. Решетникова. Минск : ТетраСистемс, 2011. С. 41.
- 8 См.: Пирогов С. В. Конспект лекций по курсу «Социология города». Томск : ТГУ, 2003. 180 с. URL: http://lawbooks.news/sotsiologiya_910_912/chikagaskaya-shkola-sotsialnoy-ekologii-gorod-40548.html (дата обращения: 01.03.2017).
- 9 См. подробнее: Park R. E. *Race and Culture*. Glencoe : Freepress, 1950.
- 10 См.: Баньковская С. П. Роберт Парк // *Современная американская социология / под ред. В. И. Добренкова*. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 3–20.
- 11 См.: Gordon M. M. *Assimilation in America Life : The Role of Race, Religion and National Origins*. N. Y. : Oxford University Press, 1964. 276 p. URL: <http://en.bookfi.net/book/1278021> (дата обращения: 15.03.2017).
- 12 См.: Амбражевич А. И. Миграционное поведение и миграционное настроение населения Республики Беларусь // *Социология*. 2014. № 3. С. 115–123 ; Шевцова Е. В. Миграционная политика. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. С. 38.
- 13 См.: Иванюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // *Век глобализации*. 2015. № 1. С. 36–51 ; Юдина Т. Н. *Социология миграции*. М. : Академический Проект, 2006. С. 119–120.
- 14 См.: Вебер М. *Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено ; коммент. А. Ф. Филиппова*. М. : Прогресс, 1990. С. 629.
- 15 См.: Ткачева Н. А., Белоножко М. Л. Миграционная политика и безопасность личности, общества и государства. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2013. С. 51.
- 16 См.: Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М. : Академический Проект, 2000. С. 274.
- 17 См.: Эфендиев А. Г., Кравченко Е. И., Пушкарева Г. В. [и др.]. *Общая социология : учеб. пособие для вузов / под ред. А. Г. Эфендиева*. М. : Инфра-М, 2009. С. 170.
- 18 См.: Кукатас Ч. Важна ли культура для развития // *Фонд «Либеральная миссия»*. URL: <http://www.liberal.ru/anons/4755> (дата обращения: 21.03.2017).
- 19 См.: Ахметова С. А., Гузельбаева Г. Я., Егорова Л. Г. [и др.]. *Социология : конспект лекций*. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 153.

Образец для цитирования:

Сердюков К. Н. Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 1) // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 295–299. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-295-299

Cite this article as:

Serdyukov K. N. The Basic Paradigms of the Sociological Approach to the Study of Migration Processes (Part 1). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 295–299 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-295-299

УДК 316.35

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ ТРАЕКТОРИЙ ИНВАЛИДОВ

О. В. Красуцкая

Красуцкая Ольга Викторовна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, k.olga777@mail.ru

Социальная реабилитация рассматривается как результат действий всех субъектов реабилитации по восстановлению и формированию социальных функций и связей инвалида. Целью работы является анализ факторов, а также ресурсов индивида, влияющих на результат социальной реабилитации. В качестве эмпирической базы выступают нарративы инвалидов, описывающие их биографию, достижения в различных сферах жизни, институты поддержки. В результате анализа жизненных историй респондентов выделены два типа реабилитации: объективная и субъективная.

Ключевые слова: инвалидность, социальная реабилитация, типы реабилитации, информационная доступность социальных услуг, социальный капитал.

Social Rehabilitation in the Context of the Disabled Life Trajectories

O. V. Krasutskaia

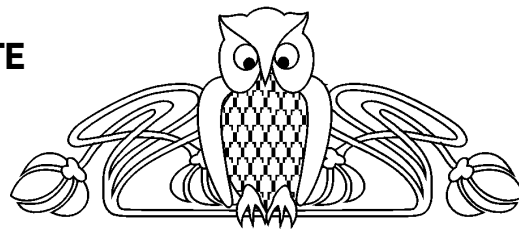
Olga V. Krasutskaia, ORCID 0000-0003-4435-5690, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhni Novgorod, 603950, Russia, k.olga777@mail.ru

Social rehabilitation is considered as a result of actions of all subjects of rehabilitation aimed at recovery and formation of social functions and relations of the disabled person. The aim of the work is to analyze the factors and individual's resources that influenced the result of social rehabilitation. The empirical basis for this study is provided by the disabled narratives describing their biography, achievements in various spheres of life, institutions of support. As a result of the analysis of respondents life stories, two types of rehabilitation are identified: objective and subjective.

Key words: disability, social rehabilitation, types of rehabilitation, information accessibility of social services, social capital.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-300-305

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, общая численность инвалидов в Российской Федерации на 1 января 2018 г. составила 12 111 тыс. человек, из которых 89,1% инвалидов в возрасте 15 лет и более не могут вести активный образ жизни, уровень занятости представителей указанной категории граждан составил 12,5%, уровень участия в деятельности общественных организаций – 2,9%. Данные показатели являются свидетельством низкой социальной активности большинства

инвалидов, которая во многом обусловлена проблемами в сфере реабилитации инвалидов, что определяет актуальность изучения указанной проблематики¹.

В действующем законодательстве, регулирующем сферу социальной защиты инвалидов, понятие «реабилитация» имеет однозначную трактовку, определяющую ее как систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности². Федеральным законодательством определено несколько направлений реабилитации, к которым относятся: медицинская реабилитация, реконструктивная хирургия, протезирование и ортезирование, санаторно-курортное лечение; профессиональная ориентация, общее и профессиональное образование, профессиональное обучение, содействие в трудоустройстве (в том числе на специальные рабочие места), производственная адаптация; социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая и социокультурная реабилитация, социально-бытовая адаптация; физкультурно-оздоровительные мероприятия, спорт. Содержание данных направлений реабилитации в законодательных актах не раскрывается, за исключением «медицинской реабилитации» и «санаторно-курортного лечения». Конкретизация перечисленных выше направлений реабилитации приводится в национальных стандартах Российской Федерации³.

В национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ Р 53874–2010 «Реабилитация инвалидов. Основные виды реабилитационных услуг» представлено понятие «социальная реабилитация», которое отсутствует в федеральном законодательстве. Услуги по социальной реабилитации, обозначенные в стандарте, включают в себя все услуги по социально-средовой, социально-педагогической, социально-психологической и социокультурной реабилитации, социально-бытовой адаптации; физкультурно-оздоровительные мероприятия, спорт, обозначенные в федеральном законодательстве как отдельные направления. Также следует обратить внимание на определение услуг по социальной реабилитации, приведенное в национальном стандарте. Согласно данному документу, услуги по социальной реабилитации – это комплекс мер, направленных на устранение или возможно полную компенсацию ограничений жизнедеятельности инвалида, вызванных нарушением

здоровья со стойким расстройством функций его организма, обеспечение ему оптимального режима общественной и семейно-бытовой деятельности в конкретных социально-средовых условиях. Таким образом, в соответствии с действующим законодательством понятия «реабилитация» и «социальная реабилитация» близки по смыслу.

Рассмотрим определения реабилитации, представленные в научной литературе. Так, Н. В. Веденева определяет реабилитацию как систему мер, совокупность процессов и социальной деятельности, направленной на восстановление возможностей и способностей человека⁴. Автор определения подчеркивает, что реабилитация представляет собой функцию общества в целом, а не отдельных его подсистем, таких как социальная защита и здравоохранение.

Существует и другой подход к определению реабилитации, в котором основное внимание уделяется индивидуальным характеристикам инвалида и в особенности его мотивации к реабилитации. Представителем такого подхода является С. Г. Головкин, которая определяет реабилитацию как адаптацию к физическим изменениям в организме и телесности, ресоциализацию, интеграцию в кровнородственные и социальные связи и отношения, выработку устремлений к самореализации⁵.

Определение реабилитации, соответствующее положением структурного функционализма, представлено в работе А. В. Иванова, который характеризует реабилитацию инвалидов как совокупность социальных действий и взаимодействий людей, направленных на восстановление статуса людей с ограниченными возможностями здоровья, на выполнение ролевых реабилитационных функций в соответствии с нормами и ценностями, принятыми в обществе по отношению к инвалидам и их реабилитации⁶.

Е. И. Холостова и Н. Ф. Дементьева выделяют два теоретических подхода к реабилитации: медицинский и социальный. В рамках медицинского подхода ставится акцент на психосоматических качествах человека, восстановление которых необходимо для достижения им социального благополучия. Согласно социальным моделям реабилитации, основная задача реабилитационного процесса – не только улучшить состояние здоровья индивида, но и изменить физическую и социальную среду. Социальный подход к реабилитации, основы которого заложены в концепции стигматизации, конструкционистской теории и теории социальной эксклюзии, определяют современные представления общества о лицах с ограниченными возможностями⁷.

Характеризуя социальную реабилитацию, социологами делается акцент на ее общественной природе, на активном участии социума в данном процессе.

М. Н. Кичерова рассматривает социальную реабилитацию как многоуровневый сложный процесс, объединяющий несколько самостоя-

тельных процессов: адаптации/дезадаптации, социализации/ресоциализации, социального исключения/интеграции, которые находятся под влиянием социальных институтов и субъективных характеристик инвалидов. Социолог считает, что любой вид реабилитации – медицинская, психологическая, профессиональная – является социальной по своей сути⁸.

Основываясь на анализе научных источников, отметим, что понятия «реабилитация» и «социальная реабилитация» сходны по содержанию. Социальная реабилитация является составной частью реабилитации и может рассматриваться в двух аспектах:

– как система мер, принимаемых государством и обществом для восстановления и формирования социальных функций и связей инвалида, включающая в себя мероприятия по социально-средовой, социально-педагогической, социально-психологической и социокультурной реабилитации, социально-бытовой адаптации;

– как результат деятельности всех субъектов реабилитации, включая индивида, семью, учреждения системы социальной защиты, некоммерческие организации, местные сообщества, группы самопомощи и другие, по восстановлению и формированию социальных функций и связей инвалида.

Рассмотрение второго аспекта социальной реабилитации возможно в рамках ресурсного подхода, который позволяет проанализировать факторы, влияющие на процесс реабилитации, а также вовлеченность и вклад всех ее субъектов.

Ресурсность инвалида и его семьи характеризует возможность индивида ресоциализироваться. Ресурсная семья является наиболее функциональной и реабилитирующей средой. М. Н. Кичерова полагает, что система социальной реабилитации инвалидов должна опираться в первую очередь на семью как социальный институт и малую социальную группу, а только затем на систему специализированных учреждений. В связи с этим программы реабилитации инвалида должны быть направлены не на оказание материальной поддержки, а на активизацию ресурсов инвалида и его семьи⁹.

Г. В. Жигунова выделяет измеряемые индикаторы ресурсного потенциала инвалидов:

– показатели, характеризующие способности (к обучению, профессиональной и бытовой трудовой деятельности, творчеству, самообслуживанию, коммуникации и др.);

– индикаторы, определяющие уровень реализации потребностей и степени удовлетворенности в процессе самореализации;

– индикаторы, позволяющие определить характер ценностных ориентаций, целей, идентичности;

– показатели, позволяющие определить степень вовлеченности индивидов в общественную жизнь, характер взаимодействий с людьми;

– показатели самооценки уровня здоровья¹⁰.

Данные показатели частично совпали с выделенными нами в ходе контент-анализа факторами, влияющими на социальную реабилитацию инвалидов. Материалами для контент-анализа послужили 60 нарративов инвалидов, полученных в ходе авторского исследования 2017 г. Респондентам было предложено кратко описать свою биографию, рассказать о личных достижениях, а также о людях и организациях, сыгравших важную роль в их судьбе.

В ходе исследования выявлены следующие факторы, оказывающие воздействие на социальную реабилитацию инвалидов:

- группа инвалидности;
- возраст;
- образование;
- трудовая деятельность;
- наличие хобби;
- взаимоотношения в семье;
- социальный капитал (друзья, коллеги, соседи и т. д.);
- взаимодействие с социальными службами;
- восприятие себя и инвалидности;
- отношение к жизни и обществу;
- социально-психологические установки.

Данные факторы могут проявлять себя как ресурсы, способствующие социальной реабилитации инвалида, и как барьеры, усложняющие этот процесс. Вместе с этим данные факторы могут рассматриваться и как показатели социальной реабилитации. На основе анализа указанных выше факторов нами выделены два типа социальной реабилитации: объективная и субъективная.

Объективная социальная реабилитация характеризуется тем, что большинство указанных факторов выступают в качестве ресурса, позволяющего индивиду осуществлять свои социальные функции. Объективная социальная реабилитация проявляется в наличии социальных достижений инвалида, таких как получение образования, трудоустройство, создание собственной семьи/хорошие взаимоотношения с родительской семьей, самореализация в творческой/общественной и иной деятельности, формирование дружеских отношений и, как следствие, положительное восприятие себя, жизни и общества. В качестве примера объективной социальной реабилитации рассмотрим часть интервью респондента (женщина, 54 года, образование высшее):

В шесть месяцев я переболела полиомиелитом. С этого момента началась моя многолетняя больничная эпопея. Врачи и медсестры, воспитатели и няни, соседки по палате на шесть-восемь месяцев в году становились моей второй семьей. Несмотря на то, что я с трудом передвигалась на костылях, мудрые родители отдали меня учиться в обычную общеобразовательную школу. Замечательные, талантливые педагоги сделали всё, чтобы я не чувство-

вала своей физической ущербности. Вместе с одноклассниками я участвовала в общественной жизни класса и школы, занималась в кружках по интересам. После моих многомесячных лечений в больницах учителя, абсолютно бескорыстно, помогли усвоить пропущенный материал. Говорят, что дети жестоки, но это совсем не относилось к ребятам, с которыми я училась. Две школьные подружки на протяжении 10 лет заходили за мной по дороге в школу. Одноклассники по очереди переносили из кабинета в кабинет мой портфель и провожали домой. После успешного окончания школы поступила на библиотечное отделение в Горьковское культпросветучилище. Моя студенческая жизнь, благодаря окружающим, была насыщенной: участвовала в общественной жизни, ходила в театры, на выставки и концерты. Я жила в студенческом общежитии. С бытовыми трудностями мне ненавязчиво помогали справляться студентки, которые жили со мной. Одна из них стала моей лучшей подругой на всю жизнь. Конечно же, мне еще очень везет в этой жизни на встречи с хорошими и душевно щедрыми людьми. Без их поддержки я вряд ли смогла состояться в своей профессии. Искренне благодарна своему первому директору, который не побоялся взять на работу плохо ходящую девушку со второй группой инвалидности. Очень признательна начальнику отдела культуры Володарского района за то, что ненавязчиво подтолкнула меня к получению высшего образования, которое частично оплачивалось из фонда организации. В тридцать семь лет, имея мужа и трехлетнего ребенка, я заочно окончила Самарскую государственную академию культуры и искусств с отличием. В 1995 году была переведена в Ильиногорскую детскую библиотеку, одну из лучших библиотек района, которую возглавила в 1997 году. В 2010 году произошло объединение взрослой и детской библиотек. Я возглавила Ильиногорскую поселковую библиотеку. Трудно выразить словами, какую роль играет работа в моей жизни. Она помогает забыть о моих теперь уже многочисленных болезнях, чувствовать себя полноценным и нужным человеком в социуме, реализовать свои способности и возможности.

Важными факторами, повлиявшими на успешную социальную реабилитацию респондента, стали: наличие родительской семьи, которая выбрала инклюзивное образование, благоприятное социальное окружение, помогающее вести активный образ жизни, квалифицированные педагоги и врачи. Результатом действия данных факторов стала объективная социальная реабилитация, проявляющаяся в создании собственной семьи и построении успешной карьеры, в данном случае получении руководящей должности.

Субъективную социальную реабилитацию можно описать как низкий уровень социальных

достижений инвалида, уход от решения проблем при помощи творчества, коллекционирования, чтения и других видов хобби, оптимистичный взгляд на жизнь. Примером данного вида реабилитации является интервью респондента (мужчина, 33 лет, образование среднее профессиональное):

Сегодня мой дом – это Ветлужский психоневрологический интернат. До этого жил в семье, учился как все в школе, потом получил профессию, стал зарабатывать на жизнь. Мама тогда уже умерла, в доме хозяином был я. И в один из самых обычных дней по простой неосторожности случился пожар, после которого я очнулся на больничной койке. А дальше уже нелегко вспоминать то, что пришлось пережить. После ампутации обеих конечностей у меня явился новый статус – статус инвалида. С ним я должен был продолжать жить дальше. Когда пришло время выписки, встал другой вопрос – как жить и где? Дом после пожара, близких родственников нет, 1-ая группа инвалидности. На помощь пришли органы социальной защиты. Они поместили меня на время в социальную больницу, после чего оформили путевку в интернат, пообещав, что мне там понравится. Что это за место, я узнал, только когда меня привезли к воротам. Не скажу, что я был счастлив, увидев, куда попал. Проживающий контингент здесь особенный, и чтобы понять это, нужно было время. Стал узнавать потихоньку людей, знакомиться с персоналом. Несмотря на то, что протезы не прижились, сидеть без дела мне совсем не хотелось. У меня стали появляться новые интересы и увлечения. Душа сама потянулась к живому. Стал разводить комнатные цветы разных видов. Стараюсь участвовать и в культурной жизни интерната. Посещаю все праздники, концерты. Спустя 8 лет я стал понимать, что пришло время, когда у меня все хорошо. Сейчас, жизнью своей я очень доволен, получаю огромное удовольствие от всего, чем занимаюсь. Мне всегда есть с кем поговорить, с кем посоветоваться. Я нахожусь под опекой очень надежных людей, к которым я сильно привык. Люди, которые здесь работают, заменяют родных, заботятся и никогда не проходят мимо.

Индивиды, склонные к субъективной социальной реабилитации, обладают меньшими социальными, экономическими ресурсами, а самое главное – меньшим ресурсом здоровья (первая группа инвалидности). В связи с этим основным источником помощи становятся социальные службы, а способом самореализации инвалида – наиболее доступные увлечения. Однако взаимодействие данной группы инвалидов с социальными службами затрудняется ввиду низкого уровня информированности о социальных услугах. По данным исследования А. Ю. Домбровской, активные установки в информационном поведении инвалида имеют прямую корреля-

ционную связь с установками на активную жизнедеятельность в других сферах¹¹. Проблема низкого уровня информационной доступности социальных услуг для инвалидов подтверждается исследованием Всероссийского общества инвалидов, проведенного в 10 регионах России в 2012 г. По результатам данного исследования, в 69% случаев причиной отсутствия у инвалидов индивидуальной программы реабилитации является неинформированность о наличии права на разработку данной программы¹².

Однако следует отметить, что проблема низкого уровня информированности связана с тем, что информация о социальных услугах данной категорией населения не рассматривается в качестве ценного ресурса. Об этом свидетельствуют данные, полученные в результате анализа сообщений специализированного интернет-портала Disability.ru (таблица)¹³. Обсуждению реабилитационных услуг посвящены лишь 14% сообщений.

В качестве важного фактора, определяющего тип социальной реабилитации, можно выделить социально-психологические установки индивида. Индивиды по-разному воспринимают состояние инвалидности. Е. В. Воеводина выделяет два типа поведения: принятие или сопротивление¹⁴. Принятие выражается в пассивном соответствии приписываемому образу, в стремлении получить выгоды от имеющегося социального статуса. Сопротивление проявляется в компенсаторном поведении, через противостояние навязанному социальному портрету посредством положительной или отрицательной девиации. Отрицательная девиация проявляется в агрессии, неприятии себя, самоизоляции. Положительная девиация связана со стремлением индивида с инвалидностью занять высокий социальный статус, а именно достичь успехов в творчестве, спорте, карьере. Для инвалидов, склонных к объективной социальной реабилитации, характерна стратегия сопротивления, проявляющаяся в положительной девиации, в то время как для инвалидов, склонных к субъективной социальной реабилитации, – стратегия принятия.

Существуют исключительные случаи, когда индивид, обладающий незначительным количеством ресурсов, выбирает стратегию объективной социальной реабилитации. Рассмотрим ситуацию респондента (женщина, 68 лет, образование среднее профессиональное):

Много времени провела в больницах, перенесла ампутацию обеих ног. Первое время мне помогал муж: кормил, поил, мыл. Но вскоре он умер от прободной язвы. Опять навалилась тоска. Всех считала врагами, ни с кем не хотела общаться. Но время залечивает раны, и мне пришлось учиться жить без ног, без мужа с маленькими детьми. Приходилось заставлять себя жить. «Я смогу» – это был мой девиз того времени. Дети хотели есть, пить, им требовалась

Тематическое распределение сообщений форума Disability.ru

Раздел	Количество тем в разделе		Количество сообщений в разделе	
	частота	уд. вес, %	частота	уд. вес, %
Нормативные правовые акты в отношении людей с инвалидностью и их обсуждение	1442	19	55 507	17
Возможности активной стратегии социальной адаптации людей с инвалидностью (трудоустройство, образование, участие в общественных объединениях)	1643	22	113 572	34
Доступная среда (обсуждение безбарьерного пространства различных российских городов)	314	4	13 258	4
Технические средства реабилитации, коммуникации и связи, транспорт	1590	21	67 309	20
Службы реабилитации, дома инвалидов, методы терапии	1066	14	35 732	11
Диффузная поддержка (поиск друзей, встречи)	458	6	16 740	5
Творчество инвалидов (стихи, проза и т. д.)	117	2	5116	2
Досуг (возможности интересно провести время)	717	10	19 684	6
Судьбы инвалидов (обсуждение жизненных стратегий и опыта преодоления ограничений здоровья)	140	2	7907	1
Итого	7487	100	334 825	100

помощь в учебе. Я начала двигаться. Приспособила все под себя на кухне, в комнатах. Столом на кухне мне служила табуретка. Протезами я почти не пользовалась, ходила на культях, поэтому содержать квартиру в чистоте было необходимо. «Я все смогу», – говорила я себе и выполняла все домашние обязанности. Заболел дядя в 76 лет. У него не было близких, я пригласила его к себе и ухаживала за ним до самой его кончины. Ухаживать за лежачим больным – огромный труд даже для здорового человека, а мне было особенно тяжело, но я не могла оставить без помощи родного человека. Затем я ухаживала за престарелой теткой и за мамой. Несколько лет до смерти она не вставала с кровати.

В данном случае мотивация к самостоятельной жизни обусловлена наличием детей и родных, ради которых индивид готов бороться со своим недугом.

Однако есть множество примеров, когда индивид объективно может вернуться к нормальной социальной жизни, но его установки не позволяют этого сделать. К числу таких установок относятся: «жизнь инвалидам отпущена не долгая», «инвалиды не живут, а существуют», «я инвалид, поэтому все мне должны помогать», «я болен, у меня нет сил что-либо менять».

Социально-психологические установки, а также тип социальной реабилитации определяются возрастом наступления инвалидности и восприятием индивида с инвалидностью его семьей и ближайшим окружением. В случае, если индивид проходит все этапы социализации, имея инвалидность с детства и обладая положительным опытом взаимодействия с семьей и другими малыми группами, для него будет характерен выбор жизненной стратегии, направленной на объ-

ективную социальную реабилитацию. Ориентация на субъективную социальную реабилитацию определяется наступлением инвалидности в молодом или зрелом возрасте, отсутствием психологических механизмов адаптации к данному явлению, потерей профессии, привычного образа жизни. Однако человеческий, социальный и экономический капитал, накопленный у данной группы инвалидов, может выступать значимым ресурсом для объективной социальной реабилитации.

Анализ данных типов реабилитации позволяет определить ресурсы инвалида, которые могут быть задействованы в процессе реабилитации, определить, что станет главной поддерживающей силой в осуществлении данного процесса – семья как социальный институт и малая социальная группа или система специализированных учреждений, подобрать механизм социальной помощи.

Примечания

- 1 См.: Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения: 10.04.2018).
- 2 См.: О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении национального стандарта Российской Федерации : приказ Росстандарта от 31.10.2017 № 1618-ст. URL: <http://docs.cntd.ru/document/555863664/> (дата обращения: 10.04.2018).
- 3 См.: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

- ⁴ См.: Веденева Н. В. Социальные аспекты реабилитации инвалидов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.
- ⁵ См.: Головкин С. Г. Реабилитация инвалидов как направление региональной социальной политики : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Кемерово, 2009.
- ⁶ См.: Иванов А. В. Инновационные процессы в системе реабилитации инвалидов и модель ее дальнейшего развития // Отечественный журнал социальной работы. 2011. № 3. С. 78–85.
- ⁷ См.: Холостова Е. И., Дементьева Н. Ф. Социальная реабилитация : учеб. пособие. М., 2002.
- ⁸ См.: Кичерова М. Н. Социальная реабилитация инвалидов в современных условиях // Вестн. СамГУ. 2007. 5/1 (55). С. 132–142.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Жигунова Г. В., Ткаченко И. Л. Ресурсный потенциал инвалидов ювенальной категории. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014.
- ¹¹ См.: Домбровская А. Ю. Социальная адаптация людей с ограниченными возможностями здоровья в России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2015.
- ¹² См.: Наиболее актуальные проблемы и перспективы положения инвалидов в Российской Федерации. URL: <http://www.insor-russia.ru> (дата обращения: 10.04.2018).
- ¹³ См.: Домбровская А. Ю. Указ. соч.
- ¹⁴ См.: Воеводина Е. В. «Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий // Человек. Общество. Инклюзия. 2014. № 4 (20). С. 10–15.

Образец для цитирования:

Красуцкая О. В. Социальная реабилитация в контексте жизненных траекторий инвалидов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 300–305. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-300-305

Cite this article as:

Krasutskaia O. V. Social Rehabilitation in the Context of the Disabled Life Trajectories. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 300–305 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-300-305

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

А. А. Вилков, Д. В. Попонов, М. С. Козлова, А. С. Бурданова

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

Попонов Денис Вячеславович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, poponovdv@mail.ru

Козлова Маргарита Сергеевна, кандидат социологических наук, директор Центра подготовки резерва управленческих кадров, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, kmargos@yandex.ru

Бурданова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gons.anna@yandex

В статье проанализированы материалы экспертного опроса представителей ведущих саратовских вузов в отношении имеющихся и перспективных возможностей использования ресурсов научно-образовательных организаций в сфере реализации задач общественной дипломатии. На базе данных материалов в статье систематизированы и обоснованы основные направления оптимизации ресурсного потенциала региональных вузов и совершенствования их функционирования в качестве субъектов «мягкой силы» в ближнем и дальнем зарубежье. Это особенно актуально в отношении социокультурной адаптации обучающихся в России иностранных студентов, способных влиять на формирование положительного образа России посредством широкой сети личных коммуникаций со своими согражданами.

Ключевые слова: общественная дипломатия, вузы как субъекты общественной дипломатии, «мягкая сила», стратегия международной деятельности вузов.

Regional Universities' Potential within the Context of Implementation of Public Diplomacy's Goals

A. A. Vilkov, D. V. Poponov, M. S. Kozlova, A. S. Burdanova

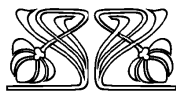
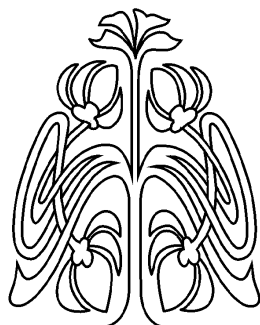
Alexander A. Vilkov, ORCID 0000-0003-4277-0372, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, vil57@yandex.ru

Denis V. Poponov, ORCID 0000-0003-3441-1548, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, poponovdv@mail.ru

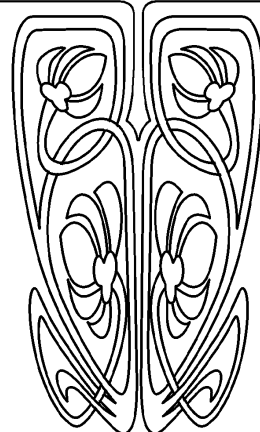
Margarita S. Kozlova, ORCID 0000-0003-4875-5667, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya Str., Saratov, 410031, Russia, kmargos@yandex.ru

Anna S. Burdanova, ORCID 0000-0002-9484-4727, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gons.anna@yandex

Results of a survey of representatives of leading universities of Saratov region are analyzed in this article. Experts were asked about the current and potential possibilities of using resources of scholarly and educational organizations in terms of achievement of public diplomacy goals. Based

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

on this survey, key directions of optimization of regional universities' potential and their functioning as subjects of "soft power" for neighboring countries and beyond are systemized and substantiated. This is especially important with regard to social and cultural adaptation of those foreign students who study in Russia and are able to influence the formation of positive image of our country through a wide network of personal communications with their compatriots.

Key words: public diplomacy, universities as subjects of public diplomacy, "soft power", strategy of universities' international interactions.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-306-312

Об общественной и публичной дипломатии сегодня говорят как о важном инструменте, находящемся в арсенале современного государства, посредством которого создаются возможности для расширения сети контактов с иностранной аудиторией и решения на этой основе целого комплекса внешнеполитических и геостратегических задач. В таком понимании термины прочно вошли в научный и публичный дискурс, границы которого с каждым годом расширяются, в том числе в России, где все больше авторов поднимают в своих работах различные вопросы в сфере общественной и публичной дипломатии¹.

Одним из важнейших факторов «мягкой силы» современного государства является система образования, которое сегодня все больше приобретает политикообразующую функцию, выступая и средством преодоления конфликтов, недоверия в межгосударственных отношениях, и индикатором развитости общества, и мощнейшим инструментом влияния на международной арене².

«Россия, как наследница советского опыта оказания образовательных услуг иностранным гражданам, сегодня заметно уступила свои позиции в мире с точки зрения привлекательности российского образования. Об этом свидетельствуют ежегодные рейтинги и не очень большое количество иностранных студентов», – такие выводы делает экспертная группа Центра «Креативная дипломатия» на страницах Аналитического мониторинга «Российская публичная дипломатия в 2017 году. Обзор основных событий и трендов»³. При этом авторы доклада подчеркивают, что ситуация постепенно выправляется, и по сравнению с предыдущим десятилетием, например, наблюдается прирост показателей по числу иностранных студентов, появляется ряд законодательных новаций, смягчающих режим пребывания иностранных граждан в России в период обучения в вузе, иницируются и реализуются различные программные мероприятия, направленные на развитие «мягкой силы» отечественной системы высшего образования. Однако этого явно недостаточно для того, чтобы определять ценностную составляющую нового мирового порядка, расширяя российское влияние и на постсоветском пространстве, и за его пределами⁴.

Данные выводы не только актуализируют дальнейшую проработку на уровне экспертного

сообщества вопросов наращивания потенциала «мягкой силы» отечественной системы образования, но и обстоятельное изучение регионального дискурса данной проблемы, особенно в приграничных субъектах Федерации, которые могут и должны наравне со столичными научно-образовательными центрами стать эффективными акторами в сфере общественной дипломатии.

Экспертный опрос проводился в рамках проекта «Ресурсный потенциал общественной дипломатии в приграничном российском регионе», реализуемом Автономной некоммерческой организацией «Центр региональных политических исследований» при финансовой поддержке Фонда президентских грантов в феврале–марте 2018 г. В опросе приняли участие 10 экспертов, которые представляли научно-образовательные организации Саратовской области (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (СГУ), Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского (СГМУ), Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова (СГАУ), Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС (ПИУ)), а также общественные организации. Эксперты из числа вузовского сообщества, которые составляли основную группу респондентов, подбирались по функциональному принципу – курировали в вузе вопросы международного сотрудничества или его отдельные направления, ориентированные на работу с иностранными студентами. Дополнительно проводилась работа с отчетной документацией саратовских вузов в сфере международного сотрудничества за 2015–2017 гг., находящейся в открытом доступе на официальных сайтах научно-образовательных организаций.

Гайд экспертного интервью включал в себя комплекс вопросов, ориентированный на анализ восприятия самого феномена общественной (публичной) дипломатии, его функциональности в контексте деятельности научно-образовательных организаций, ресурсного потенциала научно-образовательных центров региона в данном направлении, перспективных направлений организации работы в краткосрочном и среднесрочном отрезке времени в отношении стран ближнего зарубежья.

Общественная дипломатия понимается экспертами как неотъемлемый атрибут стратегии формирования положительного имиджа государства и участие широкого круга неправительственных акторов в ее реализации. При характеристике феномена чаще всего на первый план выходят тезисы о существовании так называемого русского мира, который объединяет широкие слои населения в различных странах мира как социокультурную общность, ориентированную на Россию и испытывающую потребность в развитии всесторонних связей с ней. Этот тезис непо-

средственным образом актуализирует комплекс мероприятий в сфере общественной дипломатии на постсоветском пространстве, последовательная реализация которых позволит сохранить (а в ряде случаев восстановить) человеческие связи братских народов, перевести на новый уровень интеграционные процессы между странами.

Однако данными трактовками, как правило, понимание термина не ограничивается, и собеседники выводят позиционирование России за рамки «русского мира», подчеркивая при этом необходимость создания в этом случае комплексной инфраструктуры подобного влияния и его содержательное обеспечение в виде соответствующих целей, задач, механизма их реализации.

Принципиальным вопросом при характеристике феномена общественной дипломатии стала тема агентов влияния. Тезисы экспертов в целом позволили не только весьма четко очертить круг вовлеченных в эти процессы субъектов, но и конкретизировать сам термин «общественная дипломатия». Не оспаривая первенства российских общественных организаций и гражданских структур, занимающихся международными проблемами и включенных в современный информационно-интеллектуальный дискурс и международное экспертное сообщество, многие эксперты считают необходимым участие в этой работе государственных структур, которые должны координировать и содержательно направлять данную деятельность.

Очевидно, что такое гражданско-элитарное восприятие общественной дипломатии, по сути, отражает запрос на выстраивание системной работы в данном направлении, которое напрямую зависит от вовлеченности в эту работу государственных структур. Эксперты достаточно однозначно сошлись в оценке того, что в настоящее время внимание к вопросам общественной дипломатии – это не более чем следование современным трендам внешнеполитической практики, а обсуждение проблематики, с ней связанной, во-первых, недостаточно широкое, а во-вторых, не в полной мере содержательное, ориентированное на конкретные результаты.

Эксперты считают, что отсутствие на уровне государства четких целевых ориентиров и комплекса задач в сфере общественной дипломатии фактически исключает из круга акторов общественной дипломатии рядовых граждан, ресурс которых в настоящее время задействован далеко не в полной мере. Это касается, в частности, и профессорско-преподавательского состава вузов, которые, имея свой круг общения, сеть межличностных коммуникаций, не всегда целенаправленно используют эти возможности для формирования общественного мнения о России в других странах, разъяснения национальной позиции по различным вопросам международной повестки.

Весьма неоднозначно оценивается и вовле-

ченность вузов в процессы общественной дипломатии. С одной стороны, мнение экспертов совпадает в том, что положительного эффекта в реализации общественной дипломатии невозможно будет достичь без системной и комплексной работы на уровне образовательных организаций, прежде всего вузов. В частности, роль образовательного сегмента рассматривается как необходимое звено эффективного социогуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве, которым можно будет дополнить текущие интеграционные процессы, имеющие сегодня преимущественно экономический характер.

С другой стороны, отмечается, что, несмотря на широкую сеть вузовских центров Саратовской области, их потенциал не в полной мере ориентирован на реализацию политики «мягкой силы» в качестве специфического ресурса приграничного региона. Задачи в этой области не просто отодвигаются на второй план (что, впрочем, достаточно закономерно, учитывая приоритет образовательных и научных мероприятий в функциональном профиле вузов), а превращаются в периферийный (факультативный) компонент работы. Все эксперты признают, что он присутствует, отмечают его важность, но при этом целенаправленно, комплексно его развитием практически не занимаются.

В должной мере, по мнению экспертов, это относится и к федеральным проектам в сфере общественной дипломатии (деятельности Россотрудничества, Фонда Горчакова, различных неправительственных организаций, занимающихся международной проблематикой), в которые вовлечены вузы. Отмечается, например, что в сфере образования Россотрудничество занимается отбором иностранных граждан на обучение в российских образовательных организациях и вовлечено в процессы экспорта отечественного образования. Также по линии организации реализуется широкая линейка молодежных программ, но площадками для их проведения становятся в основном центральные вузы, а потому эффекты в регионах не выглядят столь очевидными и значимыми.

Непосредственным образом с реализацией задач в сфере общественной дипломатии связан приоритетный проект Министерства образования и науки Российской Федерации «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», направленный на повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг. Однако уровень вовлеченности региональных вузов в эту работу отличается друг от друга, а в действующую проектную линию, мероприятия которой рассчитаны до 2025 г., включен лишь Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова.

Комплекс задач в сфере общественной

дипломатии для научно-образовательных учреждений должен быть вписан в стратегию международной деятельности вузов и решаться целенаправленно и последовательно в ее рамках. В настоящее время все образовательные и научные центры Саратовского региона в той или иной степени вовлечены в процессы международного сотрудничества, последовательно развивая и совершенствуя работу в данном направлении, расширяя круг и укрепляя взаимодействие с зарубежными партнерами, продвигая на международном рынке свои образовательные услуги и реализуя свой научный потенциал.

Сегодня во всех вузах сложилась целая инфраструктура организации и развития международной деятельности – существуют профильные структуры, ориентированные на организацию взаимодействия с зарубежными образовательными, научно-исследовательскими, производственными, культурными учреждениями, фондами, а также отдельными представителями образования, науки, культуры, бизнеса зарубежных стран, рекрутинг иностранных студентов, реализацию международных проектов и программ.

В целом международное сотрудничество региональных вузов на сегодняшний день состоялось как самостоятельное, комплексное направление деятельности. Эта работа имеет достаточно широкую географию и весьма разнообразна по своим форматам. По оценке экспертов, международная деятельность вузов в основном ориентирована на научно-образовательные центры Западной Европы и США, что обусловлено целым комплексом факторов, в числе которых и высокие позиции этих центров в различных рейтингах, и широкая линейка направлений сотрудничества с ними, которая оформилась еще в 1990-е гг. В последние 5–10 лет актуализировалось азиатское направление сотрудничества, в том числе со странами-членами Евразийского экономического союза.

Эксперты подчеркивают, что для Саратовской области, как приграничного региона, взаимоотношения со среднеазиатскими республиками бывшего Советского Союза, в том числе в сфере науки и образования, всегда занимали важное место в структуре внешних коммуникаций. Региональные вузы всегда были привлекательны для граждан этих стран, а с переходом на комплексную работу по международной кооперации научно-образовательных центров региона эти отношения получили развитие и по другим направлениям. В настоящее время сложившиеся форматы международного сотрудничества региональных вузов с зарубежными партнерами в среднеазиатских республиках и других странах постсоветского пространства не настолько системны, как в случае с Западной Европой и Северной Америкой, однако, объединяя сведения о реализуемых в данном направлении международных проектах, круге вовлеченных в них

субъектов, складывается весьма многоаспектная картина, с положительной стороны характеризующая потенциал региональных вузов в этой сфере.

Основным направлением международной деятельности саратовских вузов является рекрутинг иностранных студентов. Доля граждан стран СНГ и Балтии в общем контингенте обучающихся иностранных граждан весьма высока и, как правило, превышает 60–70%. Широкой является и география иностранного студенческого корпуса, в котором представлены граждане фактически всех стран ближнего зарубежья.

Одной из основных форм привлечения иностранных студентов являются довузовские программы и летние школы. Так, в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю. А. в качестве долгосрочного проекта действует Международная летняя школа для иностранных слушателей, в рамках которой будущие абитуриенты учат русский язык, знакомятся с русской культурой, с будущей профессией. Летняя школа русского языка для иностранных граждан более 25 лет работает на базе СГУ. Подготовительное отделение для иностранных граждан, где они могут получить базовую лингвистическую и начальную профильную подготовку на русском языке, существует в СГМУ.

Программа социокультурной адаптации студентов не ограничивается довузовским периодом. На это, прежде всего, нацелены и учебные программы вузов, ориентированные на иностранных студентов, и комплекс внеаудиторных мероприятий, направленных в том числе на формирование речевой и социокультурной компетенции иностранных студентов. В ряде вузов созданы студенческие объединения иностранных учащихся. В частности, в СГАУ действует Интернациональный клуб, который замыкает на себя ряд вопросов в сфере интернационального воспитания, социокультурной адаптации, а также коллективную общественную деятельность российских и иностранных студентов университета.

Как отмечают эксперты, в региональных вузах система комплексной социокультурной адаптации иностранных студентов в целом выстроена, и она работает. По их мнению, это не только важный компонент учебного процесса, но и действенный механизм формирования положительного отношения к России, культуре нашей страны. Эффективность этой работы замерить весьма сложно, учитывая целый комплекс факторов, прежде всего личные характеристики приезжающих на учебу иностранных студентов. Тем не менее, по основным направлениям она ориентирована на достижение необходимых результатов, прежде всего в плане устранения языкового барьера иностранных студентов (эта проблема, по словам экспертов, все более актуализируется в отношении иностранных студентов

из республик бывшего Советского Союза). Главная задача состоит в потенциальном расширении круга их общения, в трансляции иностранным студентам необходимых установок и акцентов о политической ситуации в России и мире.

Между тем ряд экспертов считают, что доминирование русскоязычных образовательных программ выступает в некотором смысле сдерживающим фактором для продвижения российского образования на мировом рынке. Многих студентов отпугивает перспектива дополнительного обучения на подготовительном отделении для поступления в российские вузы, а языковой барьер не удастся преодолеть в полном объеме и в дальнейшем. Выход в данном отношении один – в расширении языковой линейки образовательных программ, что, в свою очередь, позволяет поставить на повестку дня вопрос об интенсификации процесса англоязычной подготовки и профессорско-преподавательского состава, и студентов, которые сегодня, не владея в должной мере иностранными языками, прежде всего английским, вынуждены отказываться от участия в обменных и иных образовательных программах и проектах, в том числе в научно-образовательных центрах ближнего зарубежья.

Эксперты подчеркивали, что речь в данном случае ни в коем случае не идет о сворачивании русскоязычного образовательного сегмента, а исключительно о расширении конкурентных преимуществ российских вузов на международном образовательном рынке. Социокультурный компонент, конечно, придется перестраивать, но его эффективность от этого не пострадает. Кстати, именно иностранные студенты, отучившись в вузе и вернувшись на родину, сегодня зачастую являются весьма надежным источником информации и о городе, в котором они учились, и о бытовых условиях, и о России в целом.

В целях оптимизации сложившегося формата международной деятельности, которую проводят региональные вузы, эксперты отмечают необходимость расширения линейки совместных с зарубежными партнерами образовательных программ, которые, в свою очередь, позволят перевести на более высокий уровень и процессы академической и студенческой мобильности, а также углубят сотрудничество в научной сфере, объективно подтянув со временем иные формы коммуникации.

Основой для проведения данной работы могут стать зарубежные вузы-партнеры, с которыми у региональных университетов, институтов и академий имеются действующие договоры. География такого сотрудничества весьма обширна, в том числе и на постсоветском пространстве. Безусловно, эта работа требует приложения определенных усилий и детальной проработки по целому ряду направлений, поэтому каких-либо краткосрочных эффектов в этом направлении ожидать сложно. Это задача на долгосрочную

перспективу, но она позволит не только продвигаться региональным вузам в сфере экспорта образовательных услуг и международного научного сотрудничества, но и наполнить их соответствующими содержательными акцентами.

Из проектов, позволяющих оптимизировать процессы сотрудничества вузов региона с научно-образовательными центрами стран ближнего зарубежья в краткосрочной и среднесрочной перспективе, эксперты выделили следующие:

- проекты, направленные на привлечение студентов и преподавателей вузов к изучению иностранных языков, их стимулирование к повышению уровня иноязычной компетенции, организацию курсов повышения квалификации в зависимости от уровня владения иностранными языками;

- проекты, направленные на интенсификацию процессов деятельности ассоциаций выпускников региональных вузов, повышение уровня ее содержательности, организацию региональных форумов выпускников региональных вузов из числа иностранных граждан, создание неформальных профессиональных сообществ;

- проекты, направленные на разработку новых образовательных программ и учебных курсов в сфере общественной дипломатии, подготовку сотрудников и студентов в рамках специализированных (тематических) дискуссионных площадок (клубов);

- проекты, направленные на развитие систем дистанционного (сетевое) образования (online-лекции, семинары, мастер-классы, дискуссионные, экспертные площадки) с вузами-партнерами;

- проекты, направленные на организацию летних (зимних) научно-образовательных школ, программ обучения, разработку научно-образовательных туристических маршрутов, реализацию исторических и обществоведческих проектов, в том числе студенческого уровня;

- проекты, направленные на создание и поддержание единого интернет-портала региональной системы образования и науки, обеспечение полиязычности его контента, издание презентационной информационной продукции о научно-образовательных центрах региона (например, Единого презентационного буклета «Вузы Саратовской области»).

Также актуальным, с точки зрения экспертов, представляется рассмотрение вопроса о включении представителей научно-образовательной сферы региона в состав официальных делегаций и бизнес-миссий области в страны ближнего зарубежья для расширения контактов и обсуждения на различных площадках вопросов сотрудничества в сфере образования и науки.

Таким образом, научно-образовательные центры региона не имеют сегодня комплексных подходов организации работы в сфере общественной (публичной) дипломатии. В регионе

сложились отдельные практики данной деятельности, ориентированные в основном на учебно-образовательный процесс (рекрутинг иностранных студентов, программы студенческой и академической мобильности) и реализацию совместных научных проектов. Экспертно-аналитический сегмент, являющийся одним из важнейших институтов и коммуникационных каналов взаимодействия и организации диалога с зарубежными обществами, находится в стадии становления, существуя сегодня в виде отдельных проектов и инициатив.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена внешними по отношению к региональным научно-образовательным центрам, в том числе вузам, факторами, в частности, отсутствием единых на уровне государства установок в сфере общественной (публичной) дипломатии. Однако компенсировать эти издержки можно за счет расширения работы с профессорско-преподавательским составом вузов, студенческим сообществом по обсуждению актуальных вопросов внутренней и внешней политики Российского государства, международной ситуации, созданию специализированных дискуссионных площадок, вовлечения в сферу их деятельности представителей других молодежных групп, в том числе на уровне муниципалитетов. В долгосрочном формате реалии требуют подготовки специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками в сфере общественной и публичной дипломатии, разработки соответствующих учебных курсов и образовательных программ.

Между тем активизация информационно-разъяснительной работы по отдельным аспектам внутренней и внешней политики Российской Федерации и целенаправленное формирование экспертно-академического дискурса в сфере общественной и публичной дипломатии не подменяют необходимости обстоятельной проработки идеологических и ценностных основ отечественной концепции «мягкой силы». Работа в данном направлении не может быть замкнута на один регион и должна быть выстроена на интегративной проектной основе на общефедеральных площадках.

Однако на региональном уровне вузы могут стать своего рода «мозговыми трестами» по проработке целого комплекса важных вопросов в этом ключе, организуя взаимодействие в том числе с общественными организациями, занимающимися проектной и программной деятельностью в сфере общественной (публичной) дипломатии. Научно-исследовательский потенциал саратовских вузов, их опыт проектной работы позволяют начать эту работу уже в краткосрочной перспективе.

Значимым компонентом создающейся системы общественной (публичной) дипломатии в российских регионах является сложившаяся

на уровне вузов система работы с иностранными студентами, а также сформировавшаяся система академических и студенческих коммуникаций с общественностью иностранных государств, в том числе на постсоветском пространстве. В целом она весьма функциональна как в плане учебного процесса, так и в отношении социокультурной адаптации обучающихся в России иностранных граждан, и ориентирована на формирование положительного образа России, который поддерживается, главным образом, посредством широкой сети личных коммуникаций.

Целесообразным также представляется создание регионального центра по вопросам общественной дипломатии и развития инфраструктуры его долгосрочной деятельности. Саратовская область в этом отношении может выступить «застрельщиком» активизации деятельности общественной дипломатии не только на региональном, но и на федеральном уровне, так как ряд предложений адресован федеральным органам власти (например, создание системы краткосрочных и среднесрочных образовательных грантов для студентов старших курсов, молодых преподавателей в научно-образовательных центрах ближнего зарубежья).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда президентских грантов (грант на развитие гражданского общества), в рамках проекта «Ресурсный потенциал общественной дипломатии в приграничном российском регионе (на примере Саратовской области)».

Примечания

- 1 См.: Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1 (25). С. 63–73; Лукин А. В. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 69–87; Бурлинова Н. Е. Публичная дипломатия России: практика и проблемы становления // Вестник аналитики. 2014. № 3. С. 28–35; Боршшполец К. П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденции развития // Вестн. МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 42–55; Смирнов Н. А. Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 1. С. 78–89; Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 154–164; Лебедева О. В. История возникновения института публичной дипломатии в России // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 125–135; Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестн. МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223.
- 2 См.: Лебедева М. М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестн. МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 200–205; Торку-

нов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестн. МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–92; Булгакова Н. К нашей нише: интернационализация образования поможет России занять достойное место в мире // Образование. 2012. № 25. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/edu/3682/> (дата обращения: 20.05.2018); Таланов С. Л., Гаврилов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы»

во внешней политике России // *Alma mater*. 2017. № 6. С. 24–30. DOI 10.20339/AM.06-17.024

³ Российская публичная дипломатия в 2017 году. Обзор основных событий и трендов. Издание Центра «Креативная дипломатия», 2018. URL: <http://www.picreadi.ru/wp-content/uploads/2018/03/Public-diplomacy-report-2017.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).

⁴ См.: Таланов С. Л., Гаврилов А. В. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Попонов Д. В., Козлова М. С., Бурданова А. С. Ресурсный потенциал региональных вузов в сфере реализации задач общественной дипломатии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 306–312. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-306-312

Cite this article as:

Vilkov A. A., Poponov D. V., Kozlova M. S., Burdanova A. S. Regional Universities' Potential within the Context of Implementation of Public Diplomacy's Goals. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 306–312 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-306-312

УДК 327.8

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ: ДЕФИЦИТ СТРАТЕГИИ

Ю. Г. Жеглова

Жеглова Юлия Генриховна, кандидат политических наук, заведующая кафедрой коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет, yzheglova@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемы, препятствующие, по мнению автора, эффективному решению задачи информационного сопровождения внешнеполитической деятельности в Российской Федерации. Последовательно анализируя постановку проблемы информационного сопровождения внешней политики Российской Федерации в доктринальных документах, автор приходит к выводу о том, что эти вопросы до сих пор не решены с точки зрения определения стратегических целей и выработки целостной концепции. Без этого усилия РФ по формированию своего внешнеполитического имиджа будут продолжать носить несистемный характер и не принесут желаемых результатов.

Ключевые слова: информационное общество, гибридная реальность, глобальная медиасфера, внешнеполитическая деятельность, международные отношения, брендинг страны.

Foreign Policy Information Support in Russia: Lack of Strategy

Yu. Gh. Zheglova

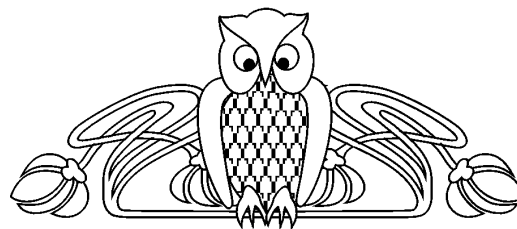
Yulia Gh. Zheglova, ORCID 0000-0002-7975-1063, Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia, yzheglova@yandex.ru

The article dwells on the problems, hindering successful accomplishing the mission of Russian Federation's foreign affairs activity information support. The author undertakes step by step analysis of doctrinal papers as far as information coverage of Russian Federation foreign policy is concerned and arrives at the conclusion that as of now solution of these problems lacks strategic goalsetting and wholesome concept. And without that all image shaping efforts will remain sporadic and fruitless.

Key words: information society, hybrid reality, global media sphere, international activity, international relations, country branding.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-313-317

Изначально задача сопровождения внешнеполитической деятельности – задача, лежащая в плоскости внешнеполитических коммуникаций. Однако, по существу, она никогда чисто коммуникационной не была и всегда представляла собой отдельное направление усилий и фактор эффективности внешней политики государства, что важно всегда и особенно для России в современных условиях. Понимание этого или, скорее, декларирование такого понимания существовало всегда, но без перехода к следующему необходимому этапу – разработке стратегии информа-

ционного сопровождения внешнеполитической деятельности Российской Федерации и концептуализации этой работы. Вопрос тем более назрел, что в других важных и смежных областях труд концептуализации, по мнению авторитетных специалистов, уже завершен. Как пишет, например, А. В. Федякин, «в целом, есть все основания полагать, что достигнутый сегодня уровень концептуализации национальных интересов и стратегических приоритетов современной России, отражением которого являются в т. ч. и прежде всего четкие формулировки президентских посланий и выступлений, а также логически выверенные важнейшие концептуальные и доктринальные документы, позволит максимально результативно защищать их и эффективно реализовывать – причем не только соответствующими государственными органами, но и общественными институтами»¹. Относительно информационного сопровождения внешнеполитической деятельности РФ, как показывает анализ, эволюции подходов к ней в российских доктринальных документах и реальной политике не произошло.

После дезинтеграции СССР в 1991 г. независимая Россия существовала в поисках новых политических и идеологических ориентиров и собственной идентичности и без внятной концепции внешней политики. В апреле 1993 г. бывший тогда Президентом России Б. Н. Ельцин утвердил «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации». Документ лишь замещал пустое место в линейке доктринальных документов, отражал стремление России к институционализации себя в статусе великой державы – и не только как правопреемницы СССР. Однако к внешнеполитической информационной деятельности это не относилось вовсе.

Между тем после распада СССР Россия унаследовала соответствующие принципиальные подходы и возможности. В доставшуюся от СССР Российской Федерации систему формирования внешнеполитического имиджа входили Телеграфное агентство Советского Союза, Агентство печати «Новости» и Международное московское радио. Так, только Агентство печати «Новости» в 1989 г. имело бюро, филиалы бюро и корреспондентские пункты в 90 странах мира (58% стран мира на тот момент)².

В молодой независимой России на фоне исповедовавшегося тогда внешнеполитическим истеблишментом геополитического «братания» ин-

формационной работе на международной арене со стороны государства уделялось незаслуженно мало внимания, квалифицированный персонал подвергался сокращениям, резко уменьшилось финансирование, запаздывало технологическое и содержательное обновление. Произошла дефрагментация механизма формирования внешнеполитического имиджа Российской Федерации в глобальном информационно-политическом пространстве.

В таких условиях в марте 1996 г. появился Указ Президента РФ «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации», который стал попыткой заново выстроить организационную структуру. В документе устанавливалось, что МИД РФ «является головным органом в области отношений с иностранными государствами, международными организациями и осуществляет общий контроль над выполнением международных обязательств Российской Федерации. Министерство иностранных дел Российской Федерации координирует деятельность других федеральных органов исполнительной власти в этой области и международные связи субъектов Российской Федерации»³. Но практических шагов во исполнение указа в части, касающейся внешнеполитического имиджа Российской Федерации, не последовало.

Несколько иное понимание стратегических приоритетов внешней политики сформировалось позднее. В 2000 г. в очередной Концепции внешней политики Российской Федерации информационное сопровождение внешнеполитической деятельности уже фигурирует как развернутый пункт: «Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности объективной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации, а также о достижениях российской культуры, науки, интеллектуального творчества. На передний план выдвигается задача формирования за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней. Неотъемлемым элементом соответствующей работы должны были стать целенаправленные усилия по широкому разъяснению за рубежом сути внутренней политики России, происходивших в стране процессов. Актуальным становится ускоренное развитие в Российской Федерации собственных эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом»⁴.

Таким образом, в 2000–2008 гг. формирование образа России за рубежом все-таки выводится на уровень государственных задач, происходит переформатирование основных элементов формирования внешнеполитического

имиджа, делаются шаги по их конкретному наполнению. В Администрации Президента Российской Федерации создаются подразделения, генерирующие идеи и вырабатывающие стратегию, ставящие конкретные задачи в области формирования внешнеполитического имиджа РФ. Из федерального бюджета начинают поступать значительные финансовые средства, которые позволяют провести техническое переоснащение и ребрендинг государственных информационных агентств ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», радиостанции «Голос России», которые усиливают информационно-пропагандистскую работу за рубежом не только с помощью традиционных форматов вещания, новостных лент и печатных изданий, но и Интернета, создавая с этими целями новые мультимедийные продукты, полностью сопоставимые с западными образцами. «Российская газета» и РИА «Новости» реализуют совместный проект, целью которого было доведение правдивых и объективных сведений о современной России до международных аудиторий в зарубежных печатных СМИ в форме специальной периодической вкладки *Trendline Russia*⁵. Проект развивался какое-то время, организационно оформившись в компанию «Russia Beyond The Headlines» и сотрудничая с десятками партнерских СМИ в мире. По данным, опубликованным в 2015 г., RVTN рассказывала о России на 18 языках, общая аудитория проекта насчитывала почти 28 млн человек⁶. Важной вехой стало в то время выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России 12 июля 2004 г., в котором он заявил, что «представления о России, существующие в странах вашего пребывания, часто далеки от реальности. Нередки и спланированные кампании по дискредитации нашей страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса»⁷.

Однако и в следующей Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. в части, касающейся информационного сопровождения внешнеполитической деятельности РФ, принципиально новые подходы к информационной работе на международной арене сформулированы не были. Эта Концепция отчасти повторяла текст предшествовавшего документа, но сам специально посвященный этой проблеме раздел был расширен за счет включения понятия публичной дипломатии, а также признания и фиксирования информационных угроз для Российской Федерации: «В рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться своего объективного восприятия в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую го-

сударственную поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности»⁸.

И только в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России В. В. Путиным в 2013 г., ставились более развернутые и систематизированные задачи: «...добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности»⁹.

Констатация государственной поддержки российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве с целью усиления их позиций наконец вывела информационное сопровождение внешнеполитической деятельности РФ в разряд именно государственных задач, и уже в том же 2013 г. начинается консолидация, прежде всего, соответствующих медийных ресурсов. Указом Президента Российской Федерации от 9 декабря 2013 г. создается сразу получившее статус стратегического Федерального государственное унитарное предприятие «Международное информационное агентство “Россия сегодня”» – на базе РГРК «Голос России» и Российского агентства международной информации «РИА “Новости”». Основным направлением деятельности МИА «Россия сегодня» анонсируется освещение за рубежом государственной политики Российской Федерации и общественной жизни в Российской Федерации¹⁰.

Следует признать, что Концепция внешней политики Российской Федерации от 2013 г. стала первым в череде подобных документов, в котором задачи информационного сопровождения внешнеполитической деятельности РФ были артикулированы комплексно, четко и с обозначением необходимых ресурсов, в частности государственной поддержки СМИ. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 г. соответствующий раздел выглядит еще более полно, состоит уже из трех пунктов, и п. 47, в частности, гласит: «Россия добивается объективного восприятия ее в мире, развивает собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого госу-

дарственную поддержку, активно участвует в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимает необходимые меры по противодействию угрозам своей информационной безопасности. В этих целях предполагается широкое использование новых информационно-коммуникационных технологий. Россия будет добиваться формирования комплекса правовых и этических норм безопасного использования таких технологий. Россия отстаивает право каждого человека на доступ к объективной информации о событиях в мире, а также к различным точкам зрения на эти события»¹¹.

Сопоставительный анализ этих концептуальных подходов к информационному сопровождению внешнеполитической деятельности РФ, соотношение их с реальностью показывает, что они не выходят за пределы более или менее развернутых констатаций, из раза в раз ограничиваются простым перечислением задач и инструментов. В настоящих условиях и как минимум до 2050 г. этого не может быть достаточно. Как справедливо замечает В. К. Белозеров, оценивая запущенный ныне механизм враждебного воздействия на Россию извне, «правомерно констатировать, что он а) сформирован с учетом только парирования наносимых ударов и б) предполагает только внутривнутриполитические меры по консолидации нации. То есть по сути своей он носит реактивный (а именно ненаступательный и пассивный) характер»¹².

Прежде всего, необходимо сделать практические выводы из того, что информационное сопровождение внешнеполитической деятельности РФ уже в течение довольно значительного времени осуществляется в условиях информационного общества. Сформулированная в парадигме постмодернизма, концепция информационного общества имеет немало трактовок, которые можно разделить на несколько основных групп. Например, Р. Дарендорф, Ф. Махлуп, Д. Гэлбрейт и другие развивали понимание феномена информационного общества с точки зрения экономики; Д. Белл, Й. Масуда, Ю. Хаяши концентрировались на проявлениях эффектов информационного общества с точки зрения социологии; Ж. Бодрийяр, Ф. Уэбстер и их коллеги концентрировались на виртуальной составляющей формирующейся в рамках информационного общества гибридной реальности; М. Кастельс, Э. Тоффлер, М. Маклюэн раскрывали его сетевую сущность. Попытки осознания информационного характера современного уклада жизни ведутся по многим направлениям, т. е. «информационность» затронула все аспекты жизни социума, со всей очевидностью включая сферу международной политики и международных коммуникаций. Более того, информационная природа современного общества значительнее всего, на наш взгляд, модифицирует именно коммуникативную сферу и делает это, главным

образом, в направлении формирования единого информационно-политического пространства в результате все нарастающей конвергенции информационного и политического пространств. Как представляется, именно о том, что носитель информации, коммуникативного послания все более сам становится таким посланием, еще в 1967 г. метафорически писал М. Маклюэн в своей совместной с К. Фиоре книге «The Medium is the Massage: An Inventory of Effects». Прошедшее с 1967 г. время со всей убедительностью показывает правоту этого наблюдения.

Вполне справедливым представляется в этой связи наблюдение, скажем, Г. Г. Почепцова, отмечавшего постоянные переходы между информационной и другими плоскостями¹³. Применительно к области международной политики это означает, что информация становится поводом, условием и следствием принятия внешнеполитических решений. Они, в свою очередь, затрагивают реальность, физическое пространство, а эти изменения становятся источником новой информации. С учетом же очевидного нарастания интенсивности взаимодействия и взаимопроникновения, на наш взгляд, корректнее говорить об информационно-политическом пространстве как о результате не просто взаимодействия или взаимного пересечения информационного и политического пространств, а их конвергенции. Эту мысль четко формулирует российский исследователь Ш. Г. Сеидов: «Информационные процессы в глобальном масштабе приводят к тому, что информационное пространство все больше наполняется политическим содержанием, а в политическом – интенсивность внешнеполитических взаимодействий усиливается благодаря проникновению информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизни государства»¹⁴.

Новое качество информационно-политического пространства означает интегрированную природу современных коммуникаций в международной сфере. Этот новый характер коммуникаций представляет собой результат не просто комплексного использования разных коммуникационных платформ, но стратегию, предполагающую их взаимное наложение и синергетический эффект. Понимание феномена интегрированных коммуникаций и возможностей их использования в информационном сопровождении внешнеполитической деятельности Российской Федерации – задача, решение которой как раз и должно лечь в основу концептуализации этой деятельности.

Первоочередным условием для этого становится осмысление и прогнозирование развития Интернета уже давно не как канала коммуникации, а как особой социальной среды, формирующей так называемую гибридную реальность – результат насыщения физического мира технологиями виртуальной, дополненной реальности, искусственного интеллекта и т. п.

Фактически мы должны признать, что информация сегодня стала элементом ноосферы. Констатируя это, в конце 1990-х гг. американцы Д. Аркилла и Д. Ронфельдт ввели в широкий политологический обиход понятие «ноополитика». Они же предложили именно на этой основе выстраивать информационную стратегию США и продолжают вести работу по этому направлению. Должны появиться современные значимые, комплексные и практически применимые концептуальные разработки стратегии информационной работы на международной арене в интересах внешней политики РФ и у нас.

Нельзя и дальше игнорировать изменения, в целом происходящие в глобальной медиасфере: размывание самого понятия «средство массовой информации», формирование понятия медийного ресурса, включающего уже и мессенджеры, и поисковики, концентрацию медийных ресурсов и связанный с этим рост ангажированности, новые схемы монетизации и распространения контента, ужесточение регулирования глобальной медиасферы, практически распад западной школы журналистики, снижение профессиональных стандартов, уровня образования некоторых целевых аудиторий.

Примером еще одного остро нуждающегося в решении вопроса является вопрос о методологии. На Западе и отчасти в России во внешнеполитических коммуникациях продвигается маркетинговый подход. Например, в повестку дня Международного коммуникационного форума в Женеве (в рамках Всемирного экономического форума в Давосе в 2018 г.) включена проблематика интегрированных коммуникаций со стороны государства, в частности брендинг страны¹⁵. В России такая работа проводилась и проводится на федеральном и региональном уровнях, но, надо признать, без эффекта. Так, многое сделавший для формирования и продвижения бренда России один из родоначальников маркетингового подхода к продвижению стран и территорий, автор концепции национального бренда, известный консультант, теоретик и практик С. Анхольт, выступая в 2013 г. в России в дискуссионном клубе «Валдай», констатировал: «... нет никакой взаимосвязи между тем, сколько денег или усилий потрачено той или иной страной на продвижение своего национального имиджа, и тем, что в итоге обычные люди думают о данной стране»¹⁶.

Брендинг и другие маркетинговые технологии во внешнеполитических коммуникациях могут быть результативны при отсутствии разногласий, противоречий, конфронтации. Это технологии «мирного времени». Россия же в ближайшие 20–30 лет будет существовать в условиях информационного саботажа со стороны Запада, при которых маркетинговые технологии в принципе обречены на нулевую эффективность. Понимание этого постепенно приходит, о чем говорит, например, принятое в России в 2015 г. решение

отказаться от сотрудничества с американской PR-компанией Ketchum, в задачи которой входило продвижение России на Западе¹⁷.

Как представляется исходя из вышеизложенного, вопросы информационного сопровождения внешнеполитической деятельности остро нуждаются в концептуализации, возможно, в отдельном документе – приложении к очередной Концепции внешней политики нашей страны. К разработке такого рода документа должны быть привлечены, помимо функционеров и традиционно дипломатов, специалисты по современным коммуникациям, моделированию коммуникационных процессов и управлению ими, социальные психологи, регионоведы, социологи, эксперты и визионеры в области Интернета. Необходимы разработка стратегии, формулировки кратко-, средне- и долгосрочных целей, консенсус относительно методологии и методов, понимание целевых и ключевых аудиторий, плановности деятельности, характера, глубины, а также долгосрочности ожидаемого эффекта.

Примечания

- ¹ Федякин А. В. Национальные интересы и стратегические приоритеты общества и государства в современных концепциях и доктринальных документах Российской Федерации // Вестн. Российской нации. 2017. № 3. С. 32.
- ² См.: Панарин И. Н. Система идеологической войны в СССР. URL: http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/123890/34/Panarin_-_Informacionnaya_voina_i_geopolitika.html (дата обращения: 15.03.2018).
- ³ О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации : указ Президента РФ от 12.03.1996 № 375. URL: http://www.blag.mid.ru/pravo_03.htm. (дата обращения: 11.02.2018).
- ⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля. URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_1_concept.html (дата обращения: 12.03.2018).
- ⁵ См.: «Российская газета» на английском языке // Рос. газ. 2006. Федер. вып. № 4223. 16 нояб. URL: <https://rg.ru/2006/11/16/proryv.html> (дата обращения: 18.03.2018).
- ⁶ См.: Тимофейчев А. Из России – без ненависти // Рос. газ. 2015. Столич. вып. № 6777. 14 сент. URL: <https://rg.ru/2015/09/15/rbth.html> (дата обращения: 11.03.2017).
- ⁷ Путин В. В. Выступление на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России, Москва, 12 июля 2004 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22545> (дата обращения: 07.04.2018).
- ⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (опубл. 15 июля 2008 г.). URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 20.03.2018).
- ⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 25.03.2018).
- ¹⁰ См.: О некоторых мерах по повышению эффективности деятельности государственных средств массовой информации : указ Президента РФ от 9 декабря 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19805> (дата обращения: 25.03.2018).
- ¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 25.03.2018).
- ¹² Белозёров В. К. От стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // Власть. 2016. № 7. С. 13.
- ¹³ См.: Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. М. : Центр, 2003.
- ¹⁴ Сеидов Ш. Г. Информационные процессы и их значение в политической жизни. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2011/118/informacionnye_processy_i_ih_znachenie_v_politicheskoi_zhizni/ (дата обращения: 07.08.2012).
- ¹⁵ См.: Всемирный экономический форум в Давосе : [сайт]. URL: <http://www.forumdavos.com> (дата обращения: 07.04.2018).
- ¹⁶ Международный имидж России. Почему он важен // РИА Новости. 2013. 15 сент. URL: <https://news.rambler.ru/economics/21124883-mezhdunarodnyy-imidzh-rossii-pochemu-on-vazhen/> (дата обращения: 08.11.2014).
- ¹⁷ См.: Латухина К. Кремль отказался от услуг PR-агентства Ketchum // Рос. газ. 2015. 12 марта. URL: <https://rg.ru/2015/03/12/agentstvo-site-anons.html> (дата обращения: 11.02.2018).

Образец для цитирования:

Жеглова Ю. Г. Информационное сопровождение внешней политики РФ: дефицит стратегии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 313–317. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-313-317

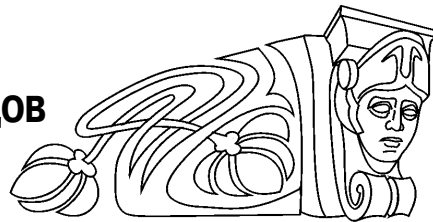
Cite this article as:

Zheglova Yu. Gh. Foreign Policy Information Support in Russia: Lack of Strategy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 313–317 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-313-317

УДК 327.8

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ФАКТОВ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ И ПЕРИОДОВ РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

П. И. Пашковский

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, petr.pash@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема соотношения фактов присоединения и потери Крыма с периодами интеграционной активности и государственного могущества России. Исторически являющийся важной составляющей российского имперского пространства, Крым часто находился в центре процессов, определявших степень интеграционной активности и государственного могущества России. Периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретенных земель) четко отслеживаются в тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства. В этом отношении роль Крыма проявлялась в следующем: присоединение полуострова способствовало укреплению геополитических позиций России в Черноморском регионе, интенсификации ее интеграционной активности и увеличению имперской территории; периоды потери Крыма были связаны с дезинтеграцией и ослаблением государства; возвращение полуострова в состав России открывало новый этап ее интеграционной активности и государственного могущества.

Ключевые слова: Россия, Крым, присоединение, интеграционная активность, государственное могущество.

To the Problem of the Correlation of the Facts of Accession of the Crimea to Russia and the Periods of the Russian Integration Activity

P. I. Pashkovsky

Petr I. Pashkovsky, ORCID 0000-0001-5403-3797, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Russia, petr.pash@yandex.ru

The article considers the problem of correlation of the facts of accession and loss of the Crimea with the periods of Russian integration activity and state power. The Crimea historically is an important component of the Russian imperial space, and was often at the center of the processes that determined the degree of integration activity and state power of Russia. The periods of integration (accession of lands to the imperial center) and disintegration (losses of previously acquired lands) are clearly traced in the thousand-year history of the «development» of the Eurasian space by Russia. In this respect the role of the Crimea manifested itself in the following: the accession of the peninsula contributed to the strengthening of Russian geopolitical position in the Black Sea region, the intensification of Russian integration activity and the increase of the imperial territory; the periods of the loss of the Crimea were associated with the disintegration and weakening of the state; the return of the peninsula to Russia opened a new stage in its integration activity and state power.

Key words: Russia, Crimea, accession, integration activity, state power.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-318-322

Крымский полуостров, исторически являющийся в силу своего социокультурного и геостратегического значения важной составляющей российского имперского пространства, часто находился в центре процессов, определявших степень интеграционной активности и государственного могущества России. Исследование исторических особенностей и закономерностей глобальных и региональных политических процессов помогает по аналогии понять их настоящее состояние и спрогнозировать развитие в будущем. Так, периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретенных земель) четко отслеживаются в тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства, актуализируя необходимость их комплексного изучения. Вместе с тем, руководствуясь сентенцией известного американского исследователя Г. Киссинджера, при осуществлении международно-политического анализа необходимо помнить, что «...история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми»¹.

Характеризуя степень разработанности указанной проблемы, необходимо отметить, что среди проявлений российских внешнеполитических подходов, в том числе интеграционной политики, выделяются следующие тенденции:

– наличие характеристик сухопутной державы и империи, территориальные размеры которой значительно превосходили любую из европейских стран²;

– противоборство «западников» и приверженцев консервативно-патриотической традиции в российском внешнеполитическом дискурсе³;

– внешняя политика России, как правило, носила реактивный (ситуативный) характер⁴;

– отмечается относительно поздний ее выход на сцену европейской политики (после того как Великобритания и Франция прошли этап консолидации)⁵;

– интеграционные императивы, обуславливающие стремление к расширению и «освоению» евразийского пространства;

– периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) чередовались с дезинтеграцией (потерей ранее приобретенных земель)⁶;

– циклы интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества⁷;

– внешняя экспансия сочеталась с недостатком властной отчетности во внутривластном устройстве⁸;

– особенности интеграционной политики были предопределены экстремальными климатическими условиями, значительной пространственной протяженностью при низком уровне развития коммуникации, наличием «социальных пороков» (военный абсолютизм, фактор бюрократии, институт крепостничества и т. д.)⁹;

– находясь на пересечении европейской, азиатской и мусульманской культурных сфер, Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из них, не являясь национальным государством в европейском смысле¹⁰;

– присоединение земель происходило с помощью методов культурного воздействия и ставки на местные элиты;

– для их последующего слияния с имперским центром применялись способы военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия;

– интеграция осуществлялась как в условиях полупериферийного положения государства в западнотендерной мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза¹¹;

– в стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии¹².

Утверждением, претендующим в процессе обоснования называться тенденцией, является тезис о положительных для России последствиях вхождения в ее состав Крыма. В частности, крымские исследователи С. Киселев и Н. Киселева еще в 1994 г. отмечали, что «возрожденной России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придется все же потребовать возвращения Крыма в ее состав», после чего «неминуемо восстановится ее сильная внешняя политика и начнется обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы»¹³. В мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «крымской весны», С. Киселев писал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Еще в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте». «Для России возвращение Крыма в ее состав, – акцентировал он, – есть первый шаг на пути восстановления ее миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы»¹⁴.

Обозначенные аргументы нуждаются в подтверждающих исторических фактах, представле-

ние и оценка которых будут иметь несомненную научную новизну. Целью данной статьи является осуществление ретроспективного анализа соотношения фактов присоединения и потери Крыма с периодами интеграционной активности и государственного могущества России.

Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов могущества и упадка российской государственности был представлен А. Уткиным: «...Страна распалась и исчезла в 1237, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живет в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы»¹⁵. Обосновывая указанную периодизацию, исследователи отмечали, что «очевидна цикличность развития пространства, где периоды стабильного развития и экспансии составляют: 1480–1605, 1613–1812, 1815–1918, 1920–1941, 1945–1991 гг., а ослабления и фрагментации: 1237–1480, 1605–1613, 1812–1815, 1918–1920, 1941–1945, 1991–2011 гг.»¹⁶. Эти утверждения можно использовать в качестве образца для последующего анализа.

Отмеченная периодизация показывает, что циклы взлетов и падений российского имперского могущества не подчиняются хронологической ритмичности, имея различную протяженность во времени. Так, этапы усиления и интеграции продолжались: 125 лет (1480–1605 гг.); 199 лет (1613–1812 гг.); 103 года (1815–1918 гг.); 21 год (1920–1941 гг.); 46 лет (1945–1991 гг.). Длительность этапов ослабления, дезинтеграции и восстановления имперского пространства, исключая монгольский (1237–1480 гг.: 243 года) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время: более 26 лет) периоды, характеризовалась относительной скоротечностью: 8 лет (1605–1613 гг.); 3 года (1812–1815 гг.); 2 года (1918–1920 гг.); 4 года (1941–1945 гг.)¹⁷.

Кроме того, руководствуясь качественными характеристиками (площадью присоединенных территорий и военной мощью империи), в интеграционной активности России на евразийском пространстве также можно выделить определенные периоды. В частности, насчитывается пять этапов усиления и интеграции и шесть – ослабления и дезинтеграции. Наиболее значительными в плане территориального расширения были 1613–1812 и 1815–1918 гг. При этом большинство периодов ослабления и дезинтеграции (1237–1480, 1605–1613, 1918–1920, 1941–1945 гг.) в той или иной степени характеризовались внутренними вооруженными конфликтами, интервенцией и нестабильностью, неся угрозу прежней государственной целостности. С 1991 г. по настоящий момент продолжается период дезинтеграции, отличающийся меньшей, в сравнении с предыдущими, конфликтностью, но

довольно существенной конкуренцией глобальных и региональных акторов в процессе реализации своих проектов на постсоветском пространстве с применением современных технологий¹⁸.

Крым, Кубань и Таманский полуостров вошли в состав Российской империи в 1783 г. в период усиления ее интеграционной активности и государственного могущества. В том же году, согласно Георгиевскому трактату, обеспечивалось присутствие русских войск в Грузии и в дальнейшем ее присоединение к России. К концу века укрепились российские позиции в Бессарабии и Закавказье. Далее империя была ослаблена Отечественной войной 1812 г., победа в которой и последующее присоединение польских земель (Царства Польского) открывает очередной период могущества, продолжавшийся более ста лет¹⁹. Впоследствии Россия сумела присоединить обширный район Кавказа (от Черного до Каспийского моря), начав (пока средствами торговли и дипломатии) наступление на Центральную Азию²⁰. Во второй половине XIX в. произошло последнее крупное территориальное приобретение империи – завоевание Центральной Азии²¹.

Императив территориального расширения был обусловлен географическим положением России, являющейся крупнейшей в мире сухопутной державой. В этом отношении один из основателей геополитики, американский военно-морской теоретик А. Мэхэн отмечал, что сухопутные державы (лишенные удобных выходов к морю) постоянно находятся под угрозой, вынуждающей расширять собственные границы во избежание нападения на их территорию. Подобное утверждение особенно справедливо относительно России, располагающей бескрайними степями и равнинами, которые не представляют естественных рубежей и не могут основательно защитить от вражеского вторжения. Так, английский геополитик Х. Маккиндер говорил о «страхе» России перед вторжением с суши, который, в частности, способствовал ее продвижению вглубь Европы, чтобы противостоять Франции в XIX в. и Германии в XX в. Россия была заинтересована в Афганистане, чтобы остановить британцев в Индии и получить выход к теплому Индийскому океану. Покорение Дальнего Востока имело целью заблокировать продвижение Китая. В свою очередь, доминирование России на Кавказе было вызвано необходимостью защитить себя от политических и религиозных коллизий в регионе Большого Ближнего Востока²².

Стремление Российской империи присоединить Крымский полуостров в XVIII в. обуславливалось следующими обстоятельствами. Во-первых, увеличение ее международного влияния и военного могущества в результате побед в войнах с Османской империей активизировали российские попытки найти удобный выход к Черному морю. В этом контексте овладение Крымом отодвигало русско-турецкую границу от побе-

режья, существенно изменяя соотношение сил империй в плане создания более благоприятных условий для геополитического доминирования и торговли России в Черноморском регионе, а также освоения ею Северного Причерноморья²³. Это осознавали представители российской правящей элиты. В частности, губернатор Новороссии Г. Потемкин в 1782 г. в адресованной императрице Екатерине II записке отмечал стратегическое значение полуострова, отсутствие которого в составе империи «разрывает» ее границу, а присоединение – обеспечивает укрепление черноморских позиций: «Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставить... С Крымом достанете и господство в Черном море»²⁴.

Во-вторых, в связи с очевидным приближением конца войны за независимость США, в которой участвовали Англия и Франция, императрица России опасалась возможности активизации их восточноевропейской политики, что актуализировало вопрос о присоединении Крыма²⁵. В этот период внешнеполитические устремления Российской империи были связаны с реализацией так называемого «Греческого проекта», предполагавшего совместно с Австрией разделить европейские владения Османской империи, подчеркивая стратегическую роль Крымского полуострова. Проект появился после заключения союза России и Австрии и способствовал достижению Екатериной II двух целей: ослабление позиции противников раздела Турции в Австрии и предотвращение возможного противодействия австрийского кайзера Иосифа II присоединению Крыма к Российской империи²⁶.

Кратковременный период потери Крыма был обусловлен событиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, которые определили ослабление и дезинтеграцию империи в 1918–1920 гг. В ноябре 1920 г. Красная армия прорывает оборону белогвардейцев на Перекопе и захватывает Крымский полуостров. Относительная внутривнутриполитическая стабильность была достигнута после образования СССР. Первоначально в 1922 г. Союз основывали РСФСР, УССР, БССР и Закавказская СФСР (в составе Армении, Азербайджана и Грузии). Осенью 1924 г. было проведено «национально-государственное размежевание» в Средней Азии, в результате которого из Туркестанской АССР, входившей в состав РСФСР, а также Бухарской и Хорезмской ССР были образованы Узбекская и Туркменская ССР, Таджикская АССР (с 1937 г. – Таджикская ССР) и Каракалпакская АО в составе РСФСР (с 1937 г. – АССР в составе УзССР). В декабре 1936 г. была ликвидирована Закавказская ССР, на базе которой образовывались Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР. Тогда же Киргизская АССР была преобразована в Киргизскую ССР, а Казахская АССР – в Казахскую ССР²⁷.

Выполняя условия секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении (от 23 августа 1939 г.), СССР занял ряд европейских территорий: земли Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабию и Северную Буковину; советские войска были введены в Латвию, Эстонию, а затем и Литву, которые в 1940 г. вошли в состав Союза. Следствием советско-финской войны явилось присоединение к СССР ряда финских владений²⁸.

Однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы в этот процесс. Территориальная целостность государства была нарушена вторжением войск нацистской Германии. В период 1941–1944 гг. Крым находился в условиях немецкой оккупации. Весной 1944 г. полуостров был освобожден войсками советской армии. Примечательно, что в августе 1944 г. в состав Советского Союза вошла Тува. А послевоенный передел мира позволил СССР к территории уже существующих пятнадцати республик присоединить Восточную Карелию (Печенга), часть Восточной Пруссии, Закарпатскую Украину, Курильские острова и Южный Сахалин²⁹.

Дезинтеграция Советского Союза в 1991 г. и образование пятнадцати новых независимых государств обозначили начало современного периода в развитии как российской интеграционной политики, так и в целом евразийского пространства³⁰. Крымская автономия вплоть до марта 2014 г. находилась в составе Украины.

Таким образом, ретроспективный анализ продемонстрировал, что присоединение Крыма к Российской империи в конце XVIII в. осуществлялось в рамках периода усиления ее интеграционной активности и государственного могущества, в дальнейшем способствуя укреплению российских позиций в регионе Северного Причерноморья и в целом на Черном море. Подобное позитивно отражалось на интенсификации интеграционных устремлений России в европейском и азиатском направлениях, вследствие чего произошло значительное увеличение имперской территории. Показательно, что периоды, связанные с временной потерей Крыма (1918–1920, 1941–1944, 1991–2014 гг.), происходили на фоне общего ослабления и дезинтеграции Российского государства. При этом возвращение полуострова в его состав (1920–1941, 1945–1991 гг.) способствовало началу очередного этапа усиления интеграционной активности и государственного могущества России.

Приведенные исторические доказательства дают основания утверждать, что положительные для интеграционной активности и государственного могущества России последствия вхождения в ее состав Крыма являются тенденцией, т. е. устойчивым соотношением характеристик, определяющих вероятность развития событий в конкретном направлении и позволяющих на их основе проводить аналогии и строить прогнозы.

Итак, следуя историческому опыту, присоединение Крыма к России приводило к усилению ее геополитического присутствия в Черноморском регионе, интенсификации интеграционной активности и увеличению имперской территории. Потери полуострова были связаны с периодами дезинтеграции и ослабления государства, а его возвращение в состав России открывало новый этап ее интеграционной активности и государственного могущества, что позволяет, проводя исторические параллели, говорить о возможности повторения подобной ситуации после 2014 г. в новых условиях и, вероятно, с несколькими иными последствиями.

Примечания

- 1 Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М. : Ладомир, 1997. С. 19.
- 2 Там же. С. 16.
- 3 См.: *Cohen A.* Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 23.04.2018).
- 4 См.: *Sokov N.* Russian Policy Towards the Baltics : What the West Can Expect and What It Could Do / with add. comment. by E. W. Merry. Washington, D. C. : The Atlantic Council of the United States, 1999. P. 20.
- 5 См.: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 18.
- 6 См.: Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики // Науч. ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2016. № 15 (236), вып. 39. С. 190.
- 7 См.: Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 17.
- 8 См.: *Cohen A.* Указ. соч.
- 9 См.: *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y. : Random House, 1987. P. 14.
- 10 См.: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 16.
- 11 См.: Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики. С. 190.
- 12 См.: Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. С. 17–19.
- 13 Киселев С., Киселева Н. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь : Крымский архив, 1994. С. 33, 34.
- 14 Киселев С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо» : [сайт]. URL: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606> (дата обращения: 23.04.2018).
- 15 Уткин А. И. Мир после сентября 2001 года. М. : Изд. А. В. Соловьёв, 2002. С. 138–139.
- 16 Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь : Рибэст, 2011. С. 23.
- 17 См.: Пашковский П. И. Интеграционная активность России : проблемы периодизации // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10, ч. 3. С. 151.

- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: История России : в 2 т. Т. 2 : С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин [и др.] ; под ред. А. Н. Сахарова. М. : АСТ ; Ермак ; Астрель, 2003. С. 61.
- ²⁰ Там же. С. 112.
- ²¹ См.: Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010.
- ²² См.: Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного : пер с англ. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2016. С. 176.
- ²³ См.: Шляпкина Е. А. «Границы теперешние обещают покой России...». Присоединение Крыма к России в 1783 году // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 43.
- ²⁴ Прохоров Д. А. Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История : электр. науч.-образ. журнал. URL: <http://history.jes.su/s207987840001730-2-2> (дата обращения: 23.04.2018).
- ²⁵ См.: Мальгин А. В. «Приобретение сие важно...». Присоединения Крыма в 1783 и 2014 годах : исторические параллели // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 36.
- ²⁶ См.: Виноградов В. Н. Греческий проект Екатерины II и Григория Потемкина // Русская цивилизация. URL: <https://web.archive.org/web/20091216140052/http://www.rustrana.ru/article.php?nid=22824> (дата обращения: 23.04.2018).
- ²⁷ См.: Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов н/Д : Феникс ; Новосибирск : Сибирское соглашение, 2002.
- ²⁸ См.: Политическая история России / отв. ред. В. В. Журавлёв. М. : Юристъ, 1998.
- ²⁹ См.: Moss W. G. A History of Russia : in 2 vols. Vol. 2. Since 1855. N. Y. : McGraw-Hill, 1997.
- ³⁰ См.: Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России : основные характеристики. С. 188–192 ; *Его же*. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. С. 14–20 ; *Его же*. Интеграционная активность России : проблемы периодизации. С. 149–152.

Образец для цитирования:

Пашковский П. И. К проблеме соотношения фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 318–322. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-318-322

Cite this article as:

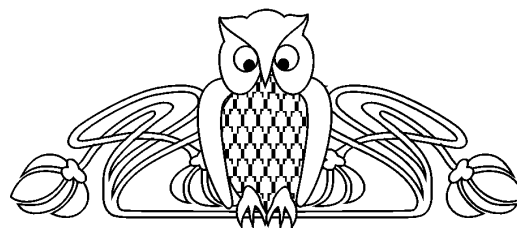
Pashkovsky P. I. To the Problem of the Correlation of the Facts of Accession of the Crimea to Russia and the Periods of the Russian Integration Activity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 318–322 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-318-322

УДК 327.7

НОВЫЙ ПОВОРОТ ПОЛИТИКИ ЕС В ГРУЗИИ

И. Н. Бурганова

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, Оренбургский государственный педагогический университет, burganovain@yandex.ru

Европейская политика соседства находится в непростых условиях развития. Трансформация внутренней ситуации, вызванная выходом Великобритании из ЕС, мигрантским кризисом, дифференциацией стран-участников ЕС, также осложнение обстановки на международной арене вызывают ответную реакцию ЕС по смене доктрины «нового соседства», особенно в тех странах, которые в наибольшей степени заинтересованы в контактах с Брюсселем (Грузия). Рассмотрен ретроспективный анализ изменения доктрины «нового соседства» в Грузии. Исследуются спектр коммуникации Брюсселя и Тбилиси в экономической сфере, политическом взаимодействии и военном сотрудничестве. Делается вывод о перспективах ЕПС (европейская политика соседства) на грузинском направлении.

Ключевые слова: доктрина «нового соседства», ЕС, Европейский союз, Грузия.

A New Twist EU Policies in Georgia

I. N. Burganova

Inna N. Burganova, ORCID 0000-0003-3634-1141, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russia, burganovain@yandex.ru

The European neighbourhood policy is under difficult conditions of development. The transformation of the internal situation caused by the UK's exit from the EU, the migrant crisis, the differentiation of the EU member States, as well as the complication of the situation in the international arena cause the EU's response to the change of the doctrine of the «new neighborhood», especially in those countries that are most interested in contacts with Brussels (Georgia). A retrospective analysis of changes in the doctrine of «new neighborhood» in Georgia is considered. The range of communication between Brussels and Tbilisi in the economic sphere, political interaction and military cooperation is studied. The conclusion is made about the prospects of the ENP (European neighborhood policy) in the Georgian direction.

Key words: doctrine of «new neighborhood», EU, European Union, Georgia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-323-327

Европейский союз сегодня находится в непростых условиях возвращения эпохи «евросклероза». В этих обстоятельствах появляется дихотомия центристских и центробежных сил, когда, с одной стороны, множатся проблемные зоны в ЕС в лице мигрантского кризиса, Brexit, перспектив выхода других участников из

единого европейского пространства, «греческой рецессии», а, с другой – появляются возможные сценарии вхождения в еврозону третьих стран. В частности, доктрина «нового соседства», принятая ведущими структурами европейской интеграции (Европейской комиссией), ставила целью создание зоны безопасности и благосостояния с теми государствами, которые находятся на границах ЕС. Причем сферы сотрудничества представляют собой достаточно широкий пояс «соседских» отношений, включающий политические контакты, вопросы безопасности, экономический диалог и культурные связи.

Контуры кооперации с «соседями» ЕС при этом опираются на унифицированные каноны европейских стандартов: верховенство закона, соблюдение прав человека, в том числе прав меньшинств, принципы плюрализма и рыночной экономики, борьбу с терроризмом и соблюдение норм международного права. На Южном Кавказе среди прочих стран в доктрине «нового соседства» была выделена Грузия.

Состоявшийся Brexit продемонстрировал, что на сегодняшний день политический европейский истеблишмент делает акцент на приоритете внутренних проблем над внешними. Выход Великобритании явился определенной точкой невозврата, когда стало понятно, что включение новых членов в ЕС уже невозможно. Стремление сохранить скрепы единого европейского дома с неотъемлемыми элементами интеграционного процесса совпали с обоюдным желанием стран-участниц избавиться от большого количества проблем внутри ЕС, начиная от экономического кризиса до мигрантского вопроса, иначе дальнейшая динамика развития ЕС станет началом его конца. В этих обстоятельствах шаги на международной арене больше продиктованы не вхождением новых членов в ЕС, а сохранением стабильности по периметру европейского пространства.

Общее понимание доктрины «нового соседства» связано со следующими факторами.

Во-первых, геополитически постсоветское пространство представляет собой регион, где существует дилемма многовекторности для бывших стран Советского Союза. Обретение новых сфер влияния с помощью «мягкой силы» превращается в важнейший механизм, используемый политическим истеблишментом ЕС в Тбилиси¹. Тем более что Грузия в лице Г. Маргвелашвили (президент Грузии) выбрала путь евроинтеграции. Сценарий модернизации Грузии, включающий культурное

развитие, политические реформы, либерализацию экономической сферы, становится благодатной почвой европеизации данного актора международного сообщества.

Во-вторых, современная система международных отношений построена на симметрии национальной и международной безопасности. Нивелирование рисков со стороны глобальных вызовов (нелегальная миграция, терроризм, организованная преступность и проч.) по периметру своих границ приводит к стабилизации общей ситуации приграничных зон, прежде всего европейского пространства. Включенность в зону влияния бывших советских республик (Грузия) решает проблему нейтрализации глобальных угроз.

В-третьих, получение дополнительных дивидендов в лице сбыта качественных европейских товаров также способствует более тесному сотрудничеству ЕС и Грузии.

В-четвертых, создание безвизового режима позволит увеличить пассажиропоток грузинского населения в страны Европейского союза.

Ретроспективный анализ политики «нового соседства» демонстрирует на сегодняшний день четкий крен в сторону иного понимания партнерских отношений ЕС и «соседей». Первоначальная версия документа «Европейская политика соседства» 2003 г. (ЕПС) задумывалась как триумvirат «безопасности», «стабильности» и «повышения благосостояния»². Акцентирование внимания европейских структур было сделано, прежде всего, на унифицированные подходы в оценке угроз, связанных с приграничными территориями. В этом смысле политика «нового соседства» пыталась обеспечить зону комфорта во внешней политике ЕС с возможностью в далеком будущем создания призрачных проектов по вхождению «соседей» в проекты евроинтеграции³. Однако смена ситуации в ЕС и изменение обстановки в мире заставили институциональные структуры Брюсселя пересмотреть политику «нового соседства»⁴. По словам Ф. Могерини: «Прочное партнерство с нашими соседями имеет ключевое значение ..., в то время, когда мы сталкиваемся со многими вызовами как внутри ЕС, так и за его пределами»⁵. Главными трендами были заявлены следующие направления: «гибкость», «дифференциация» и «участие». Для ЕС стало очевидным, что только учет интересов всех партнеров по данной программе, обеспечение большей гибкости в обсуждении вопросов и проблем и налаживание двухсторонних связей поможет создать необходимый конструктивный фон политики ЕПС.

Локомотивом политического сотрудничества ЕС – Грузии явились события 2008 г. («южноосетинский конфликт»), когда ЕС принял участие в переговорах по прекращению огня между Москвой и Тбилиси. Вмешательство Евросоюза в урегулирование данного конфликта становится

я вполне очевидным на фоне признания Косово и декларации НАТО в г. Бухаресте, в которой Тбилиси было обещано членство⁶. Грузинское направление ЕС охватывает широкий спектр сотрудничества. Содержательно партнерские отношения еще более активизировались с 2016 г., когда вступило в силу Соглашение об ассоциации между Брюсселем и Тбилиси. Приоритетными были признаны два направления коммуникации: проекты политического диалога и экономического взаимодействия. В частности, ЕС и Грузия договорились об углубленной зоне свободной торговли (ЗСТ). А с весны 2017 г. население Грузии смогло беспрепятственно совершать поездки в ЕС (без виз) в рамках Шенгена. Введение краткосрочного безвизового посещения европейского пространства решает сразу несколько задач:

1) позволяет в любой момент остановить во многом неконтролируемый потенциальный поток грузинских мигрантов в ЕС, едущих в Европу в поисках лучшей жизни;

2) дает сигнал политическому истеблишменту Грузии о долгосрочности партнерских связей с европейскими партнерами;

3) способствует активизации пассажиропотока в страны ЕС;

4) выступает важной основой интеграционного строительства Брюсселя и Тбилиси.

Кроме того, стороны нашли общие точки соприкосновения по предоставлению ЕС Грузии технического и финансового содействия по 100 млн евро и более ежегодно.

Логика углубленного сотрудничества предполагает увеличение взаимного товарооборота. За первые полгода 2017 г. импорт из Грузии увеличился на 56% по сравнению с тем же периодом 2016 г. Тбилиси увеличил внешнеторговый оборот с января по сентябрь 2017 г. (он составил около 2 млрд долл., что на 5,6% больше, чем за то же время 2016 г.). Экспорт из этой суммы составил 462,4 млн долл. – на 18,9% больше, а импорт – более 1,6 млрд, что на 2,3% больше, чем за аналогичный период предыдущего года.

Доля стран ЕС во всем внешнеторговом обороте Грузии составила 27,3%. Среди наиболее заметных товаров, поставляемых из Грузии, являются фрукты, вино, ягоды, мед и рыба. Однако в случае Грузии и ЕС наблюдается некоторый дисбаланс. С одной стороны, суммарно ЕС выступает ключевым торговым партнером. Например, в 2016 г. доля ЕС в общем объеме торговых отношений Грузии составила 31,0%. Однако доля Грузии в объеме ЕС – 0,1% от общего объема торговли, что, к сожалению, не дает оснований говорить о важности грузинского направления в проектах евроинтеграции.

Вообще, оценивая внешнеторговый оборот Грузии, можно сказать, что среди торговых партнеров по странам первые три места принадлежат тем, которые не являются непосредственными участниками ЕС: Турция, Россия и

Китаю. Например, за первые 9 месяцев 2017 г. оборот с Турцией составил 1,1 млрд долл. (14,8% от общего торгового оборота Грузии), с Россией – 806,2 млн долл. (10,7%), с Китаем более 640,6 млн долл. (8,5%).

Также можно отметить, что, по данным исследований Агентства США по международному развитию, в 2015 г. только 6% компаний Грузии сказали, что выиграли от введения нового торгового режима⁷. В этом смысле коллегияльность участников Европейского союза работает против включенности Грузии в единое пространство ЕС. Например, из 27 государств-членов ЕС (Великобритания начала процедуру выхода из ЕС) заметными импортерами грузинских товаров являются только три страны-участницы Европейского союза – Болгария, ФРГ и Италия.

Несмотря ни на что, конкретика европейского и грузинского партнерства выступает сильной стороной данного диалога. Нивелирование словесной риторики и реальные шаги по совершенствованию грузинской действительности по европейским стандартам идет в таких направлениях, как: поддержание сельскохозяйственной сферы (создание фермерских кооперативов и информационных центров); реформация системы тюрем, правосудия, ювенальной системы; создание общинных центров по внедрению бесплатного доступа в Интернет; улучшение работы местных общин; внедрение европейских стандартов в области защиты окружающей среды, здоровья, безопасности; модернизация системы высшего образования через повышение мобильности студентов и преподавателей и др.

Такие тесные экономические контакты стали благоприятной основой для военно-политического сотрудничества. Уже в 2014 г. Грузия принимает непосредственное участие по Рамочному соглашению в операциях по безопасности и обороны ЕС. Грузия также участвует в миссиях ЕС по подготовке военного персонала в Центрально-Африканской Республике и в Мали. В 2015 г. Тбилиси пошел на создание учебно-тренировочного центра НАТО. Активная поддержка населения властей Грузии в вопросе вхождения этой страны в Североатлантический альянс также работает на коммуникацию Грузии и ЕС. Таким образом, активные шаги Тбилиси по реформированию государства по европейским стандартам создали важный мостик в выстраивании благоприятного диалога между Брюсселем и Тбилиси.

Сближение ЕС и Грузии состоялось также под давлением изменения ситуации на постсоветском пространстве. С одной стороны, существующий конфликт между соседними странами, Арменией и Азербайджаном, автоматически способствует тому, что Грузия выступает более надежным партнером для ЕС. С другой – ухудшение отношений РФ и ЕС (после «крымских

событий») происходит на фоне улучшения взаимодействия между Брюсселем и Тбилиси. Тем более южноосетинский фактор остается общим рефреном сближения грузинской и европейской сторон⁸. Вообще для Европейского союза индикатором, указывающим на тесную коммуникацию с другими участниками международного сообщества, является готовность страны следовать тенденциям демократизации и либерализации. Грузия в 2017 г., по данным Всемирного банка, заняла 16-е место, а в индексе экономической свободы Heritage Foundation за 2017 г. получила 13-е место, опередив США⁹.

Однако минусы такого сотрудничества также находятся на поверхности. Главные из них: сильнейшая дифференциация стран ЕС и менее обеспеченных государств, которые находятся по периметру европейского пространства. Нахождение столь трудного компромисса в выстраивании общей унификации, а также их непоследовательное выполнение всеми участвующими сторонами являются препятствиями на пути к конструктивному взаимодействию Тбилиси и Брюсселя.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что будущее отношений акторов, с одной стороны, Грузии и, с другой – ЕС будет проходить в плоскости существующих тенденций, которые имеют место быть в настоящее время. Осторожные выводы автора связаны с такими параметрами, как:

- 1) заинтересованность партнеров в общей коммуникации;
- 2) статус партнеров по отношению к друг другу;
- 3) долгосрочность целей;
- 4) качественная динамика;
- 5) взаимность товарооборота;
- 6) сферы взаимодействия.

Реальная заинтересованность во взаимных проектах очевидна только со стороны Тбилиси. Позиция ЕС находится в тисках между желанием держать новые независимые государства в орбите своего влияния и невозможностью их вхождения на правах членства ЕС. Нацеленность на сохранение безопасности своих границ толкает политический истеблишмент Европейского союза на поиск дополнительных точек соприкосновения с Грузией. К тому же дополнительным сегментом сотрудничества выступает нивелирование российских интересов на постсоветском пространстве. Тбилиси подчеркивает важность партнерских отношений с Брюсселем в свете конфликтов с Москвой (южноосетинские события).

Целевые основания политики «нового соседства» и неравный статус партнеров в общей конфигурации международных отношений выступает препятствием к оптимизации контактов европейской и грузинской сторонами¹⁰. Дело в том, что общая повестка ЕС и без того отягощена грузом проблем (брексит, мигрантский кризис,

ригидная дифференциация партнеров и проч.). В этой ситуации включенность новых членов вряд ли возможна¹¹.

Качественную динамику партнеров легче увидеть с помощью таких индикаторов, как взаимная торговля и наличие сфер взаимодействия. С одной стороны, налицо расширение связей по всей линии контактов (политика, экономика, безопасность, культура), что однозначно демонстрирует положительную динамику отношений Брюсселя и Тбилиси. С другой – во взаимной торговле существует диссонанс между высоким стандартом качества европейских товаров и несоответствием этому уровню грузинской продукции. Также наблюдается разный акцент в содержании товарных групп партнеров. ЕС делает упор на поставках готовой продукции промышленного назначения, а Грузия на товарах сельского хозяйства.

Учитывая вышеизложенное, сделаем выводы.

1. Для Брюсселя в случае с Тбилиси стала возможной включенность этой страны в призму европейского влияния после южноосетинских событий и ухода с политической (грузинской) авансены М. Саакашвили, когда наступила общая нормализация обстановки в Грузии. Включенность соседних стран (в данном случае Грузии) в призму европейского пространства решает несколько задач: нивелируется российское влияние в тех постсоветских странах, которые заинтересованы в оптимизации сотрудничества с ЕС. По сути, пресловутая «неоимперская» политика РФ приобретает особое звучание в Тбилиси в свете южноосетинских событий. Выстраивание политики добрососедства способствует нейтрализации глобальных вызовов и угроз на границах ЕС. Либерализация механизма общего экономического пространства выступает важным катализатором для продвижения более качественных европейских товаров на грузинский рынок.

2. Ретроспективный анализ политики ЕПС показывает смену вектора с принципов «безопасности», «стабильности» и «повышения благосостояния» на постулаты «гибкости», «дифференциации» и «участия»¹². Если первоначально институциональные структуры ЕС направляли деятельность на унифицированные подходы в оценке глобальных вызовов вблизи своих территориальных границ с перспективой в отдаленном будущем проектов по вхождению «соседей» в проекты евроинтеграции, то впоследствии «узел» внутренних проблем в самом ЕС толкает политических лидеров и элит проводить политику учета интересов всех партнеров по данной программе, быть гибкими при обсуждении вопросов и проблем¹³.

3. Несмотря на большое количество плюсов включенности Тбилиси в орбиту европейского влияния, тем не менее, можно утверждать, что данное сотрудничество носит скорее разнона-

правленный характер¹⁴. Тесное взаимодействие по многим сферам жизнедеятельности (военная, политическая, экономическая, культурная и проч.) работает на сближение Брюсселя и Тбилиси. Однако слабыми сторонами контактов европейской и грузинской сторон являются: медленное выстраивание общей унификации, непоследовательное выполнение всех принятых договоренностей, использование так называемых «изъятий»; асимметрия товаропотока из ЕС в Грузию из-за высокой планки европейских стандартов.

4. Прогноз дальнейших перспектив взаимодействия ЕС – Грузия будут находиться в плоскости тенденций, которые существуют в настоящее время.

Примечания

- 1 См.: *Nye J. S. Soft Power : The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs Group, 2004.
- 2 См.: ЕС в мире. URL: <https://eeas.europa.eu/> (дата обращения: 23.02.2018).
- 3 См.: Могерини заявила о пересмотре политики соседства ЕС. 19.11.2015 // РОСБАЛТ : [сайт]. URL: <http://www.rosbalt.ru> (дата обращения: 02.04.2018).
- 4 См.: Грузия – последние новости. URL: <https://sputnik-georgia.ru> (дата обращения: 20.02.2018).
- 5 Евросоюз определил новые направления политики соседства. URL: <http://ru.apa.az.html> (дата обращения: 23.02.2018).
- 6 См.: *Стрежнева М. В.* Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2016. № 2. С. 3–30.
- 7 См.: Пересмотр Европейской политики соседства : прочное партнерство для прочного соседства. URL: <https://eeas.europa.eu> (дата обращения: 15.05.2018).
- 8 См.: Председателем Еврокомиссии избран Жан-Клод Юнкер // *Геополитика* : [информ.-аналит. портал]. URL: <http://geopolitics.by/news/predsedatelem-evrokomissii-izbran-zhan-klod-yunker> (дата обращения: 14.05.2018).
- 9 См.: Московский центр Карнеги : [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/publications> (дата обращения: 21.03.2018).
- 10 См.: *Balfour R., Missiroli A.* Reassessing the European Neighbourhood Policy : EPC Issue Paper № 54, June 2007 // *European Policy Centre*. URL: http://www.epc.eu/documents/uploads/963724382_EPC%20Issue%20Paper%2054%20-%20Reassessing%20the%20ENP.pdf (дата обращения: 28.02.2018).
- 11 См.: *Бараташвили Е., Сичинава А., Булия Л.* Социально-экономические аспекты отношений ЕС и Грузии в рамках Европейской политики соседства // *Кавказ & глобализация*. 2010. Т. 4, № 3–4. С. 53–66. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-otnosheniy-es-i-gruzii-v-ramkah-evropeyskoypolitiki-sosedstva> (дата обращения: 14.01.2018).

- ¹² См.: Европейская политика добрососедства // Представительство Европейского союза в России : [сайт]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/what_eu_neighbourhood_policy_eastern_partnership/index_ru.htm (дата обращения: 13.04.2018).
- ¹³ См.: Европейский союз в Грузии : «Восточное партнёрство» и политика урегулирования конфликта. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_feau_eu_and_georgia_rus_sept2009.pdf (дата обращения: 13.02.2018).
- ¹⁴ См.: The European Neighbourhood Policy : A Framework for Modernisation? / М. Cremona, G. Meloni (eds.) // EUI Working Paper Law. № 2007/21 / European University Institute. Department of Law. URL: <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/6976> (дата обращения: 17.02.2018).

Образец для цитирования:

Бурганова И. Н. Новый поворот политики ЕС в Грузии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 323–327. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-323-327

Cite this article as:

Burganova I. N. A New Twist EU Policies in Georgia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 323–327 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-323-327

УДК 32+303

«ОБЛАЧНОЕ» СВОЙСТВО СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МЕТОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Статья посвящена анализу методологических проблем отечественной политической науки. В частности, осуществлен анализ противоречий, с которыми сталкивается политолог в выборе метода проведения своего научного исследования и которые побуждают его руководствоваться в использовании этого метода «облачным» представлением о нем. Предметом критики в статье является ситуация с использованием «структурно-функционального метода». Его использование сопряжено с большим разнообразием смыслов, которыми современная наука наделяет категории «структура» и «функция», а также с попытками специалистов по теории структурно-функциональных исследований использовать в качестве материала для построения теоретических определений понятия «система» и «роль», а также разного рода метафоры и понятия из теоретического арсенала других наук.

Ключевые слова: методы политического исследования, структурно-функциональный метод.

«Cloud» Property of Structural-Functional Method of Political Research

N. I. Shestov

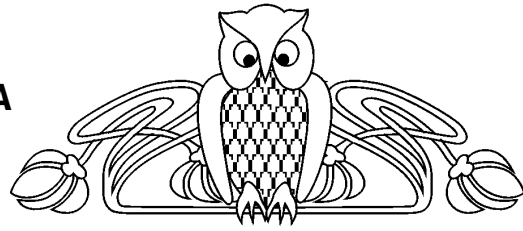
Nikolay I. Shestov, ORCID 0000-0003-2220-7582, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article is devoted to the analysis of methodological problems of domestic political science. In particular, the analysis of contradictions faced by political scientist in choosing a method of conducting his scientific research, and which induce him to be guided in the use of this method by the «cloud» notion of it is carried out. The subject of criticism in the article is the situation with the use of the «structural-functional method». Its use is associated with a great variety of meanings, which modern science assigns to the categories «structure» and «function», as well as with attempts by specialists in the theory of structural and functional studies to use as a material for constructing theoretical definitions of the concept of «system» and «role», and also to use all sorts of metaphors and concepts from the theoretical arsenal of other sciences.

Key words: methods of political research, structural-functional method.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333

Старинная пословица «Дьявол кроется в деталях!» пессимистично, но точно характеризует суть проблемы, о которой далее пойдет речь. С одной стороны, отечественная политическая на-

ука обладает целым арсеналом исследовательских методов (способов построения теоретических интерпретаций политической реальности) и методик (способов сбора и обобщения политической информации для построения интерпретаций). Набор методов и методик устойчив, понятен, хорошо апробирован многолетней исследовательской практикой отечественных и зарубежных политологов. Многочисленные электронные и печатные образовательные ресурсы, посвященные теории политического исследования, формируют у своего пользователя стойкое представление, что проблемы методологии отечественной наукой решены, по крайней мере, на уровне так называемых базовых методов.

С другой стороны – факт, что в последние десятилетия в этом арсенале появилось мало чего настолько нового, чтобы можно было с уверенностью говорить о существенных новациях в методологии политических исследований в нашей стране. Это факт очевидный, и на него обращают внимание сами специалисты в области теории политического исследования¹. Причины тому они называют разные. И те, которые связаны с общим кризисом функциональности классических политических теорий в современном мире, их способности быть непротиворечивым основанием научного анализа преимуществ и недостатков разных стратегий развития современных обществ и государств. И те, которые укоренены в длительной возможности для отечественных политологов, сполна ими использованной в минувшие три десятилетия, работать в режиме «освоения» теоретических достижений зарубежных коллег, а самим сосредоточиться на задаче расширения предметного поля своих исследований.

У тяготения отечественных политологов, особенно прикладников, к «методологической стабильности» есть еще одна причина. Это специфическое понимание ими того, что есть метод политического исследования, каков смысл и оптимальный порядок его использования в научном труде. Понимание это можно назвать «облачным». Данная метафора удачно, на наш взгляд, подчеркивает суть такого отношения. Для политолога в этом случае не принципиален момент связи предмета и метода его научного исследования, от которого зависит новый и достоверный результат последнего. Не принципиален и вопрос связи данного метода с другими методами, его, образно выражаясь,

местоположение в общей системе методологии политической науки. Им руководит в большей мере стремление к тому, чтобы внешне теоретическая атрибутика его труда выглядела бы в глазах коллег по научному цеху солидно и вписывалась бы в некий, общепринятый в научной среде, «методологический канон». В ряду мотивов выбора метода на первом месте стоит его «общеизвестность» в современном сообществе политологов.

А потому «облачно» настроенный политолог не стремится обычно конкретизировать рабочие параметры заявляемого им метода. Он не уточняет, для решения конкретно каких задач и с каким именно ожидаемым результатом он этот метод использовал. Вместо этого в тексте научной работы фигурирует список, часто весьма объемный, «использованных методов исследования». Тем самым автор научного труда предоставляет читателю самому догадываться: на самом ли деле и в отношении какого предмета исследования состоялось применение метода или же список «использованных методов» всего лишь отражает стремление автора создать своему научному труду позитивный имидж? За три минувших десятилетия развития отечественной политической науки такой «облачный» подход исследователей к своей методологии стал традицией. Традицией не лучшей в том смысле, насколько она способна обеспечить прирост качества отечественным исследованиям политики.

Заметим, что это распространенное среди отечественных политологов нежелание вникать в «детали» метода заметно контрастирует с их готовностью к теоретической рефлексии по поводу предмета своего исследования и тех понятий, посредством которых происходит в научном тексте определение границ и свойств этого предмета. В диссертациях, например, даже если они имеют сугубо прикладную направленность, авторы часто первым пунктом в списке своих новых достижений указывают: «уточнено содержание понятия такого-то». Иногда такое «уточнение» деталей предмета исследования не лишено смысла в силу межотраслевой направленности многих современных гуманитарных исследований, особенно политических, а также в силу реальной многозначности понятий, используемых гуманитариями, к тому же не всегда корректно. Чаще же такое «уточнение» отражает простую потребность исследователя понять, с каким материалом ему предстоит работать. Тем не менее, определенная настроенность многих исследователей на творческую работу со своим научным предметом имеет место быть, а на творческую работу с методом – нет.

Важно понять в этой связи, что именно, какие предпосылки обеспечивают формирование и воспроизводство «облачного» представления о методах политического исследования в сознании уже нескольких поколений отечественных

политологов и в чем это представление находит свое оправдание настолько устойчиво, чтобы стать традицией. Мы рассмотрим эту проблему на примере структурно-функционального метода, на примере тех смыслов понятий «структура» и «функция», а также того порядка применения этого метода, которые максимально широко доступны современному исследователю политики.

Структурно-функциональный метод популярен у отечественных политологов. Редкая диссертация или монография по прикладным направлениям политических исследований не содержит упоминания о нем как о методе, позволившем автору научного труда получить новые, достоверные и актуальные результаты. Существует богатый опыт философской рефлексии на тему смысла категорий «структура» и «функция», а также на тему познавательного потенциала «структурно-функциональных исследований». Этот философский опыт представлен широко доступными в электронных форматах оригинальными трудами основателей и последователей структурализма и постструктурализма в культурологии, политологии, психологии и лингвистике, а также в естественных науках. Еще более доступно современному политологу это теоретическое наследие в многочисленных комментариях к смыслу понятий «структура» и «функция», а также к применению «структурно-функционального метода», расположенных на различных образовательных и научных порталах Интернета.

Важной предпосылкой формирования и воспроизводства «облачных» представлений современных исследователей о свойствах структурно-функционального метода является как раз максимально облегченный доступ для них к «базовым» определениям последнего. Современному исследователю, чтобы узнать, что такое «структура» и «функция», и чтобы понять, как работает в идеале «структурно-функциональный метод», нет необходимости углубляться в чтение философских трудов К. Леви-Стросса либо Ж. Дерриды, Г. Алмонда или Т. Парсонса, других теоретиков. Нет необходимости вникать в те аргументы, посредством которых они доказывали целесообразность именно своего понимания метода и сфер его применения. «Выжимка» из их обширных философских рассуждений на тему «структуры» и «функции» вообще и в политике в частности уже кем-то и когда-то сделана и растрожирована в открытых электронных ресурсах.

Самое поверхностное знакомство с этой «выжимкой» способно даже не очень философски подготовленного современного политолога привести к здравой мысли, что он должен или вообще отказаться от использования «структурно-функционального метода» для решения своих конкретных научных задач (потому, что ре-

шать эти конкретные задачи ему надо с каких-то единых и непротиворечивых теоретических позиций, как того требуют традиции современной науки), или дистанцироваться от очевидных противоречий в интерпретациях «структуры» и «функции» основоположниками «структурно-функционального метода» и руководствоваться каким-то собственным, весьма приблизительным и общим представлением о том, что есть этот метод как «метод вообще».

Сравним между собой различные, общедоступные для политологов, «базовые» определения того, что есть «структура», «функция» и «структурно-функциональный метод». Начнем с вопроса выбора политологом подходящего для нужд прикладного политического исследования определения того, что есть «структура», что и как, соответственно, он может и должен изучать на предмет структурности в окружающей его политической реальности. Заведомо исключим из нашего анализа математические определения «структур» в силу специфичности областей их применения и математического дискурса.

Самое простое и понятное для гуманитария определение звучит обычно так: «Структура (от лат. *structura* – взаиморасположение, строение) – совокупность устойчивых связей между множеством компонентов объекта, обеспечивающих его целостность и тождество самому себе»². Эта формулировка с некоторыми вариациями является исходной для большинства определений «структуры» с позиции гуманитарного знания³.

Есть, однако, важная «деталь». В современной политике участвуют современные общества и государства. «Современность» здесь является характеристикой их качества, а именно их готовности и способности постоянно меняться, модернизироваться. Это и позволяет называть их «современными». Будет ли в этом случае на эти общества и государства распространяться определение «структура», требующее от них в каждый момент времени и в любой части пространства политики «быть тождественным самому себе»? Вероятно, нет.

Есть и другая «деталь». В политике очень динамично складываются субъектно-объектные связи. Можно сказать так: политикой во многом движет стремление ее объектов к обретению субъектности, т. е. к обладанию собственными специфическими политическими интересами и собственными максимально разнообразными возможностями реализовывать эти интересы.

Возьмем для изучения, например, российское гражданское общество. В условиях отечественной политики оно обладает выраженными свойствами ее объекта. Оно малоактивно, опекается государством, и фактически государство во многих случаях является инициатором и спонсором в деле создания гражданских институтов. В этом гражданском обществе, тем не

менее, выражено стремление отдельных людей и целых социальных групп к изменению своего политического статуса, к обретению политической субъектности. И это стремление больше или меньше, но реализуется. Не так активно и продуктивно, как в странах с давними традициями гражданской жизни, но действуют в современной России и политические партии, и общественные движения, и местные самоуправления.

Все это – симптомы стремления некоторой части граждан быть субъектами политики, вопреки согласию другой части граждан с ролью ее объектов. А это значит, что требование внутренней целостности, устойчивости и «тождественности самому себе» на такое общество как предмет политического исследования распространяться не будет. Как минимум современному политологу придется перенять опыт своих советских предшественников, которые, порасуждав об устойчивости «структуры» и «тождественности ее самой себе», уточняли, что «... изучение С(структуры) на нек(ото)ром этапе неизбежно приводит к необходимости познания и законов её изменения, т. е. истории данной С(структуры), а изучение истории приобретает строгий науч(ный) характер лишь постольку, поскольку в нём удаётся раскрыть С(структуру), развивающегося объекта и С(структуру). самого процесса развития»⁴.

За формулировкой основного смысла понятия в определениях «структуры» обычно следует расшифровка того, что авторы определений «структуры» понимают под «совокупностью устойчивых связей между множеством компонентов». Политологу-прикладнику, собирающему воспользоваться определением «структуры», такие расшифровки оптимизма не добавят. Он обнаружит, что в современной науке доминируют и конкурируют между собой две философские парадигмы – «холистическая» и «динамическая». И в границах этих парадигм возможны очень разные подходы к наделенному смыслом понятия «структура». В холистическом понимании, скажем, «... структура приравнивается к системе»⁵. Понятие «система» в этом случае служит для обозначения связей между элементами структуры.

«Динамическая парадигма», напротив, допускает различие между «структурой» и «системой». Понятие «структура» с этой точки зрения характеризует «организацию и упорядоченность» отдельных элементов, входящих в «систему». В некоторых случаях смысловым аналогом понятия «структура» выступают понятия «скелет» или «каркас» элемента⁶. Иначе говоря, по смыслу понятие «структура» получается идентичным понятию «подсистема».

Анализ противоречий в философских формулировках не является задачей данной публикации. Важно другое. Первое, с чем сталкивает-

ся политолог, который ответственно относится к своему методологическому выбору, это вопрос: зачем в политическом исследовании использовать «структурный метод», если есть «системный метод» и его применение дает точно такой же результат? Или, наоборот: зачем использовать «системный» метод, если есть метод «структурный»?

В том, что «истина где-то рядом», политолога, задающего себе такие вопросы, наверняка уверит сообщение специалиста-философа, что на практике «структуру» «...легче определить как синоним следующих понятий: строение, расположение, порядок, конструкция, архитектура, организация, как совокупность устойчивых отношений и связей системного, сетевого или сетевого по природе объекта, его состояний, происходящего процесса, данного движения, а также траекторий движения, отношений и связей, их пространства, собственного времени в каждый последующий момент и т. п.»⁷. Такая рекомендация наверняка побудит политолога в дополнение к вопросу «Как изучать политическую реальность?» задаться еще и вопросом «Что именно в ней изучать и можно ли вообще что-то изучить?» с точки зрения «структурного метода».

Казалось бы, выбор подходящего определения «структуры» политологу могло бы обеспечить сужение поискового запроса до формата «политическая структура». Такая операция, тем не менее, только дополнительно усложняет ситуацию методологического выбора. По представлению, например, известного отечественного политолога, автора многих учебных изданий по политической науке, понятие «политическая структура» обозначает существенные и необходимые связи между элементами «какого-либо политического целого». Причем это те связи, которые имеют «характер закона ее структуры»⁸.

Автор определения, таким образом, рекомендует политологу дополнить и без того длинный ряд упомянутых ассоциаций, посредством которых в научном тексте тот должен передать читателю свое понимание смысла «структуры», еще и ассоциацией «структуры» с «законом». Если учесть, что в современных гуманитарных науках понятие «закон» используется преимущественно в метафорическом значении («законы истории», «законы политики», «законы общественной жизни» и т. д.), то нетрудно представить, насколько данная рекомендация усложняет исследователю решение его задачи и склоняет его к выбору «облачного» представления о своем научном методе.

Не проясняет, а, напротив, усложняет ситуацию попытка решить вопрос конкретизации смысла понятия «политическая структура» посредством установления его связи с понятием «политическая система». «Наличие термина

«система», утверждает одно из определений, предполагает вхождение элементов приведенной схемы принятия решений (имеются в виду политические решения. – Н. Ш.) в состав комплексной структуры...»⁹. Иначе говоря, понятие «система», как можно понять авторов определения, является общей характеристикой «комплексной структуры». Под «комплексной структурой» создатели данного определения предлагают исследователям понимать, вероятно, политику как таковую. А это, если это так, означает фактическое отождествление понятия «структура» с понятием «политика».

Само по себе такое отождествление согласуется с распространенными в отечественной политологии представлениями специалистов, что политика всегда и везде «структурна», что «структурность» является ее неотъемлемым свойством¹⁰. Когда же речь идет об определении политологом сути «структурного метода» и границ того предметного поля, для изучения которого этот метод может быть применен, то такое отождествление «структуры» с «политикой» превращает упомянутый метод во «всеобщую теорию всего». «Облачное» представление политологом своих возможностей в понимании и использовании понятия «структура» в свете упомянутых обстоятельств выглядит наиболее разумным исследовательским решением.

С пониманием и определением гуманитариями смысла «функции» дело обстоит проще. В чисто философском смысле и применительно к задачам политического исследования «функция» может быть понята как предназначенность чего-либо к чему-либо¹¹. Например, предназначенность высказывания о политике для построения политической теории или предназначенность действий социального или государственного института для организации общественной жизни и политического процесса.

Тем не менее, и в этом случае обнаруживаются некоторые «детали», которые создают трудности с практическим применением этого определения к изучению политики во всем ее многообразии.

Проблема в том, что, согласно приведенному определению «функции», обладать ею может только «субъект политики». У «объекта» политики «функции» нет и быть не может именно потому, что он «объект», что в политическом процессе он выполняет чужую волю, а не следует своим интересам. В реальном политическом процессе политическая субъектность и политическая объектность, как уже было отмечено выше, выступают как «две стороны одной медали» – две взаимосвязанные характеристики реального политического участия большинства акторов современной политики. В одних ситуациях они навязывают свою волю и свои интересы другим акторам, выступают в качестве субъектов политического процесса, в дру-

гих ситуациях сами подчиняются чужой воле и чужим интересам. В одних случаях «гражданское» общество навязывает свои интересы «правовому государству», в других «правовое государство» навязывает «гражданскому обществу» свою волю. Получается, если следовать такому определению «функции», то политологу изучить политический процесс в его целостности с позиции функциональности даже его основных акторов не дано, в полном смысле, по определению. Либо политолог не должен вникать в тонкости научного определения и руководствоваться тем «облачным» соображением, что «функция» – она функция и есть.

Не является решением проблемы и обращение политолога, решающего конкретные научные задачи прикладного характера, непосредственно к определениям «структурно-функционального метода». Они в понимание смысла метода вносят дополнительную сложность. Утверждается, например, что «структурно-функциональный анализ расчленяет сложный объект политики на составные части, выявляет и изучает связи между ними, определяет их роль в удовлетворении потребностей системы»¹². Чем он тогда отличается от системного метода? Можно с той же долей уверенности сказать, что, наоборот, системный метод «расчленяет сложный объект политики на составные части, выявляет и изучает связи между ними, определяет их роль» в организации структуры. В некоторых определениях прямо указывается, что «структурно-функциональный анализ предполагает рассмотрение политики как некоторой целостности, системы, обладающей сложной структурой...»¹³. Получается, что в современной политологии смысл существования структурно-функционального метода определяется не какими-то его эксклюзивными познавательными возможностями, а необходимостью каким-то образом компенсировать очевидные недостатки наших теоретических представлений о «политической системе».

А следующее высказывание авторов определения представляет собой загадку: «Путем структурно-функционального анализа выясняется количество социальных изменений, к которым может приспособиться политическая система»¹⁴. Остается догадываться, для чего в таком случае политической науке необходимы разнообразные методы и методики количественных исследований? Дальше загадок становится больше: «Экономическое понятие “эффективность” становится связующим основанием для соединения в структурно-функциональном методе теоретических представлений о структуре и функции»¹⁵. Не будем вдаваться в вопрос корректности использования достаточно строгой по смыслу экономической категории «эффективность» для характеристики механизмов политики, изначально рассчитанных (даже

в условиях самой лучшей демократии) на мобилизационные режимы работы и получение результата (власти) ценой любых общественных и государственных ресурсозатрат. Просто такая формулировка подводит политолога к мысли, что, скорее всего, поиск корней смысла «структурно-функционального метода» уведет его за пределы собственной науки.

Как и во всяком «техническом решении» проблем, с которыми время от времени в своем развитии сталкивается наука, в «облачном» отношении политологов к методологии своей исследовательской работы можно найти свои плюсы. Уже то, что почти три десятилетия это отношение к методам существует в профессиональном сообществе и признается многими специалистами нормальным, говорит об его удобстве для решения многих проблем политической науки. Есть вместе с тем и очевидное неудобство. Оно рано или поздно потребует от отечественных специалистов более внимательно отнестись к проблемам «облачного» состояния методологии своих политических исследований. Чем менее метод может выступать в роли индикатора качества проведенного исследования, его достоверности и новизны, тем большее значение для оценки этого качества с неизбежностью будут приобретать различные наукометрические методики и параметры.

Примечания

- 1 См.: Жеребцов М. В. Качественные методы в политической науке : теоретико-методологические аспекты : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005 ; Дегтярев А. В. Прикладной политической анализ. Электронный учебник для студентов-политологов. М. : МГИМО(У) МИД РФ, 2010. 546 с. URL: https://mgimo.ru/files2/2013_05/up24/file_59082ae315107afb4191f31a25971edd.pdf (дата обращения: 10.02.2018).
- 2 Структура // Большая психологическая энциклопедия. URL: <https://psychology.academic.ru/2490/структура> (дата обращения: 12.04.2018).
- 3 См.: Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/struktura.html> (дата обращения: 11.02.2018).
- 4 Структура // Ильичев Л. Ф., Федосеев Н. П. [и др.]. Философский энциклопедический словарь. URL: <https://scicenter.online/fundamentalnaya-filosofiya-scicenter/struktura-20751.html> (дата обращения: 11.02.2018).
- 5 Керимов Т. Х. Структура // Современный философский словарь. URL: <http://terme.ru/termin/struktura.html> (дата обращения: 20.03.2018).
- 6 Разумовский О. С. Структура синоним. URL: <http://design-for.net/page/struktura> (дата обращения: 20.03.2018).
- 7 Там же.
- 8 Шпак В. Ю. Структура политическая. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/222/> (дата обращения: 20.03.2018).

- ⁹ Политическая система. URL: <http://politike.ru/termin/politicheskaja-sistema.html> / (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹⁰ См.: Шпак В. Ю. Указ. соч.
- ¹¹ См.: Здравомыслов А. Г. Функция // TOLKSLOVAR.RU : [сайт]. URL: <http://tolkslovar.ru/f3227.html> (дата обращения: 22.03.2018).
- ¹² Структурно-функциональный метод в политологии. URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-krajterman/metodi-issledovaniya-v-politologii> (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹³ Структурно-функциональный анализ. URL: <http://kulturoznanie.ru/politology/metody-politologii-funkcii-politologii/> (дата обращения: 20.03.2018).
- ¹⁴ Структурно-функциональный метод в политологии.
- ¹⁵ Там же.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Облачное» свойство структурно-функционального метода политического исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 328–333. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333

Cite this article as:

Shestov N. I. «Cloud» Property of Structural-Functional Method of Political Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 328–333 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333

УДК 321.01

ЧАРЛЬЗ РАЙТ МИЛЛС: ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕР КАК ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. К. Магомедов

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

В статье рассматриваются не известные российскому читателю страницы жизни одного из корифеев американской политологии Чарльза Райта Миллса, которые оказали решающее воздействие на его академическую судьбу. В центре анализа – личность Миллса, а также показ того, насколько человеческий темперамент и человеческие качества способны влиять на научные убеждения. Автор показывает, что Миллс был человеком, который открыл для поколения 1950–1960-х гг. «политику правды», влекущую за собой мятеж и саботаж. Миллс призывал читателей делать то, что делает он сам: жить так, словно их биография может стать своеобразной движущей силой в истории.

Ключевые слова: жизнь Миллса, социальные науки как призвание, сила и власть интеллекта.

Charles Write Mills: The Life and Character as a Driving Forces of Political Science

А. К. Magomedov

Arbakhan K. Magomedov, ORCID 0000-0003-1303-1511, Ulyanovsk State University, 42, Leo Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russia, armagomedov@gmail.com

The article considers the pages of life unknown to Russian readers of one of the leaders of American political science Charles Write Mills. In the center of analysis – the person of Mills and thesis how human temperament and human qualities could be able to influence on the scientific beliefs. The author argues that Mills imparted to the generation of the 1950–1960s something more and something less, a «politics of truth» that entailed mutiny and sabotage. Mills exhorted his readers to do as he did: to conduct themselves as if their biographies could be effective force in history.

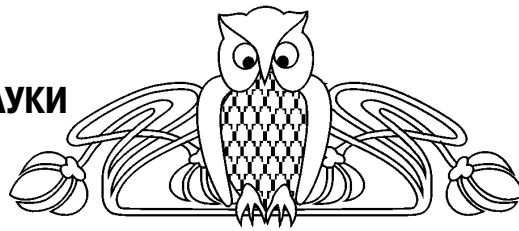
Key words: life of Mills, social sciences as a vocation, force and power of intellect.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-334-338

Критиками было неоднократно сказано, что я слишком увлечён властью. Это неправда. Чем на самом деле я очарован, так это интеллектом, и власть изначально связана с ним. Роль идей в политике и обществе, сила и власть интеллекта – вот что в большей степени увлекает и интересует меня как социального аналитика и критика в области культуры.

Ч. Р. Миллс

Чарльз Райт Миллс был самым знаменитым американским политическим социологом в мире до своей смерти 20 марта 1962 г. Российский чи-

татель знаком с творчеством Миллса давно, с тех самых пор, как в Советском Союзе была переведена на русский язык и издана его книга «Властвующая элита»¹. К тому времени этот труд стал научным хитом, сделав Миллса знаменитым на весь мир². С тех пор Миллс считается одним из классиков современной элитологии в зрелой её стадии, когда на Западе формировались ключевые направления элитоведения и происходили основные дебаты между ними.

Однако подлинная жизнь Миллса, которая во многом сформировала его как учёного, была намного ярче и драматичнее. Современники знали его не только как автора известных на весь мир книг, но также как яркого эссеиста, памфлетиста, обозревателя, комментатора и темпераментного публичного лектора. Общая библиография опубликованных работ Миллса составляет более 200 наименований. Если добавить к ним неопубликованные работы, то количество его трудов достигает около 350 единиц. Однако за более чем 45-летний период, прошедший с момента его смерти, не появилось ни достойной биографии Миллса, ни надёжного понятийного аппарата, позволяющего комментировать его тексты и изучать его наследие. Другой всемирно известный труд Миллса, «Социологическое воображение», был переведен на русский язык и издан в России лишь в 2001 г.³

Данная работа не является биографией Миллса. Не является она также обзором его научных теорий, позиций и достижений. Это рассказ о том, как человеческие качества – неукротимый дух в сочетании с внутренней свободой, интеллектуальный темперамент, умение удивляться и инакомыслие – способны двигать науку.

Чарльз Райт Миллс родился 28 августа 1916 г. в городке Уэйко, штат Техас. Чарльзу не исполнилось и двенадцати, а его семья уже успела пожить в пяти городах Техаса и поменять место жительства девять раз. Чувство одиночества никогда не покидало Ч. Р. Миллса с тех пор, как его отец, агент по страхованию, оставил семью.

Интеллектуальный поиск захватил его с юности. Первой книгой, повлиявшей на мировоззрение юного Чарльза, был научный труд Уоррена Хилтона «Прикладная психология»⁴. В своей книге Хилтон рассуждает о пластичности человеческой природы, неограниченных интеллектуальных возможностях человека. «Прикладная психология» отражала американскую философию успеха, и Чарльз с увлечением прочитал все 1100 страниц этой книги. Страстно желая вы-

сказаться, Чарльз начинает вести дневник. Летом 1934 г., решив выразить свою независимую позицию, он отправляет письмо редактору газеты «Dallas Morning News»⁵. История закончилась скандалом. Город был убежищем религиозных фундаменталистов, и мать крестила Чарльза в католической церкви, а также убедила его работать в местном церковном приходе, поскольку его высказывания на религиозные темы раздражали школьных учителей. Тем не менее, в своём письме он разоблачает и критикует позицию о том, что не существует альтернативы между Разумом и Откровением. Это письмо, опубликованное 10 августа 1934 г., вызвало поток негодования. Слухи о фуроре, который произвёл Чарльз, дошли и до его отца. Этой же осенью родители отдают Чарльза в военную школу. Так назывался один из девяти университетов, входящих в университетский комплекс «Texas A&M», имеющий военно-морское образовательное направление. «Я думал, что “A&M” сделает меня бойцом, но вместо этого она сделала из меня интеллектуала»⁶, – скажет Миллс впоследствии⁶.

Эксперимент с «A&M» провалился спустя год, и молодой Миллс, ссылаясь на антиинтеллектуализм военной школы, перевёлся в университет, хотя откровенно боялся из-за этого прослыть «слабаком». В университете Миллс проучился 4 года, с 1935 по 1939 г., где большое влияние на его взгляды оказала группа социологов и политических психологов чикагской школы прагматизма. Впоследствии он назовёт теоретиков прагматизма своими «крёстными отцами».

В 1941 г. Миллс занял должность адъюнкт-профессора социологии в университете Мэриленда. Следующим летом он защищает диссертацию по истории прагматизма в университете Висконсина. В этом же году Миллс публикует эссе об интеллектуалах «Бессильные люди», проникнутое радикальными взглядами. «Интеллектуалы знают больше того, что они выражают публично, но они бессильны и испуганы, и не обладают достаточной свободой»⁷. В 1946 г. совместно со своим другом и учителем Хансом Гертом Миллс занимается переводом трудов Макса Вебера. Статьи и переводы привлекли внимание научной общественности США, и впоследствии, в 1956 г., Миллсу была предложена должность в Колумбийском университете.

Если говорить об академическом наследии, то Миллсом было опубликовано одиннадцать научных трудов. Центральное место занимает трилогия: «Новые люди власти» (1948), «Белые воротнички: американский средний класс» (1951), «Властвующая элита» (1965). Подобно О. Балзаку, попытавшемуся отразить всю суть общества в своей знаменитой трилогии⁸, Миллс в своих работах охватил множество предметов, но основной акцент был сделан на немногих, но очень важных аспектах человеческой жизни. Трилогия Миллса представляет панораму

профсоюзных лидеров, белых воротничков, знаменитостей, политических «боссов», корпоративных вождей и «полководцев». Автор делает вывод о том, что люди, имеющие наибольшую возможность пользоваться властью, имеют наименьшую ответственность. А у имеющих наибольшую ответственность в управлении властью – наименьший шанс заполучить её. И ни в один из периодов человеческой истории этот тезис не был настолько актуальным, как в эпоху термоядерного оружия и тотального противостояния. Современные институты культуры препятствуют развитию творчества, заставляя мастеров и художников угождать шаблонным вкусам и стереотипам «переразвитого супер-общества», которыми стали Соединённые Штаты. Вместо создания символов и политических альтернатив художники и интеллектуалы гонятся за различными суррогатами в религии, культурном национализме или же антикоммунизме. Ограниченные ролью «наёмных лошадок» или «звёзд», художники потеряли связь со своей аудиторией, которая в свою очередь с головой ушла в медийный рынок. Пика популярности Миллс достиг, насмехаясь над «рекламными маньяками», «технологическими идиотами» и «весёлыми ребятами», цели и мысли которых простираются не дальше банальной коммерческой прибыли.

В 1956 и 1957 гг. Миллс впервые посещает Европу. В Лондоне и Варшаве он знакомится с группой коммунистов и социалистов. Результатом поездки стал памфлет «Причины третьей мировой войны», в котором Миллс призывал интеллектуалов капиталистического и социалистического лагерей создать «собственный отдельный мир». Он говорил, что современный мир переживает эпоху крушения надежд, рождённых в переломные эпохи Модерна и Просвещения. Современный период развития культуры и общества начался в эпоху Просвещения, когда, как казалось, был положен конец мифу, обману и суеверию. Либерализм и марксизм положили начало теориям, в которых человек был провозглашён существом нерелигиозным, рациональным и стремящимся к миру. Но общество, отмечал Миллс, построено на основах воинствующего капитализма, сокрушающего основы существования человека. Эпоха постмодернизма, стартовавшая после Второй мировой войны, лишила оснований думать, что Ум и Свобода нуждаются друг в друге. Провозглашая либерализм и марксизм устаревшими, Миллс всё же отдавал должное их риторическому мастерству и идеологической убеждённости. Марксизм открыл интеллектуалам XX столетия теорию истории для измерения прогресса, идеологию для смыслообразования, ориентации и восприятия, партию для трансформации желаний в действие и связанную систему политической и социальной мысли для координации всех усилий. Миллс открыл для поколения 1960-х гг. «политику правды», влекущую мятеж и саботаж. «Легко для интеллектуа-

лов великодушно рассказывать о необходимости рабочих контролировать фабрики, на которых они трудятся. Более трудным делом является попытка осознания значения своей собственной деятельности. Мы должны “коллективизировать” наши культурные инструменты и начать использовать их в своих собственных целях», – говорил он⁹.

Критики зачастую негативно отзывались о воинствующем тоне произведений Миллса. Его анархизм иногда был созвучен абсурду¹⁰. В «Социологическом воображении» – научном труде, написанном в 1959 г., а также в сокращённой версии этой работы, известной под названием «Психология и социальная наука», Миллс осмеивает крупных американских учёных-социологов. Он критикует Роберта Мертона, Пола Лазарсфелда и представляет Толкотта Парсонса в качестве бесильного защитника власти. Миллс обвиняет их в своеобразной духовной опеке социальных знаний. Подобно тому, как супер-общество лишило «простого человека» идеологии, так и «научная бюрократия» во главе с Парсонсом, Мертоном и Лазарсфелдом лишила социологию присущих ей политических и мыслительных традиций¹¹.

Миллс оставил многие важные вопросы без ответа. Теодор Адорно советовал Миллсу оставаться признательным тому, что называют «правлящей социологией», а Ричард Хофстедтер подозревал, что Миллс способен говорить о политике множество умных вещей, поскольку сам никогда не участвовал в политике. Лучшими ответами на все эти замечания была демонстрация собственной свободы и полноты жизни. Миллс увлекался органическим сельским хозяйством, архитектурой, фотографированием и мотоциклами. Он призывал читателей делать то, что делает он: жить так, словно их биография может стать своеобразной движущей силой истории. Вера в разум – одно из условий человеческой самореализации. Вера в возможность – первая ступень реализации этой возможности. Эти методы были открыты Миллсом в годы его юности за чтением книг Уолтера Хилтона и обрели новую силу при изучении социологии прагматизма.

В 1960 г. начался кубинский период в жизни и творчестве Миллса. 1 июля 1960 г. Миллс встретился за ланчем с кубинским представителем в США Раулем Роа. Роа заявил, что молодой человек, стоявший во главе революционного движения на Кубе (Фидель Кастро. – *А. М.*), изучал труд Миллса «Властвующая элита» в лагере Сьерра Маэстра. «Если консул США захочет посетить меня, – острит Фидель Кастро на встрече с журналистами, после прочтения этой книги в 1958 г., – я спрячу книгу под кровать»¹². Рауль Роа приглашал Миллса посетить Кубу, чтобы он собственными глазами мог увидеть результаты, которых страна достигла, как выяснилось, во многом благодаря научным изысканиям Миллса.

В августе Миллс отправился в Гавану с двумя видеокамерами и диктофоном. Серия

писем под общим названием «Послушайте, янки!», написанные со слов Кастро, Че Гевары и их соратников, были опубликованы спустя десять недель¹³. В письмах приветствовался революционный эксперимент, стимулирующий развитие человека и основанный не на капиталистическом побуждении и не на коммунистическом принуждении. Письма содержали революционные призывы. После возвращения с Кубы Миллс говорил своим студентам в Колумбийском университете: «Я не понимаю, ребята, чего вы ждёте? В Америке полно красивых гор. Я научу вас стрелять»¹⁴.

Сборник писем «Послушайте, янки!» стал международной сенсацией. Было продано свыше 400 000 экземпляров этой книги¹⁵. 10 декабря 1960 г., за день до участия в теледебатах на канале NBC по поводу революции на Кубе, у Миллса случился сердечный приступ. Это был четвёртый инфаркт в его жизни, после которого он так и не восстановился.

Провальная военная операция США против Кубы в «Заливе свиней» в апреле 1961 г. подтвердила самые худшие предсказания Миллса по поводу внешней политики США. В последние годы своей жизни Миллс путешествовал по Европе, перед тем как решил всё же вернуться в США. Он умер 20 марта 1962 г. во сне. На его надгробии был высечен афоризм, взятый из его последней работы «Марксисты»: «Я старался быть объективным. Я не претендовал быть беспристрастным»¹⁶. Ему было всего сорок пять.

Эдвард Шиллз, один из признанных корифеев американской политологии, назвал Миллса «Джо Маккарти социологии» и сравнил его с «мощным ураганом»¹⁷. Неукротимый дух и демонический образ Миллса преследовал тех, кого сам Миллс называл представителями «правлящей социологии», и после его смерти. «Сейчас он мёртв, – говорил Шиллз, – его слова – гряда разбитых камней, его исследования никому не нужны, а бывший усердный энтузиазм превратился в ничто». Любопытно, что эти слова были сказаны им в статье под названием «Наваждение», которое должно было подчеркнуть образ Миллса как революционера и бунтаря¹⁸. Но всё же Шиллз предупреждал либералов не отрицать важности трудов Миллса, утверждая, что последний стал влиятельнейшей публичной фигурой, а по популярности с ним не сравнится ни один из американских политических аналитиков. В 1968 г. ЦРУ включило Миллса в список лидеров движения «левых», наравне с Гербертом Маркузе и Францом Фаноном, хотя с даты его смерти прошло уже 6 лет¹⁹.

«Чарли казался нам эксцентричным, – вспоминал Альфред Казин. – Я имею в виду, что он был экстраординарным человеком. Я знаю, о нём ходили легенды как о радикальной личности. Как сказал в своё время Джордж Мозес, Миллс был “олицетворением Дикого Запада”».

Говоря о его личности, коллега Дэн Вэйкфилд в первую очередь запомнил его как персонажа, окружённого полемикой: «В эту эпоху бережливых профессоров в серых фланелевых костюмах, Миллс приезжал в Морнингсайд Хайтс на ревущем мотоцикле «БМВ». Он ходил в рубашке в клетку, старых джинсах и рабочих ботинках, а книги носил в спортивной сумке... Миллс был прекрасным преподавателем, как в своих книгах, так и в университете. Его лекции совпадали по яркости с его собственным представлением о предмете, так как он пытался превратить в развлечение такой тяжелый материал, как теории Карла Мангейма, Макса Вебера и Хосе Ортеги-и-Гассета. Он шокировал нас, студентов «молчаливого поколения», когда, стуча по столу, объявлял, что каждый мужчина должен построить свой дом (как он сделал сам) и что, ей-Богу, каждый из нас должен уметь построить свою собственную машину!»²⁰. Хотя Миллс был дружен с Даниелем Беллем и Ричардом Хофстедтером, его отношения с нью-йоркскими интеллектуалами были пронизаны амбивалентностью. «Помню, мы ужинали вместе, – вспоминал Казин. – Я говорил о Бальзаке, и Миллс делал какие-то пометки у себя в дневнике, так как это всё было ново для него. Все думают, что Миллс был величайшим человеком, мне же он казался совсем простым»²¹.

Миллс был независимым интеллектуалом и распространял свои идеи среди тех, кто чувствовал себя осиротелым в вихре перемен XX столетия. Независимые мысли Миллса не впечатляли интеллектуалов Манхэттена, но оказывали огромное воздействие на тысячи простых граждан, от которых он получал письма, одно искреннее другого. Мексиканский писатель Карлос Фуэнтес посвятил Миллсу свой роман «Смерть Артемио Круса», написанный в 1962 г. – в год кончины учёного²². Он отзывался о Миллсе как о «правдивом голосе Северной Америки, дружге и товарище угнетённых народов». Фуэнтес был фанатом произведения Миллса «Слушайте, янки: революция на Кубе».

Миллса пригласили в СССР, где его воспринимали как друга и единомышленника за критику американского общества и за леворадикальные взгляды. Во время этого визита он также проявил свойственную ему экстравагантность, раскритиковав крайности советской цензуры. На торжественном ужине он поднял тост: «За день, когда в Советском Союзе будет опубликовано полное собрание сочинений Льва Троцкого!». Как писал его ученик и биограф Ирвин Горовиц, Миллс считал, что США и СССР управлялись одинаковыми бюрократическими элитами и в этом плане имели больше сходств, чем различий²³.

Миллс обращался с призывами к дизайнерам, генералам, профсоюзным лидерам, духовенству, учёным, писателям, редакторам и журналистам, проживавшим от Мехико до Москвы.

Он всегда отрицал то, что жизнь интеллектуала преисполнена аристократизма и, чтобы вступить в ряды интеллектуалов, необходимо доказать свою избранность и гениальность. Миллс избегал склонности, которая господствовала в академических кругах, – полагаться лишь на какие-то специальные методы и теории при проведении научных исследований. Он возвратил обществу к осознанию важности идей. В своих многочисленных книгах, научных статьях, памфлетах, письмах, адресованных широкой общественности, и публичных выступлениях Миллс пытался донести эту мысль. Не принадлежа ни к одной из политических партий, он мог вести конструктивный диалог со множеством из них. Величайшим достижением Миллса была его независимость.

Примечания

- 1 См.: *Mills P.* Властвующая элита. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959.
- 2 См.: *Mills C. W.* The Power Elite. N. Y. : Oxford University Press, 1956 ; *Mills C. W.* The Power Elite : Comment on Criticism // Dissent. 1957. Winter. Vol. 5. P. 22–34.
- 3 См.: *Mills Ч. П.* Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М. : ИД «NOTABENE», 2001.
- 4 См.: *Hilton W.* Applied Psychology : A Series of Twelve Volumes on the Application of Psychology to the Problem of Personal and Business Efficiency. N. Y. : Americana, 1914.
- 5 См.: «Viewpoint of Science», letter to the editor of «Dallas Morning News» // Dallas Morning News. 1934. 10 August. P. 2.
- 6 *Summers J.* New Man of Power // The Politics of Truth. Selected Writings of C. Wright Mills. Selected and Introduced by John H. Summers. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 2008. P. 4.
- 7 *Mills C. W.* The Powerless People. The Role of the Intellectual in Society // Ibid. P. 13.
- 8 Оноре де Бальзак создал многотомный труд – «Человеческую комедию» – картину нравов своего времени. Это художественная история и художественная философия Франции после Великой Революции. Цикл состоит из трех частей: «Этюды о нравах», «Философские этюды», «Аналитические этюды».
- 9 *Summers J.* Op. cit. P. 5.
- 10 См.: «C. Wright Mills : Controversial Figure in Conforming Sociology», interview with Arnold Abrams // Columbia Daily Spectator. 1960. 29 November. P. 3.
- 11 См.: *Mills C. W.* The Sociological Imagination. N. Y. : Oxford University Press, 1959. P. 21 ; *Idem.* Psychology and Social Science // Monthly Review. October, 1958. Vol. 10. P. 204–209.
- 12 *Summers J.* Op. cit. P. 7.
- 13 См.: Listen, Yankee! The Cuban Case against the United States // Harper's Magazine. December, 1960. Vol. 222. P. 31–37.
- 14 *Summers J.* Op. cit. P. 7.

- ¹⁵ См.: Listen, Yankee : The Revolution in Cuba. N. Y. : McGraw Hill and Ballantine, 1960.
- ¹⁶ Mills C. W. The Marxists. N. Y. : Dell, 1962. P. 48 ; Summers J. Op. cit. P. 7.
- ¹⁷ Shils E. Professor Mills on the Calling of Sociology // World Politics. July, 1961. Vol. 13. P. 606.
- ¹⁸ Shils E. The Obsession // The Spectator. 1963. 5 July. P. 21.
- ¹⁹ См.: Summers J. Op. cit. P. 7.
- ²⁰ Mills K., Mills P.[eds.]. C. Wright Mills : Letters and Autobiographical Writings. Berkeley and Los Angeles, California : University of California Press, 2000. P. 56.
- ²¹ Summers J. Op. cit. P. 8.
- ²² См.: Фунтес К. Смерть Артемио Круса. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1012157/Fuentes_-_Smert_Artemio_Krusa.html (дата обращения: 13.11.2017).
- ²³ См.: Horowitz I. L. C. Wright Mills : an American utopian. N. Y. : Free Press, 1983. P. 66.

Образец для цитирования:

Магомедов А. К. Чарльз Райт Миллс: жизнь и характер как движущие силы политической науки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 334–338. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-334-338

Cite this article as:

Magomedov A. K. Charles Write Mills: The Life and Character as a Driving Forces of Political Science. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 334–338 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-334-338

УДК 32.019.51

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕГМЕНТ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВАРИАНТ ИЗМЕРЕНИЯ

А. А. Казаков

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aldr.kazakov@gmail.com

В современной науке периодически предпринимаются попытки измерения уровней сформированности медиаграмотности/медиакомпетентности. Однако при этом авторы отдельных вариантов подобных замеров, как правило, исходят из разных теоретических посылок, по-разному понимают сам анализируемый феномен и, как следствие, используют для собственных оценок разнообразные критерии. В данной статье на основе анализа свыше сотни наиболее часто цитируемых в зарубежных и отечественных исследованиях определений сформулировано авторское понимание медийной грамотности и предложен вариант измерения уровня ее сформированности. При этом автор фокусирует свое внимание на политической составляющей данной категории – т. е. на умении критически оценивать и проверять достоверность медиатекстов по проблематике, непосредственно связанной с политикой.

Ключевые слова: медийная грамотность, молодежь, студенчество, измерение, анкетирование, медиаобразование, медиакомпетентность, массмедиа, политика, политическая культура.

Political Segment of Students' Media Literacy: An Approach to Measure It

A. A. Kazakov

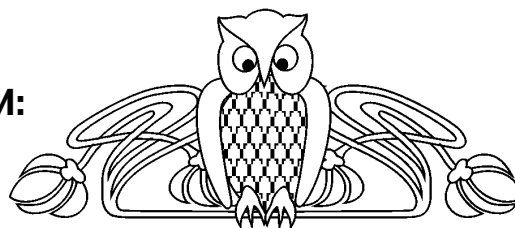
Alexander A. Kazakov, ORCID 0000-0002-3140-0977, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, aldr.kazakov@gmail.com

In modern science, attempts to measure media literacy / media competence are made from time to time. However, those who try to do it usually employ different theoretical premises, interpret phenomenon under consideration in their own ways, and, as a result, use various criteria for evaluations. Based on the analysis of more than hundred most oft-quoted (both in foreign and Russian scholarship) definitions of media literacy, the author offers his own conception of the term and puts forward the way it can be measured. While doing so, he stresses the importance of a political segment of media literacy, i.e. the ability to critically analyze and check credibility of politics-related media texts.

Key words: media literacy, youth, students, measurement, questionnaire survey, media education, media competence, mass media, politics, political culture.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-339-344

Среди большого количества сюжетов, затрагиваемых в рамках исследований в сфере медиаобразования, особое место занимают попытки

измерения уровня сформированности тех или иных медиакомпетенций или медийной грамотности в целом. По сравнению со многими другими интересующими ученых аспектами, подобные работы встречаются достаточно редко. Вслед за В. Дж. Поттером и Ч. Тай мы склонны объяснять это тем, что, несмотря на весьма внушительный накопленный в этой области исследовательский потенциал, до сих пор имеет место проблема валидности результатов, получаемых по итогам подобных измерений¹. Иными словами, каждый понимает комплекс связанных с этим понятий (умения, навыки, знания, компетенции и проч. в области медийной грамотности) по-своему и, соответственно, разрабатывает собственные варианты и методики измерения этого. Как следствие, из-за разности подходов выводы отдельных ученых трудно сопоставлять и сравнивать между собой, а также выявлять тенденции и динамику изменения уровня медийной грамотности во времени.

Не претендуя на то, чтобы разработать какой-либо интегративный подход к измерению (считаем это предметом отдельных научных дискуссий и обсуждений в рамках масштабных научных форумов и конференций), в данной статье мы предлагаем собственный вариант определения уровня медийной грамотности современной студенческой молодежи. При этом, разрабатывая методологический инструментарий своего исследования, мы, с одной стороны, опирались на уже имеющиеся теоретические и практические разработки видных специалистов в этой сфере², а с другой, попытались несколько сместить фокус замеров в сторону политической составляющей анализируемого феномена. Иначе говоря, нас в первую очередь интересовал общий уровень сформированности у респондентов навыков, умений и знаний в отношении не всех медиа в целом, а лишь тех из них, что преимущественно ориентированы на политику и тем самым оказывают непосредственное влияние на формирование политической культуры молодежи.

Проанализировав более ста наиболее часто цитируемых в зарубежной и отечественной науке публикаций по теме медийной грамотности, нами было сформулировано определение данного феномена, включающее в себя те компоненты, которые присутствуют в большинстве самых распространенных дефиниций³. Так, медийной грамотностью мы считаем способность индивида находить интересующую его информацию в материалах массмедиа, критически ее осмысли-

вать и анализировать, проверять достоверность и – при наличии соответствующей необходимости – самому создавать элементарные медийные сообщения.

Отталкиваясь от этого определения, мы разработали анкету, вопросы которой, на наш взгляд, ориентированы именно на то, чтобы определить уровень медийной грамотности респондентов. Сама анкета состоит из трех частей. Первая из них предполагает необходимость ответить на вопросы по предложенному тексту. В качестве такового мы выбрали заметку известного саратовского блогера, профессора местного вуза В. Афанасьевой, в которой она формулирует собственное отношение к российским либералам⁴. Восемь вопросов (как открытых, так и закрытых) первой части анкеты предполагали необходимость определения целевой аудитории анализируемого поста, вероятных мотивов его автора, представленных и отсутствующих в тексте точек зрения, целесообразности и способов проверки содержащихся в заметке фактов, а также задание по формулированию сути данного медиасообщения в одно-два предложения.

Вторая часть анкеты включала в себя пятнадцать утверждений, с которыми опрашиваемым нужно было согласиться или не согласиться. Каждый из тезисов так или иначе касался современного состояния медиаиндустрии либо же затрагивал отдельные аспекты поведения медийно грамотной личности. Наконец, третьей частью анкеты была так называемая паспортчика – вопросы по полу, возрасту и уровню образования респондентов.

В общей сложности в первой половине марта 2018 г. мы опросили 97 студентов юридического факультета и Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в возрасте от 17 до 26 лет. Среди них было 65 девушек и 32 парня. Нужно отметить, что такое соотношение по половому признаку является достаточно типичным для гуманитарных факультетов нашего вуза.

Все респонденты примерно в равных пропорциях обучаются по специальностям «политология», «история», «судебная экспертиза» и «таможенное дело». При этом никто из них ранее не изучал дисциплин, так или иначе связанных с медийной грамотностью. Профиль получаемого образования, пол и возраст принявших участие в анкетировании учитывались при подведении итогов исследования.

Как уже отмечалось, в современной науке (в том числе российской) периодически предпринимаются усилия по оценке уровня сформированности медийной грамотности личности. Правда, при этом чаще используется такое понятие, как «медиакомпетентность», считающееся одним из главных компонентов и индикаторов медийной грамотности⁵.

Соглашаясь с тем, что медиаграмотность в целом шире медиакомпетентности, в контексте настоящего исследования мы, тем не менее, будем использовать первое понятие. Делать это нас заставляют как минимум два обстоятельства. Первое: термин «компетентность», как правило, предполагает определенную дихотомичность – люди либо обладают ею, либо нет⁶. В этом смысле более корректно было бы использовать понятие «умение», подразумевающее способность делать что-либо, развиваемую постепенно – с течением времени и по мере целенаправленного приложения усилий в данном направлении; человек, условно говоря, может уметь делать что-то сносно, хорошо или мастерски. Однако термин «медийные умения» практически не используется в актуальном научном дискурсе. Второе: в зарубежной науке «медийная грамотность» (*media literacy*), по нашим наблюдениям, используется значительно чаще, чем другие ее эквиваленты. Принимая все это во внимание, при выборе между «медиаграмотностью» и «медиакомпетентностью» будем отдавать предпочтение первому варианту.

Итак, каким же образом принято измерять медиаграмотность/медиакомпетентность? Чаще всего это делается при помощи анкетирования или тестирования⁷, а также эксперимента⁸. Значительно реже для этого используется фокус-групповой метод⁹.

Какие критерии кладутся в основу оценки? По большому счету, все их многообразие может быть сведено в два больших блока: преимущественно технические умения и активность использования медиа¹⁰ и собственно навыки по оценке и интерпретации медиасообщений¹¹. Причем зачастую эти два показателя могут никак не коррелировать друг с другом. Как отмечает А. В. Федоров, «медиакомпетентность современных студентов, как правило, достаточно высоко относительно набора технических умений практического использования медийной техники, но никак не по части анализа медиатекстов»¹².

Более того, мы полагаем, что для исследования уровня сформированности медийной грамотности именно второй – интерпретационно-оценочный – блок имеет приоритетное значение. Молодой человек может превосходно разбираться в особенностях и технических характеристиках современных медийных устройств, ежедневно использовать сразу несколько из них, активно проявлять себя в разнообразных социальных сетях, мессенджерах и т. д., но при этом не иметь ни малейшего представления о том, где найти ту или иную специфическую информацию (в контексте нашего исследования – о политике), как проверить ее достоверность и на каких ресурсах можно отыскать альтернативную точку зрения по конкретному вопросу.

В этом смысле мы склонны разделить точку зрения А. А. Левицкой, которая считает, что при

измерении медиаграмотности населения нужно в первую очередь учитывать «уровень аналитического оценивания респондентом информации, медиатекста, широкого спектра взаимоотношений человека и медиасферы»¹³.

Учитывая все это, собственную анкету мы наполнили такими вопросами, которые, на наш взгляд, способны выявить именно содержательный (и отчасти деятельностный), а не технический уровень медийной грамотности. Мы исходили также из того, что в фокусе нашего внимания находится не медиаграмотность в целом, а, скорее, политическая ее составляющая. Подобный ракурс также наложил определенный отпечаток на характер и направленность вопросов, составивших анкету.

Первый содержательный блок нашей анкеты состоял из восьми вопросов по тексту, который предварительно было предложено прочитать респондентам. Напомним, что таким текстом была запись в блоге с выражением личного мнения автора в отношении современных российских либералов. До студентов была доведена информация о том, что это за медиасообщение и с какого ресурса оно было взято.

В зависимости от сложности каждый из восьми вопросов первой части оценивался с максимумом от двух до шести баллов. Примером «легкого» вопроса (два возможных балла за правильный ответ) является открытый вопрос о том, чьи точки зрения были представлены в предлагаемом тексте. Так как это блог, в котором В. Афанасьева изложила собственную позицию и при этом совершенно точно не цитировала и даже не упоминала мнения других людей, то ответ в данном случае был очевидным – точка зрения автора. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, в отдельных случаях респонденты затруднялись ответить на этот вопрос либо предлагали не соответствующие действительности версии.

Примером же наиболее «сложного» вопроса (максимум – шесть баллов) тоже был открытый вопрос – «Какие риторические приемы и методы привлечения внимания аудитории были использованы автором?». Нужно заметить, что в тексте таковых было достаточно много: сравнения, метафоры, гиперболы, эпитеты, ярлыки и т. д. Максимальный балл ставился в случае, если были перечислены практически все из них, минимальный – когда не назывался ни один. Всего за ответы на вопросы первой части можно было получить 35 баллов.

Второй содержательный блок анкеты предполагал необходимость определить свое отношение («скорее согласен» или «скорее не согласен») к каждому из пятнадцати утверждений. Утверждения были сформулированы таким образом, чтобы свести к минимуму возможность различного их трактования. Примеры верных утверждений: «В той или иной степени все люди находятся под влиянием СМИ», «Телеканал “Дождь”,

радиостанция “Эхо Москвы”, интернет-портал “Медуза” относятся к числу оппозиционных по отношению к действующей в России власти». Примеры неверных тезисов: «Медийно грамотный человек, как правило, не обращает внимания на те информационные ресурсы, позицию которых он не разделяет», «В настоящий момент большинство наиболее влиятельных западных (в первую очередь – американских) массмедиа, как правило, относятся к России и ее президенту В. В. Путину позитивно и благожелательно». За каждое правильное определение истинности конкретного высказывания начислялся один балл; таким образом, максимум за ответы на вопросы второй части составил 15 баллов.

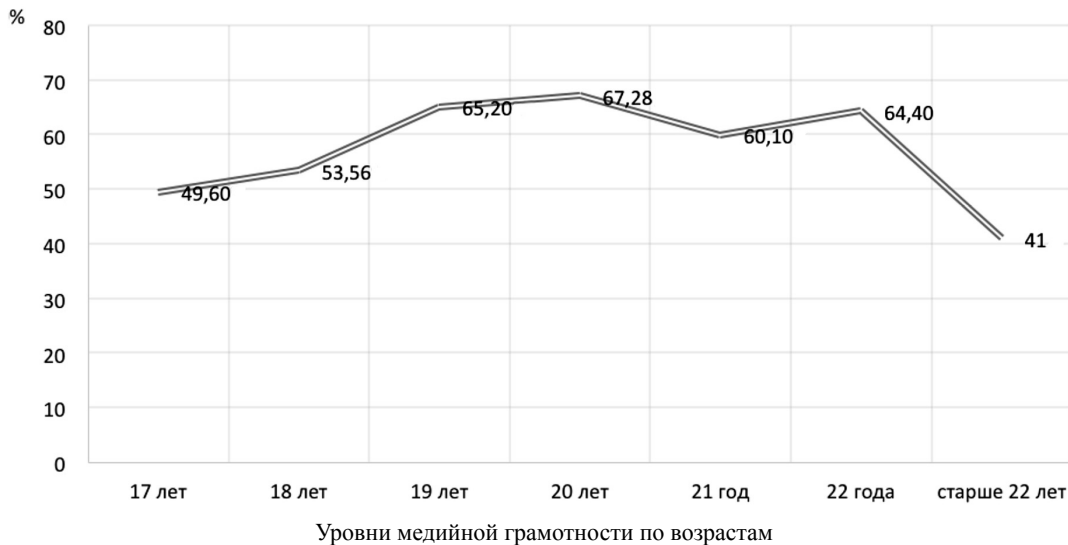
Баллы, полученные за ответы на вопросы первой и второй частей, суммировались (возможный максимум равнялся 50 баллам) и – для выражения в процентной форме – умножались на два. В итоге после обработки анкеты каждого из респондентов получалось процентное выражение уровня его медийной грамотности.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что полученные результаты во многом условны: итоговые проценты зависят от набора вопросов, конкретных формулировок и даже от специфики самого предложенного студентам текста. Но вместе с тем мы убеждены, что данная анкета позволяет получить общее представление о среднем уровне медиаграмотности опрошенных студентов и, что также очень важно, дает возможность определить наиболее «проблемные» для респондентов аспекты анализа медиатекстов.

Какие же конкретные результаты были нами получены? Разброс продемонстрированных уровней медиаграмотности вполне ожидаемо оказался достаточно большим – 62%: минимальный уровень составил 28%, максимальный – 90%. Средний же уровень достиг 58,07%. При этом обращают на себя внимание различия в средних показателях в зависимости от пола, возраста и характера получаемого респондентами образования.

Так, по результатам наших замеров, средний уровень медийной грамотности девушек оказался около 60,4%, а юношей – 50,9%. О чем это может говорить? Полагаем, что в первую очередь – о большей внимательности и прилежности первых по сравнению со вторыми: там, где парни могли на что-то просто не обратить внимания или полениться что-либо расписать (например, те же использованные автором приемы привлечения внимания аудитории), студентки подошли к этим вопросам более ответственно и, как следствие, поработали на этом больше баллов. Делать из этого результата вывод о том, что девушки больше интересуются политикой или чаще обращаются за информацией к массмедиа и потому в целом более медийно грамотны, мы бы воздержались.

Более показательными мы находим результаты сравнения средних уровней медиаграмотности в зависимости от возраста (рисунок).

Как видим, с 17 до 20 лет включительно средний уровень медийной грамотности неуклонно растет, затем наблюдается снижение, снова подъем и – самое красноречивое – резкое падение в возрастной группе старше 22 лет. Естественно, объем нашей выборки (97 человек) явно не достаточен для того, чтобы с полной уверенностью говорить о наличии здесь твердых закономерностей. Однако общий тренд, как нам представляется, вполне может соответствовать реальности: с первых лет студенческой жизни молодые люди постепенно начинают больше интересоваться общественно-политической жизнью, чаще обращаются к СМИ и, как следствие, становятся более искушенными в этой сфере. Резкое же снижение в группе после 22 лет, на наш взгляд, может объясняться тем, что входящие в нее люди, как правило, совмещают учебу в вузе с работой, многие из них уже имеют собственные семьи и, как результат, у них просто остается меньше времени на то, чтобы регулярно следить за новостями и тем более обращать внимание на особенности освещения каких-либо событий в прессе.

Наконец, еще один критерий разграничения итоговых показателей – направленность получаемого респондентами образования. Напомним, что среди специальностей, по которым обучаются опрошенные студенты, были «политология», «история», «таможенное дело» и «судебная экспертиза». При этом учебный план ни одной из них не предполагает освоения дисциплин, так или иначе связанных с анализом медиасообщений. Стало быть, возможности сравнить полученные результаты с показателями так называемой контрольной группы (т. е. с теми, кто предварительно прослушал соответствующие курсы) у нас не было. Тем не менее, мы посчитали важным все же высчитать отдельно средний уровень медийной грамотности студентов-политологов. По собственному опыту знаем, что периодически в рамках самых различ-

ных дисциплин разговор о специфике освещения политических событий в СМИ все-таки заходит. А значит, хотя бы косвенное представление об используемых журналистами приемах такие студенты имеют. Произведенные расчеты подтвердили обоснованность наших предположений: средний уровень медийной грамотности будущих политологов (их оказалось чуть более четверти от всех опрошенных) составил 67,04%, а всех остальных – 54,72% при среднем для всех 97 респондентов значении в 58,07%.

Теперь несколько слов о том, какие вопросы вызвали у студентов наименьшие и наибольшие затруднения. В первом блоке анкеты легче всего респондентам давались закрытые вопросы об основной цели и демографических характеристиках предполагаемой целевой аудитории представленного медиатекста, а также открытый вопрос о представленных в блоге точках зрения. Наибольшие же сложности вызвали уже упоминавшийся открытый вопрос об использованных автором текста приемах и вопрос о том, где, на каких других медийных ресурсах можно встретить точку зрения, альтернативную изложенной в прочитанном ими тексте. Отвечая на последний вопрос, чаще всего студенты просто ограничивались тем, что писали «на других сайтах», «по телевидению», «в блогах»; назвать конкретные массмедиа, придерживающиеся либеральных взглядов, смогли лишь единицы.

Заключительный вопрос первой части анкеты предполагал необходимость сформулировать суть прочитанного текста в одно–два предложения. Тем самым мы рассчитывали замерить такую составляющую медийной грамотности, как способность самому создавать элементарные медиасообщения. При оценке данного ответа мы исходили и из содержания написанного респондентами (насколько их представление о сути совпадало, собственно, с написанным в блоге) и из того, насколько грамотно (с точки зрения орфо-

графии, пунктуации и стиля) это было изложено. В итоге получилось, что при максимуме в пять баллов средняя оценка за ответ на данный вопрос составила 2,52 балла.

Что же касается второй содержательной части анкеты, то в ней респонденты чаще всего «спотыкались» на утверждении о том, что «Телеканал “Дождь”, радиостанция “Эхо Москвы”, интернет-портал “Медуза” относятся к числу оппозиционных по отношению к действующей в России власти». Сразу 60 человек из 97 ошибочно посчитали его неверным... Второе и третье места поделили между собой следующие тезисы: «Отбирая сюжеты для освещения, СМИ исходят в том числе из интересов своей аудитории» и «Существует тенденция, согласно которой события в сообщениях СМИ выглядят более драматично, чем на самом деле». 30 респондентов также нашли эти утверждения не соответствующими действительности.

О чем это может говорить? На наш взгляд, во-первых, это является своего рода индикатором того, что студенты достаточно слабо ориентируются в современном медиаландшафте нашей страны и не имеют более или менее четких представлений о политических «пристрастиях» конкретных СМИ, а во-вторых, это также свидетельствует и о весьма слабом знании «теории» медиаиндустрии. Честно признаемся, мы никак не ожидали, что сразу треть от опрошенных не будут допускать мысли о том, что журналисты ориентируются «в том числе» и на потребности своей аудитории.

Зато – и это также мы посчитали весьма показательным – меньше всего затруднений вызвали такие тезисы, как «В настоящий момент большинство наиболее влиятельных западных (в первую очередь – американских) массмедиа, как правило, относятся к России и ее президенту В. В. Путину позитивно и благожелательно» (3 ошибки) и «Конфликты, войны, скандалы, кровь привлекают меньше внимания аудитории, чем все остальное» (5 ошибок). На наш взгляд, «очевидность» этих высказываний для респондентов является достаточно красноречивой характеристикой содержательного контента большинства российских массмедиа.

Таковы основные результаты проведенного нами исследования. Еще раз оговоримся, что в силу ограниченности своего масштаба (опрошено было всего 97 студентов одного вуза) оно не может считаться в полной мере репрезентативным. Кроме того, отсутствие единого, разделяемого большинством ученых понимания медийной грамотности, а также набора конвенциональных критериев оценки степени ее сформированности серьезно осложняет выработку универсальных «измерительных механизмов»: одни считают важным креативный аспект медиакомпетентности, другие – деятельностный, третьи – интерпретационный, четвертые – ак-

тивность использования медиаустройств, пятые – все, перечисленные выше, и т. д.

В контексте данной статьи нас, в первую очередь, интересовал оценочный и отчасти практико-операционный компоненты медийной грамотности студенческой молодежи, причем в весьма ограниченном ее ракурсе – с точки зрения политической составляющей. В этом смысле считаем важной саму попытку обоснования возможного варианта измерения политического сегмента медийной грамотности. Полагаем, что в сегодняшних политических условиях (причем как внутри страны, так и за ее пределами), в ситуации, когда «информационные войны» стали едва ли не обыденным явлением, политикоориентированное понимание медиаграмотности становится как никогда актуальным, а сама медиаграмотность превращается в один из ключевых факторов формирования политической культуры индивида. Как результат, чрезвычайную важность и востребованность приобретает и соответствующее направление медиаобразования.

Проведенное нами анкетирование дает основания утверждать, что, несмотря на достаточно уверенное владение новейшими медиатехнологиями, в большинстве своем молодые люди недостаточно хорошо ориентируются в окружающих их потоках информации, не имеют в полной мере целостного представления о ключевых игроках российского медиарынка и далеко не всегда знают то, как в теории должны выстраиваться отношения между журналистами и аудиторией. При этом прослеживается определенная зависимость между средним уровнем медиаграмотности человека, с одной стороны, и его возрастом, а также характером получаемого им образования – с другой.

Возможными направлениями дальнейшего развития данного ракурса анализа этой проблемы нам представляются, во-первых, расширение выборки опрашиваемых, во-вторых, совершенствование методологического инструментария замеров (уточнение формулировок вопросов, увеличение их количества, анализ частоты использования массмедиа, ресурсных предпочтений аудитории и т. д.) и, наконец, в-третьих, сравнение уровней сформированности политического сегмента медийной грамотности у лиц, получавших элементы медиаобразования, и у тех, кто с ним прежде, к сожалению, не соприкасался. Убеждены, что развитие у студенческой молодежи навыков критического анализа медиатекстов является залогом повышения общего уровня ее политической культуры, что, в свою очередь, в дальнейшем будет способствовать и демократизации всей политической системы государства.

Примечания

¹ См.: Potter W. J., Thai Ch. Conceptual Challenges in Designing Measures for Media Literacy Studies //

- International Journal of Media and Information Literacy. 2016. № 1. P. 27.
- ² См.: *Левицкая А. А.* Медиакомпетентность и аналитическое мышление аудитории : социологические опросы последних лет // *Медиаобразование*. 2015. № 1. С. 30–42 ; *Федоров А. В.* Итоговая оценка медиакомпетентности студентов : анализ результатов тестирования // *Медиаобразование*. 2012. № 2. С. 48–51 ; *Arke E. T., Primack B. A.* Quantifying media literacy : development, reliability, and validity of a new measure // *Educational Media International*. 2009. № 46 (1). P. 53–65 ; *Ashley S., Maksl A., Craft S.* Developing a news media literacy scale // *Journalism and Mass Communication Educator*. 2013. № 68 (1). P. 7–21 ; *Fedorov A., Levitskaya A.* Comparative Analysis of the Indicators' Levels of Students' Media Competence Development in the Control and Experimental Groups // *International Journal of Media and Information Literacy*. 2016. № 2 (1). P. 16–37.
- ³ См.: *Казakov А. А.* Медиаграмотность в контексте политической культуры : к вопросу об определении понятия // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2017. № 4. С. 78–97.
- ⁴ См.: *Афанасьева В. В.* Пять причин не быть российским либералом // *Взгляд-инфо*. 2017. 1 нояб. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/3740/> (дата обращения: 12.06.2018).
- ⁵ См., например: *Жижина М. В.* Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования : о критериях оценки медиакомпетентности // *Медиаобразование*. 2016. № 4. С. 47.
- ⁶ См.: *Potter W. J.* Theory of media literacy : A cognitive approach. Thousand Oaks, CA : Sage. 2004. P. 21.
- ⁷ См.: *Федоров А. В.* Итоговая оценка медиакомпетентности студентов : анализ результатов тестирования.
- ⁸ См.: *Рыжих Н. П.* Диагностика медиакомпетентности студентов педагогического вуза при выполнении творческого задания // *Медиаобразование*. 2012. № 1. С. 50–63 ; *Федоров А. В.* Обладает ли современная молодежь стихийно сформированным высоким уровнем медиакомпетентности? // *Медиаобразование*. 2014. № 2. С. 82–88.
- ⁹ См.: *Фролова Е. В., Рябова Т. М., Рогач О. В.* Медиакомпетентность преподавателей высшей школы : оценка навыков и технологий развития // *Медиаобразование*. 2017. № 4. С. 37–46.
- ¹⁰ См.: Текущее состояние и перспективы медиаграмотности населения РФ на основе национального мониторинга медиаповедения (2009–2013). Циркон, 2013 // Циркон, исследовательская группа. URL: <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-smi-i-massovykh-kommunikatsiy> (дата обращения: 23.03.2018).
- ¹¹ См.: *Федоров А. В.* Итоговая оценка медиакомпетентности студентов : анализ результатов тестирования ; Уровень медиаграмотности населения РФ : текущее состояние и перспективы изменения (на основе всероссийского мониторинга медиаповедения). Циркон, 2017 // Циркон, исследовательская группа. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/ea5/maltseva-d-v-shubina-l-v-voynilov-yu-l-uroven-mediagramotnosti-naseleniya-rf-tekushchee-sostoyanie.pdf> (дата обращения: 23.03.2018).
- ¹² *Федоров А. В.* Обладает ли современная молодежь стихийно сформированным высоким уровнем медиакомпетентности? С. 82.
- ¹³ *Левицкая А. А.* Указ. соч. С. 37.

Образец для цитирования:

Казakov А. А. Политический сегмент медийной грамотности студенческой молодежи: вариант измерения // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 339–344. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-339-344

Cite this article as:

Kazakov A. A. Political Segment of Students' Media Literacy: An Approach to Measure It. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 339–344 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-339-344

УДК 32

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ (на примере работ О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера)

А. В. Богданов

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, selectedman@yandex.ru

В статье рассматривается соотношение традиции и инновации в трудах зарубежных ученых. Выделяются два основных направления в подходе к анализу данного соотношения и предпринимается попытка обозначить на этом основании место и роль традиционных и инновационных факторов формирования и развития политической культуры общества.

Ключевые слова: политическая культура, традиция, инновация, политическое развитие, типология политической власти, традиционная власть.

The Problem of the Correlation of Traditions and Innovations in Works of Foreign Thinkers (On the Example of Works of A. Comte, K. Marx, G. Spencer, M. Weber)

A. V. Bogdanov

Artem V. Bogdanov, ORCID 0000-0002-0761-1168, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, selectedman@yandex.ru

The article deals with the correlation of tradition and innovation in the works of foreign scientists. There are two main directions in the approach to the analysis of this ratio and an attempt is made to identify on this basis the place and role of traditional and innovative factors in the formation and development of the political culture of society.

Key words: political culture, tradition, innovation, political development, typology of political authority, traditional authority.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-345-348

Проблема соотношения старого и нового в политической системе страны, традиционного и модернизационного в политической культуре общества является актуальной и востребованной как в научной среде, так и в практической политике. Эта востребованность объясняется, на наш взгляд, тем, что вопросы социального и политического развития тесным образом связаны с культурной преемственностью и внедрением инноваций в социокультурный процесс с целью получения наиболее эффективного политического результата.

Ученых, которые занимались данной проблематикой – анализом соотношения традиции и инновации, в истории развития науки обнаруживается немало. По нашему мнению, можно выделить работы, которые отражают суть понимания

соотношения традиционного и инновационного в политическом процессе и позволяют на основе анализа выделить две полярные точки зрения на данное соотношение. Это работы таких мыслителей, как Огюст Конт, Карл Маркс, Герберт Спенсер, Макс Вебер. В их трудах присутствует собственное понимание традиции, инновации, их соотношения и взаимодействия, предприняты одни из первых попытки классификации традиционной политической власти и государства в зависимости от типа преобладающего культурного восприятия политического процесса.

В результате проведенного анализа работ указанных мыслителей можно выделить два основных подхода к пониманию взаимоотношений между традицией и инновацией. Первый подход можно охарактеризовать как радикальный, так как традиция и инновация выступают в роли антагонистов функционирования политического процесса, и в этом смысле традиция видится представителями данного направления как негативный элемент политической системы. Этот элемент необходимо искоренять, поскольку он мешает совершенствованию политической культуры общества, не дает проявляться политической активности, препятствует формированию гражданского общества.

Второй подход – это понимание традиционного и инновационного как необходимых элементов развития политической системы и политической культуры участия в процессах реформирования государства на благо общества. Традиция и инновация выступают в данном случае как два взаимосвязанных и взаимообусловленных элемента прогрессивного развития политической системы страны, и здесь необходимо учитывать консолидирующую роль традиции и модернизационную функцию инновации.

Первый подход представлен работами К. Маркса и М. Вебера. Относительно мнения К. Маркса по поводу традиции можно отметить следующее: он признает весомую роль традиции в политическом процессе любого государства, но считает, что эта роль носит негативный оттенок и выступает препятствием к социокультурному развитию общества. Для того чтобы политическая система позитивно и прогрессивно менялась, необходимо, по мнению Маркса, внедрять инновации, даже если они будут носить революционный подтекст. Только таким образом можно осуществить переход к действительно политически зрелому обществу.

Однако традиции могут быть использованы как способ перехода к новому государству и обществу, для этого следует придать традиции идеологическую окраску и, применяя инновационные подходы к изменению политической системы, осуществить адаптацию с социальными группами новых элементов политического процесса¹.

Широкую известность получила типология политической власти, предложенная М. Вебером. Суть ее в том, что Вебер выделил четыре основных типа социального действия: «целерациональное», «ценностно-рациональное», «аффективное» и «традиционное»². Исходя из анализа типологии, следует отметить, что Вебер, по сути, противопоставляет два первых типа социального действия двум последним, описывая первые как идеальные, к которым необходимо стремиться и формировать их в политической культуре общества, а последние два – как архаичные, тормозящие развитие реального демократического политического процесса и формирование активного гражданского общества.

Первый тип социального действия считается наилучшим, именно к нему следует стремиться при проведении социально-политических изменений, последний – самый архаичный и по сути своей препятствующий модернизации и прогрессу³.

Два первых типа социального действия отличаются своей рациональностью, осознанностью, свободным выбором цели и средств ее достижения, а два последних – неподконтрольной эмоциональностью или бездумным использованием традиционных, привычных моделей поведения.

Типологии политической власти, выведенной из классификации Вебера, присущи те же характеристики: она делится на традиционную, харизматическую и рациональную власть. Рациональная власть является наиболее демократически идеальной, отвечающей современным запросам со стороны активной части общества. Традиционная – не находит осознанной поддержки со стороны граждан государства, так как опирается на веру в «божественное или священное» происхождение власти, гражданское общество отсутствует, и необходимо осуществлять переход к рациональному типу власти⁴.

Ряд отечественных ученых критикуют концепцию Вебера из-за противоречивости и многозначности в трактовке понятий «традиция» и «традиционализм». Так, А. Б. Гофман, который подробно анализирует взгляды и социально-философскую концепцию Вебера, выводит несколько смыслов понимания традиции немецким ученым: в первом смысле традиция – это привычная модель поведения человека, а во втором – это набор ценностей, которыми пользуется индивид при выстраивании собственной модели поведения⁵.

Ю. Н. Давыдов отмечает, вслед за Гофманом, противоречивость в определении традиционного действия и обоснованность типологизации традиции среди существующих видов человеческого действия по Веберу⁶. По замечанию Н. Н. Зарубиной, определение традиции у М. Вебера размыто и четко не очерчено⁷.

Широкая популярность веберовской типологии объясняется, на наш взгляд, конъюнктурными особенностями периода развития первых теорий модернизации. Суть этих особенностей заключается в делении государств на так называемые «отсталые», «традиционные» государства и «современные», «инновационные» страны. При этом задача «традиционных» политических систем – стремиться стать «современными» политическими системами, которые представлены преимущественно западными странами.

Мы не разделяем убежденности К. Маркса и М. Вебера в негативной, отрицательной или архаической, нерациональной характеристике традиции, которая понимается лишь как низшая ступень в развитии общества, как переходный этап к более развитому, рациональному типу мышления⁸.

На наш взгляд, какие бы социальные изменения не осуществлялись, какие бы инновации не внедрялись, в рамках достигнутого социально-политического преобразования происходит установление социального порядка (баланса). Закрепление существующего социально-политического положения (социального порядка) предполагает возникновение постоянной, традиционной формы взаимодействия между субъектами политического процесса внутри модернизирующегося объекта (процесса модернизации).

Таким образом, сам факт социального изменения требует установления таких способов кооперации, которые в последующем станут традиционными формами взаимоотношения между участниками политического процесса. В этом смысле традиция – неотъемлемая часть социально-политического преобразования, традиция выступает в качестве фильтра, с помощью которого происходит отбор инноваций, сохранение тех, что доказали свою эффективность.

Второе направление может быть представлено такими социологами, как О. Конт, Г. Спенсер. О. Конт подразумевал под прогрессом учет опыта бытия и необходимость изменения. Он разделял взгляды традиционалистов о социокультурной преемственности и об огромном воздействии, которое оказывает предыдущее поколение на последующее⁹.

Конт выделял в развитии общества две фазы – «естественную» и «конфликтную». Под «конфликтной» фазой он понимал такие периоды истории, когда социокультурная преемственность нарушается, а достижение компромисса затрудняется, происходит дестабилизация политического режима в результате столкновения

социальных групп революционного характера¹⁰. Конт отрицательно относился к этой фазе развития общества, считая, что она вносит дисбаланс во всю социально-политическую структуру государства. «Естественная» фаза, наоборот, являлась для него наиболее приемлемым периодом развития общества, так как именно в этот период осуществляется историческая преемственность и солидарность между поколениями: «...мы разрушаем только то, что заменяем»¹¹. Таким образом, для О. Конта традиция – это фундамент прогресса и развития общества на основе исторической преемственности и социальной солидарности.

Г. Спенсер под «естественной» социальной эволюцией понимал процесс планомерного, самопроизвольного возникновения новых форм из предшествующих. Источником этого процесса не могут быть революционные, радикальные вмешательства: «Мы должны предостеречь против слишком ревностных стараний в достижении идеала, против попыток вывести природу из ее унаследованной формы насильственным образом: нормальная переработка ее может быть достигнута лишь медленным путем»¹². Спенсер считал, что правовые нормы и институты основываются на обычаях, возникают из них и, по сути, являются определенной ступенью в эволюции последних и поэтому ими и объясняются¹³.

Таким образом, традиция для Спенсера, Конта – это часть одного социокультурного и политического процесса, направленного на позитивное и прогрессивное развитие, это не их противоположность, а неизбежный элемент системы. Традиция и инновация для них – два взаимосвязанных и взаимообусловленных аспекта эволюции, обнаруживающие себя внутри этой эволюции и существование которых друг без друга не предполагается возможным¹⁴.

Следует отметить, что вышеуказанные классики политической мысли, уделяя пристальное внимание традиции и инновации, представляли их в целом как положительные элементы социально-политического процесса, осознавали, что эти компоненты являются важными и даже ключевыми в процессе эволюции политической системы.

В целом взгляды указанных мыслителей можно охарактеризовать следующим образом: понимание природы дихотомического противопоставления традиции и инновации, являющихся факторами эволюции социально-политической системы. Эта природа вполне естественна, и дихотомия необходимое условие развития социума.

Также необходимо отметить, что учет особенностей традиционной и инновационной компонент политического сознания будет полезен при анализе политической культуры российского общества. При этом само понятие «политическая культура» трактуется неоднозначно в современ-

ной отечественной науке. Ученые выделяют подходы к интерпретации данного термина: расширительный и ориентационно-поведенческий¹⁵.

Нам близко понимание «политической культуры», которое в своем исследовании дает А. А. Ландерова: политическая культура – это совокупность ценностных ориентаций, которые отличаются дуализмом «устойчивости и подвижности» и «придают архетипам социально-политическую реальность»¹⁶. В это определение удачно вписывается и наша трактовка политической культуры, с той лишь разницей, что мы заменяем устойчивость и подвижность понятиями «традиция» и «инновация»: политическая культура – это система представлений, убеждений, установок и моделей поведения людей, а также совокупность их ценностных ориентаций, которые характеризуются дихотомией традиционной и инновационной компонент политического сознания.

С этой точки зрения понимание взаимодействия данных компонент позволяет выявить устоявшиеся архетипы политического сознания, модели поведения и новообразованные ценностные ориентации, типы политического поведения. Такой подход к политической культуре, результаты ее анализа представляется возможным использовать и в рамках выработки и корректирования российской государственной политики:

– знание специфики преобладающих компонент (традиционных или инновационных) в политическом сознании, архетипов в политической культуре поможет выработать эффективные меры по нивелированию риска возникновения конфликтов на социальной, этнической, религиозной почве. Также будет способствовать выработке действенных мер профилактики против разжигания межнациональной, межэтнической и межрелигиозной розни и вражды в регионах России;

– понимание специфики политической культуры общества, знание о преобладающих типах социально-политического поведения и особенностей доминирующих ценностных ориентаций поможет в формировании действенных интеграционных общественных практик, которые позволят выработать эффективные механизмы историко-культурной преемственности и политической социализации между поколениями российского общества;

– анализ особенностей политической культуры, архетипов политического сознания может помочь в поиске и формулировании национальной идеи России. На наш взгляд, учет специфики традиционной и инновационной компонент политической культуры современного российского общества окажет помощь в создании соответствующих государственных программ в рамках реализации национальной идеи, направленных на формирование национальной идентичности и самоидентификации граждан;

– учет характеристик политической культуры окажет содействие органам государственной власти в увеличении действенной политической активности населения, т. е. в осознании того, как достигнуть конкретных политических целей и эффективно участвовать в политической жизни региона и страны.

Таким образом, исследование специфичности политической культуры, выявление особенностей взаимодействия традиционной и инновационной компонент политического сознания может способствовать реализации государственной политики в современной России более эффективно и целенаправленно.

В целом, на наш взгляд, эволюция трактовок традиции и инновации отражает всю сложность выделения их четкого и ясного определения. Взаимодействие этих двух компонент показывает неоднозначность интерпретации политического и исторического процесса в современном мире. Существование множества подходов к определению традиции и инновации указывает на отсутствие цельной концепции, сочетающей в себе многоаспектность трактовки этих категорий, а также требует дальнейшего изучения и разработки данной проблематики.

Примечания

- 1 См.: Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. Т. 45. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1975. С. 119.
- 2 См.: Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. Ч. 1. М. : Кн. дом «Университет», 2002. С. 70–74.
- 3 Там же. С. 85–90.
- 4 Там же. С. 94.
- 5 См.: Гофман А. Б. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М. : РОССПЭН, 2008. С. 80.
- 6 См.: Давыдов Ю. Н. Традиционное действие // Современная западная социология : словарь. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 354.
- 7 См.: Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития : М. Вебер и современные теории модернизации. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1998. С. 59.
- 8 См.: Маркс К. Указ. соч. С. 311.
- 9 См.: Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. 2-е изд. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 130–135.
- 10 См.: Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм = Auguste Comte and Positivism / пер. с англ. И. И. Спиридонова. 4-е изд. М. : ЛКИ, 2011.
- 11 Конт О. Указ. соч. С. 140.
- 12 Сочинения Герберта Спенсера : полные переводы, проверенные по последним английским изданиям : в 2 т. / общ. ред. Н. А. Рубакина. СПб. : Изд-е СПб. акцион. общ. печатного дела «Издатель», 1899. Т. 1. С. 142.
- 13 См.: Спенсер Г. Основания социологии. Данные социологии // Сочинения Герберта Спенсера : в 2 т. СПб. : Изд-во И. Д. Сытина, 1898. Т. 1. С. 87.
- 14 См.: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992. С. 133.
- 15 См.: Баранов Н. А. Политическая культура как часть культуры общества // Персональный сайт Николая Баранова. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskaya-kultura/123-lektsiya-1-politicheskaya-kultura> (дата обращения: 17.04.2018).
- 16 Ландерова А. А. Доминанты политической культуры России в кризисном дискурсе власти : поиск национальной идеи : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2016. С. 13–14.

Образец для цитирования:

Богданов А. В. Проблема соотношения традиции и инновации в трудах зарубежных мыслителей (на примере работ О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 345–348. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-345-348

Cite this article as:

Bogdanov A. V. The Problem of the Correlation of Traditions and Innovations in Works of Foreign Thinkers (On the Example of Works of A. Comte, K. Marx, G. Spencer, M. Weber). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 345–348 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-345-348

УДК 323.1

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере чеченской диаспоры в Саратовской области)

В. Г. Семенова, Г. Н. Сайханов

Семенова Вера Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, semenovavg@mail.ru

Сайханов Гаирбек Нуридович, магистрант направления подготовки «Политология», профиль «Политическое управление этноконфессиональными процессами в регионах РФ», Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gairbek64@yandex.ru

Статья посвящена актуализации проблем национальных диаспор в России и исследованию особенностей институционального оформления данного общественно-политического института в современной России. На примере формирования и функционирования Представительства Главы Чеченской Республики в Саратовской области авторы показывают одну из тенденций централизации и регламентации деятельности национальной диаспоры в современном региональном политическом процессе, что является неотъемлемой частью проводимой национальной политики.

Ключевые слова: диаспора, диаспоральные институты, национальная политика, национальные интересы, межэтнические взаимоотношения.

Specific Features of Institutional Design of Diaspora Communities in Modern Russia (On the Example of the Chechen Diaspora in Saratov Region)

V. G. Semenova, G. N. Saykhanov

Vera G. Semenova, ORCID 0000-0003-3224-5822, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, semenovavg@mail.ru

Gairbek. N. Saykhanov, ORCID 0000-0002-8883-4370, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gairbek64@yandex.ru

The article is devoted to the actualization of the problems of national diasporas in Russia and the study of the features of the institutional design of this socio-political institution in modern Russia. On the example of the formation and functioning Of the representation Of the head of the Chechen Republic in the Saratov region, the authors show one of the trends of centralization and regulation of the national Diaspora in the modern regional political process, which is an integral part of the national policy.

Key words: Diaspora, Diaspora institutions, national policy, national interests, interethnic relations.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-349-353

В современном мире значительно увеличилась интенсивность миграционных процессов, в силу чего резко возрастает роль особых этнических

общностей, называемых диаспорами. Диаспоральность становится фактором усиления социальной дифференциации и четкого разграничения культурных границ, что стало возможным благодаря устойчивости и замкнутости этнических сообществ, в которых воспроизводятся характерные им традиционные отношения. Формально принимая гражданство стран приема, представители определенных сообществ не разделяют их гражданских и культурных ценностей, они поддерживают свою идентичность нередко посредством постоянных связей с исторической родиной и не стремятся интегрироваться в чуждые для них общественные институты и отношения.

Подобные проблемы возникают не только на примере стран, принимающих иностранных граждан, но и на опыте государств, сформированных на принципах многонациональности и поликонфессиональности. К последним традиционно относится и Россия, где, по данным переписи населения 2010 г., проживает более 193 национальностей. На протяжении долгих лет в нашей стране существуют понятия внутристрановой миграции и национальных диаспор с ареалом своего исторического расселения в пределах границ Российской Федерации. Однако, несмотря на общую историческую судьбу и гражданскую идентичность народов России, достаточно часто возникают конфликты на почве этнической нетерпимости. Виною тому многолетнее невнимание государства к накопившимся проблемам интеграции диаспор, что порой ведет к скрытой дискриминации и способствует нарастанию неравенства. В этих условиях возрастает опасность этнополитической конфликтности диаспор, которая может привести к мобилизации меньшинств под началом этнических и религиозных фундаментальных взглядов. Все это делает проблему всестороннего изучения механизмов институционализации и функционирования этнических диаспор чрезвычайно актуальной для современной российской политической теории и практики.

Однако отечественные политологи обходят стороной процессы институционального оформления диаспор в силу неоднозначности и дискуссионности определения самого термина «национальная диаспора». Действительно, в науке существует множество различных исследовательских мнений и позиций по поводу универсальных критериев определения, признаков, видов и иных аспектов существования национальных диаспор.

Одним из самых популярных определений диаспоры является следующее: это этническая общность, расположенная в иной этнической среде, либо население страны, которое этнически и культурно принадлежит другому государству¹. С одной стороны, такое понимание диаспоры предоставляет максимально широкие возможности для изучения процессов формирования и функционирования диаспор в современном обществе. С другой стороны, такой подход вызывает и определенные вопросы, например: можно ли говорить о диаспорах иммигрантов, можно ли относить к диаспоре этническую общность, локально проживающую на территории другого региона внутри своей страны или потерявшую основное место проживания из-за перемещения государственных границ или других исторических обстоятельств. Эти и другие дискуссионные положения заставляют многих исследователей скептически относиться к понятию диаспоры как научной дефиниции, называя ее, скорее, полемической категорией, широко используемой в журналистике, истории и т. д.². Другими словами, «диаспора» стала просто популярным словом, которое принято использовать, когда дело касается этнических групп.

Известный исследователь-этнолог В. А. Тишков саму концепцию «диаспоры» называет условной в силу необъективности используемых критериев оценки, не учитывающих исторической, ситуационной и личной идентификации людей³. Диаспора, по его мнению, это «культурно-своеобразное сообщество на основе идей об общей родине, формирующее коллективную связь, групповую солидарность и демонстрированное отношение к родине. Если таких характеристик нет, тогда нет диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль поведения в жизни, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность, и это явление отличается от остальной части обычной миграции»⁴.

По словам Т. Полосковой, «определение понятия диаспоры должно начинаться с идентификации системообразующих характеристик, которые включают: 1) этническую идентичность; 2) сообщество культурных ценностей; 3) социокультурную антитезу, выраженную в стремление сохранить этническую и культурную идентичность; 4) представление (чаще всего в форме архетипа) о существовании общего исторического происхождения. С точки зрения политического анализа, определяющего место диаспор в системе политических институтов, важно не только осознать самосознание диаспоры, той части населения, которая живет в другом государстве, но и наличие стратегии для ее собственных отношений с государством и его исторической родиной (или его символом), формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности. Другими словами, диаспора, в отличие от

этнической группы, всегда является политизированным институтом»⁵.

С нашей точки зрения, такая семантическая многозначность изучаемого термина связана с тем, что использование данного термина было попыткой объединить все возможные процессы этнического разъединения. Это относится и к «старым» этническим образованиям (так называемым историческим или классическим диаспорам), и к «новым» формам рассеивания, которые стремятся сохранить свою этническую изоляцию и создать собственные отличительные черты.

Примечательно и то, что в российском федеральном законодательстве также отсутствует определение статуса диаспоральных объединений. Нормативное использование термина «диаспора» можно проследить, главным образом, в подзаконных актах, где встречаются такие понятия, как «национальная диаспора», «русская диаспора», «этническая община», «культурная и этническая община»⁶. Правовой аспект деятельности диаспоры определяется в соответствии с критериями, содержащимися в Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (с изм. от 02.06.2016) «Об общественных объединениях»⁷, который не обособляет диаспоральные объединения. По справедливой логике закона, диаспоральные объединения являются общественными организациями, и существующие нормы закона способны регулировать их в общем порядке. Однако на практике государственные органы ведут плотную политику в отношении российских диаспорных институтов и общин, которая зачастую заключается в статистическом анализе и особом надзоре за «проблемными» национальными меньшинствами в регионах РФ. Как отмечают некоторые исследователи, государственная политика превалирует в плане разрешительно-запретительных взаимоотношений с диаспорами.

Среди основных политико-правовых шагов государства на пути определения направлений национальной политики и вынесения диаспорных институтов за рамки общего права можно считать следующие нормативно-правовые акты: Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»; Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом»; Постановление Правительства РФ «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом»; Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Программы работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2013–2014 годы» и др. В российских регионах также имеются собственные региональные законодательные акты, регулирующие национальную политику в субъекте Федерации и определяющие формы взаимодействия за пределами региона.

Подобная терминологическая неоднозначность и правовая многозначность отчасти тормозит

зят концептуализацию национальных диаспор с учетом современных условий и тенденций политического развития. Однако практика последних лет в некотором смысле опережает науку, которая фактически не дает серьезных оценок новым тенденциям. То обстоятельство, что диаспоры начали сращиваться с государственными структурами по собственной инициативе, а не по директивному усмотрению, с нашей точки зрения, свидетельствует о заинтересованности некоторых российских диаспор в получении качественного иного политического статуса.

Одним из таких примеров получения особого политического статуса можно считать институционализацию чеченской диаспоры в регионально-политическом пространстве современной России. Дело в том, что на уровне Федерации фактически нет норм, предполагающих образование диаспоральных институтов от лица одного региона России на территории других регионов. Однако в 2013 г. появилось Представительство Главы Чеченской Республики в регионах РФ во главе с полномочными представителями, назначаемыми непосредственно главой Чеченской Республики. То есть, по существу, возник абсолютно новый политический институт, который официально входит в структуру Правительства Чеченской Республики, но в то же время позиционирует себя как диаспору. Саратовская область стала пилотным регионом, поскольку данный институт начал свою работу именно здесь⁸.

Практика назначения полномочных представителей главы Чеченской Республики на уровне федеральных округов и отдельных субъектов Российской Федерации является совершенно новым форматом объединения и представительства интересов этнических чеченцев вне своей исторической родины.

Необходимо отдельно отметить, что до 2013 г. неформальная должность главы чеченской диаспоры в Саратовской области, как и во многих других регионах, условно считалась выборной. Согласно распространенному представлению, актив диаспоры на своих особых собраниях мог выдвинуть подходящую кандидатуру для исполнения функций первого лица диаспоры. Зачастую исполняющий роль главного лица в диаспоре мог взять на себя лишь формально-представительский функционал, например, организацию культурных мероприятий, присутствие на официальных встречах и посредническую деятельность в некоторых вопросах.

Примечательно, что роль функционера диаспоры являлась переходящей между людьми из одного круга общения. Разумеется, перечисленный перечень решаемых вопросов являлся вполне достаточным для любой национально-культурной автономной организации. Наиболее острые вопросы, особенно в период военного конфликта в Чеченской Республике, решались чеченской диаспорой обща. Номинально возглавляющее националь-

ную общину лицо не всегда обладало должным авторитетом и ресурсами для разрешения конфликтных ситуаций и решения проблем беженцев. Большинство проблем диаспоры, в особенности серьезные экономические и политические вопросы, решались местными чеченскими предпринимателями, которые в том числе активно взаимодействовали с областной администрацией⁹.

Однако такой порядок вскоре себя изжил, так как перестал отвечать вызовам и реалиям нового времени. Чеченское диаспорное объединение в Саратовской области начало терять свою прежнюю значимость ввиду возникновения ряда обстоятельств:

- 1) прекращение активной фазы военных действий в Чеченской Республике;
- 2) укрепление власти пророссийской администрации в республике;
- 3) признание чеченского лидера Р. А. Кадырова влиятельным политиком в России и зарубежных странах;
- 4) транспортная доступность Чеченской Республики;
- 5) массовый отток чеченцев на родину и др.

Первое обстоятельство способствовало возвращению чеченцев в русло нормального гражданского процесса, поскольку отпала острая необходимость жизни в тесной общине в целях защиты своих законных прав и интересов. Необходимость самоорганизации по принципу этнической принадлежности была обусловлена устойчивыми отрицательными стереотипами по отношению к выходцам из Чеченской Республики. После окончания активной фазы военных действий в Чечне ситуация начала меняться в лучшую сторону.

Второе обстоятельство привело к тому, что отношение органов власти в регионах России к чеченцам также начало меняться в лучшую сторону. Стало формироваться настороженно-бдительное отношение правоохранительных органов к выходцам из Чечни.

Третий пункт можно назвать ключевым в плане того, что именно благодаря данному обстоятельству чеченские диаспоральные организации в прежнем формате в регионах перестали быть необходимыми. Ввиду возросшего влияния руководителя республики чеченская диаспора получила возможность обращаться по своим вопросам напрямую к руководству Чечни.

Четвертый пункт также весьма важен в деле разрушения сплоченных чеченских общин в регионах России. Окончание военных действий значительно упростило выходцам из Чеченской Республики путь на родину. Данное обстоятельство позволяет чеченцам поддерживать тесные связи с родиной, а власти республики дают понять, что готовы работать с выходцами из республики по всему миру.

Пятый пункт объективно ослабил позиции организационных структур чеченской диаспоры в силу дефицита человеческих ресурсов, что при-

вело к уменьшению и ослаблению организационного актива чеченской диаспоры в регионах РФ.

Однако, несмотря на отсутствие прежнего запроса, диаспорные институты на территории Саратовской области не переставали функционировать, переключив свое внимание на пребывающую из Кавказского региона студенческую молодежь. Но известные события в г. Пугачеве стали неким катализатором резких изменений, реформирования основного диаспорального института, поскольку возникла необходимость в профилактике подобных ситуаций¹⁰. Пугачевские события произошли в июле 2013 г., но уже в августе того же года Указом № 140 Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова было учреждено постоянное представительство Чеченской Республики в Саратовской области¹¹. С этого момента чеченская диаспора в области полностью утратила принципы самоорганизации и стала подконтрольна решениям властей родной республики.

Если внимательно проанализировать учредительные документы Представительства Главы Чеченской Республики в регионах РФ, то основной декларируемой задачей Представительства называется взаимодействие органов власти Чеченской Республики с органами власти регионов РФ в целях сотрудничества по ряду общественно значимых направлений: социально-экономическому, научно-техническому и сферы культуры.

Согласно официальной информации, Представительство Главы Чеченской Республики оказывает содействие в организации и проведении консультаций, семинаров, конференций по актуальным экономическим, культурным вопросам и информационному обеспечению; способствует развитию гуманитарных, научно-технических, культурных, туристических, спортивных и хозяйственных связей между Чеченской Республикой и субъектами Российской Федерации; выполняет поручения Главы Чеченской Республики, Правительства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации¹².

Представительство Главы Чеченской Республики в регионах РФ имеет следующие структурные особенности:

- управление на уровне федерального округа осуществляет назначаемый и освобождаемый от должности Главой Чеченской Республики представитель;

- кандидатуры на назначение и освобождение от должности представляет министр Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации;

- выдвижение кандидатов для осуществления представительства Главы Чеченской Республики на уровне субъектов относится к компетенциям полномочного представителя Главы Чеченской Республики в федеральном округе;

- утверждает кандидатов профильное министерство в Чеченской Республике¹³.

Таким образом, мы можем сказать, что институт Представительства имеет четкую структурную иерархию и полностью подотчетен Главе Чеченской Республики и профильному министерству Правительства Чеченской Республики. В этой связи чеченская диаспора в Саратовской области представлена формальным и зависимым от внешнего субъекта политики институтом. Местной общине не предоставлены рычаги для прямого воздействия на проводимую Представительством деятельность. Руководство Представительства назначается и освобождается от должности формально, это вполне может произойти вопреки позиции диаспоры. Прежние формы организации диаспоры, во многом неформальные, были вытеснены новым институтом, имеющим бюджетное финансирование и другую поддержку со стороны официальных властей Чеченской Республики. В связи с этим у некоторой части представителей чеченской диаспоры и сторонних наблюдателей может возникнуть восприятие данного Представительства как навязанного извне формата, который не отвечает интересам местных жителей, многие из которых проживают в Саратовской области большую часть своей жизни. Так, в настоящий момент, согласно данным Представительства, в Саратовской области зарегистрированы порядка 18 тыс. выходцев из Чеченской Республики, тогда как во всем Приволжском федеральном округе – всего 34 тысячи, благодаря чему Представительство Главы Чеченской Республики в ПФО расположено в Саратове, а не в Нижнем Новгороде¹⁴.

В целях оценки эффективности деятельности Представительства Главы Чеченской Республики на территории Саратовской области нами был организован онлайн-опрос общественного мнения в группе «Саратовские Вайнахи» в социальной сети «ВКонтакте», в рамках которого было опрошено 253 человека¹⁵. Социологический опрос показал, что большинство не совсем четко понимают работу Представительства Главы Чеченской Республики в регионе. Многие из опрошенных чеченцев назвали в качестве приоритетных направлений для себя те вопросы, которыми Представительство занимается в меньшей степени. Более того, респонденты выразили желание принимать участие в выборах полномочного представителя Главы Чеченской Республики в Саратовской области. Однако должность полномочного представителя не является выборной.

Проведенное исследование позволяет выделить основные направления реформирования деятельности института Представительства Главы Чеченской Республики с целью повышения эффективности его деятельности:

- расширение сферы деятельности и перечня проводимых мероприятий на постоянной основе;

- повышение профессионализма сотрудников Представительства;

- работа в социальных сетях;
- выстраивание постоянной и прочной коммуникации со всей чеченской диаспорой региона;
- введение процедуры выборности полномочного представителя Главы Чеченской Республики в регионах.

Однако, несмотря на все свои проблемы и недочеты в деятельности, Представительство Главы Чеченской Республики в Саратовской области предельно эффективно реагирует на вопросы межнационального согласия в регионе. Анализ контента на официальном сайте Представительства подтверждает данную версию.

Подводя итоги, можно сказать, что данный политический институт, выполняющий диаспоральные функции, является новой формой политической институционализации, но, вероятно, имеет все основания для дальнейшего развития. С возникновением Представительства Главы Чеченской Республики чеченская диаспора в регионах России получила возможность косвенной коммуникации с властями родной республики и получения должной поддержки от централизованной силы в случаях острой необходимости. Также и сама диаспора, лояльно настроенная к властям Чеченской Республики, способна оказать поддержку властям родной республики в случае такого запроса от главы региона. Практика показывает, что чеченская диаспора в российских регионах и за рубежом откликается на просьбы властей Чеченской Республики публично солидаризироваться с ними по тем или иным вопросам.

С нашей точки зрения, основная задача нового политического института на современном этапе – это выработка эффективных механизмов взаимодействия не только с органами исполнительной власти региона, но и с различными институтами гражданского общества, представителями иных этнических групп, а также формирование открытости и прозрачности своей деятельности. Новый формат по жесткой централизации управления национальной диаспорой оправдывает себя в кризисных ситуациях, однако в условиях политической и экономической стабильности может стать препятствием для отстаивания своих этнических интересов. Активное включение в региональный общественно-политический процесс, а также возвращение некоторых практик по самоорганизации и самоуправлению представителей национальной диаспоры может стать определенным шагом к повышению эффективности реализации

основных целей и задач национальной политики в Российской Федерации.

Примечания

- 1 См.: Пядухов Г. А. Социально-пространственный дискурс конфликтогенности внешней трудовой миграции // Региональная социология : проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин. М. : Новый Хронограф, 2015. С. 347–378.
- 2 См.: Гаджиев К. С., Соловьев Э. Г. Национальная идентичность : концептуальный аспект // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 3–16.
- 3 См.: Тишков В. А. Этнополитология сегодня (интервью) // Политическая наука. 2011. № 1. Этничность и политика. С. 264–276.
- 4 Там же. С. 267.
- 5 Полоскова Т. Современные диаспоры : внутривнутриполитические и международные аспекты. М. : Научная книга, 2002. С. 43.
- 6 См.: Арутюнян Ю. В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социс. 2013. № 7. С. 34–44.
- 7 См.: Об общественных объединениях : федер. закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.
- 8 См.: Представительство Главы Чеченской Республики в Саратовской области : [сайт]. URL: <http://saratovchecnia.rf/predstavitelstvo/o-predstavitelstve.html> (дата обращения: 05.04.2018).
- 9 См.: СРОО «Вайнах» (Наши Люди) : [сайт]. URL: <https://sbis.ru/contragents/6450089747/645001001#msid=s1484500254227> (дата обращения: 09.04.2018).
- 10 См.: Бунт в Пугачеве : хроника событий. URL: <https://rg.ru/2013/07/11/hronika-site.html> (дата обращения: 19.04.2018).
- 11 См.: Представительство Главы Чеченской Республики в Саратовской области.
- 12 Там же.
- 13 См.: Структура Министерства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. URL: <http://minnac-chr.ru/ministerstvo/structure> (дата обращения: 24.04.2018).
- 14 См.: «Оставьте нам стволы и уезжайте» // Общественное мнение : [сайт]. URL: <https://www.om-saratov.ru/publikacii/12-August-2013-i3015-ostavte-nam-stvol-y-i-uezjaite> (дата обращения: 26.04.2018).
- 15 См.: SaratovskieVaynahi. Группа в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/saratovskie9506> (дата обращения: 29.04.2018).

Образец для цитирования:

Семенова В. Г., Сайханов Г. Н. Особенности институционального оформления диаспоральных сообществ в современной России (на примере чеченской диаспоры в Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 349–353. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-349-353

Cite this article as:

Semenova V. G., Saykhanov G. N. Specific Features of Institutional Design of Diaspora Communities in Modern Russia (On the Example of the Chechen Diaspora in Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 349–353 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-349-353

УДК 323.1:329(470+571)

ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОДХОДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

И. В. Бахлов, О. В. Бахлова

Бахлов Игорь Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск, olga.bahlova@mail.ru

В статье исследуются позиции политических партий Российской Федерации по вопросам идеологического обоснования нациестроительства в России. Акцентируется уязвимость данного измерения с учетом отечественного опыта и современных реалий. Особое внимание уделено анализу программных документов партий-участниц парламентских избирательных кампаний. Показана многослойность соответствующих трактовок при выделении двух главных подходов. Первый – «патриотический» – объединяет партии разного спектра и распадается на несколько версий: «интернационально-патриотическую», «национал-патриотическую», «консервативно-патриотическую» и «рыночно-патриотическую». Второй подход – «универсалистский» – ассоциируется с умеренно-либеральной и радикальной интерпретациями. Грань между ними проводится в зависимости от отношения к действующей власти, сложившейся в стране ситуации, историческому прошлому, сути и содержанию нациестроительства.

Ключевые слова: гражданская нация, идеология, нациестроительство, политические партии, этнополитическая нация.

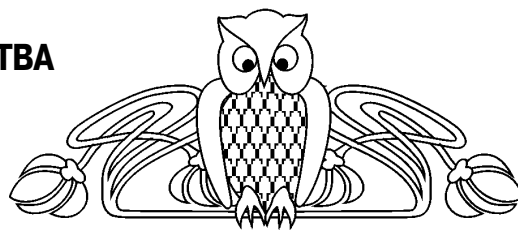
Fundamentals of the Ideology of Nation Building in Modern Russia: The Approaches of Political Parties

I. V. Bakhlov, O. V. Bakhlova

Igor V. Bakhlov, ORCID 0000-0001-6886-5762, National Research Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russia, bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova, ORCID 0000-0002-3849-8321, National Research Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russia, olga.bahlova@mail.ru

The article explores the positions of Russian political parties on the ideological basis of nation building in Russia. The vulnerability of this measure is emphasized, taking into account domestic experience and modern realities. Particular attention is paid to the analysis of program documents of parties participating in parliamentary election campaigns. The multilayeredness of the corresponding interpretations is shown in the selection of the two main approaches. The first – «patriotic» – unites parties of different spectrum and

breaks up into several versions: «international patriotic», «national patriotic», «conservative-patriotic» and «market-patriotic». The second approach – «universalist» – with moderate liberal and radical interpretations. The line between them is held depending on the attitude to the acting authorities, the situation in the country, the historical past, the essence and content of nation building.

Key words: civil nation, ideology, nation building, political parties, ethnopolitical nation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-354-362

Нациестроительство как процесс становления и эволюции этнополитической/гражданской общности, объединенной в пределах одного государства особыми, органично присущими ей отличительными признаками, предполагает обращение к идеологической составляющей. В теоретическом дискурсе сложилось достаточно много моделей (политологическая, идеологическая, конструктивистская и проч.)¹, представители которых по-своему объясняют его содержание, механизмы, динамику. Однако, даже признавая, например, доминирующую роль материальных и тому подобных факторов, невозможно отвергать значение для этого процесса и управления им естественно формирующейся или специально создаваемой системы идей, ценностей и т. п. Подобная система выполняет интегративную, программно-целевую и другие функции, позволяющие ввести его в более строгие рамки, задать вектор развития. Понятно, что приоритет здесь принадлежит силам и группам, обладающим политическим влиянием, способным не только заявить о себе, но и привлечь на свою сторону существенную часть населения, например, политическим партиям и прочим общественным организациям. Их активность возрастает, прежде всего, в ходе выборов общегосударственного уровня, когда, по сути, формулируются оценки предшествующего, зачастую весьма длительного этапа в масштабах страны, а также заявляются некие ориентиры на будущее, декларируемые как стратегические, хотя данными политическими акторами они могут восприниматься как тактические, временные и необязательные. Главное – привлечь внимание электората, обеспечить его заинтересованность и, как следствие, поддержку, выражаемую желаемым количеством голосов. Потому нередко предлагаемые такими игроками платформы носят заведомо популистский характер и имеют эмоциональную окраску.

В российских условиях идеологическое измерение нациестроительства довольно уязвимо. Во-первых, многие его технологии связаны с национализмом, его продвижением и утверждением в разных вариантах (евронационализмом и проч.), что ввиду полиэтничности состава населения создает дополнительные трудности и требует соответствующего инструментария, опять же, возможного только внутри специфических институций (имперской формы, жесткого режима и проч.). Во-вторых, названное обстоятельство вкупе с пространственной протяженностью государства и диспропорциями территориального развития не исключает и даже может провоцировать «национализм периферии» как протест против «большой» нации². На фоне ослабления центральной власти и социально-экономического кризиса он проявляется особо наглядно, что было продемонстрировано, в частности, «сепаратизацией» регионов РФ в период 1990-х гг. В-третьих, артикуляция идеологического компонента в постсоветской России с учетом наследия советского прошлого и трендов современного публичного дискурса³ недостаточно востребована, порой политически нецелесообразна, а также сдерживается конституционными и другими законодательными ограничениями. Весьма сложно добиться признания универсальности определенной программной позиции. Таким образом, рассматриваемое измерение представляет собой сферу, где пересекаются разные взгляды, предпочтения, ожидания, при том что нациестроительство требует и значительной степени нормативности и даже унифицированности. Между тем заметно внимание к обсуждению вопросов вероятного придания едва ли не официального статуса идеологии патриотизма и формирования соответствующей национальной идеи. Показательным его срезом являются дискурсивные практики политических партий, участвующих в избирательных кампаниях федерального уровня. Анализ их программных позиций можно провести с учетом нескольких критериев, в первую очередь наличия/отсутствия у партии представительства в парламенте, ее отношения к социальной действительности и к действующей власти, а также по идейным основаниям деятельности. Но сейчас связь партий с «метаидеологиями» прослеживается далеко не всегда, их взгляды носят размытый или синкретический характер с точки зрения идеологической идентификации. Потому основным показателем будет выступать статус партии, дополняемый прочими индикаторами.

Парламентские партии

На протяжении последних электоральных циклов ведущие позиции в нижней палате Федерального собрания Российской Федерации неизменно сохраняют Всероссийская политическая партия «Единая Россия» («Единая Россия»,

ЕР), Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), Политическая партия «Справедливая Россия» («Справедливая Россия», СР). Следовательно, потенциально они оказывают наиболее заметное влияние на выдвижение законодательных инициатив в плоскости нациестроительства, разработку и утверждение его идеологических основ, приоритетов и механизмов реализации. Две партии, по итогам выборов 2016 г. получившие крайне скромное представительство в Государственной Думе благодаря своим одномандатникам (Партия «Родина» и Политическая партия «Гражданская Платформа»), фактически добились только расширения легальной площадки для формулирования и отстаивания своих взглядов и их закрепления в федеральном публичном дискурсе. Между тем проблематика нациестроительства в программных документах этих партий достаточно насыщена, чего нельзя сказать, к примеру, в отношении партии «конституционного большинства» – «Единой России». В ее предвыборной программе на выборах в Госдуму VII созыва содержатся, с одной стороны, довольно общие положения, выдержанные в духе модернизационной парадигмы, с другой – прагматично конкретизированные положения в социально-экономической сфере, звучные и могущие представлять значительный интерес для избирателей. Так, «единоросы» главным государственным приоритетом считают экономическое развитие и модернизацию России. Типичны для них выражения «современная индустриальная держава», «технологические рынки», «технологическая инициатива», «экономика будущего» и т. п., негативная оценка ситуации 1990-х гг. как полномасштабного кризиса и соответствующая постановка задач, в решении которых подчеркивается и роль самой ЕР (возрождение сильной государственности, укрепление суверенитета страны и проч.). В программе упоминается о необходимости активизации работы с соотечественниками, особенно на постсоветском пространстве. Идеал, предлагаемый «Единой Россией», выражается ориентирами, в известной степени свойственными либеральному консерватизму: «сильное, независимое, справедливое государство – для всех», «проведение последовательного курса на стабильность», «экономическая привлекательность», страна, «которую уважают, с интересами которой считаются, которая готова сотрудничать со всеми, кто разделяет общие цивилизационные ценности»⁴.

КПРФ свою позицию вполне предсказуемо выстраивает на базе приверженности марксистско-ленинскому учению. В ее программе констатируются нахождение России на крутом изломе своей истории, наличие системного кризиса. Возвращение к капитализму рассматривается

как путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе. Определяется альтернатива: великая держава и социализм или разрушение страны и превращение в колонию. В программе присутствует обширный исторический блок. В нем, в частности, отмечается уникальный вклад России в развитие человечества; будущее Отечества КППРФ призывает строить на прочном фундаменте исторической преемственности. Подчеркивается своеобразие российского общества ввиду сложного переплетения геополитического положения, национальных и экономических обстоятельств. основополагающими ценностями партией признаются общинность, коллективизм, патриотизм и некоторые другие. Постулируется, что указанные качества способствуют восприятию «освободительных и революционных идей». В целеполагании КППРФ прослеживается связь с «реставрационным» подходом к развитию ситуации на постсоветском пространстве: речь идет о борьбе за «воссоздание братского Союза советских народов»⁵.

Существенно внимание КППРФ к проблематике межнациональных отношений и к русскому вопросу. Многонациональная культура народов России мыслится как фундамент ее духовного возрождения, гордость и историческое достояние. Утверждается, что русские – самый крупный разделенный народ на планете, подвергаемый геноциду. Называется ряд негативных явлений в этом направлении (уменьшение численности, уничтожение культуры и языка и др.). Итоговый вывод, имеющий также идеологический подтекст, – «Задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей сути совпадают»⁶.

«Справедливая Россия», выдвигая лозунг «нового социализма», создает свой образ желаемого будущего России: «Сильная, свободная, справедливая Россия», понимаемая как гарантия общего будущего, сохранения национальной идентичности. Фундаментом будущего государства и важнейшим источником развития общества ей видится культура. Формулируется цель сохранения национальной культуры. Предлагаются меры по защите русского языка, по созданию условий для сохранения языков народов России, механизмов культурного обмена между ее народами, активизации просветительской работы среди населения, направленных на понимание особенностей национальных культур и религий населяющих РФ народов. Россия рассматривается как страна, которая смогла органично объединить разные народы, религии и культуры. Подчеркивается, что единство многонационального народа должно укрепляться общими ценностями, идеями, общегражданской идеологией. «Справедливоросы» выступают категорически против расовой и национальной исключительности, любых проявлений шовинизма и ксенофобии. В духе идеалов социал-

демократии в ее программе обосновывается необходимость содействия политического курса, социальных отношений и информационной политики утверждению идей социальной солидарности, коллективизма, взаимопомощи, патриотизма, уважения к духовной жизни, творчеству и культурному наследию. Намечается принять специальные программы по обеспечению интеграции и социализации мигрантов, привлекать представителей национальных диаспор к культурно-просветительской работе среди мигрантов для их адаптации к национальным традициям России, активно защищать права соотечественников и проч.⁷

Весьма насыщенными в анализируемом нами ракурсе являются программные документы ЛДПР, в которых наблюдается причудливое сочетание идей национализма, правого популизма, либерального консерватизма, антикоммунизма и др. Целью ЛДПР провозглашается благо России – великого государства с тысячелетней историей. Выдвигается лозунг «России пора строить русский дом». В основе теоретической базы «новой национальной политики» видится признание русского народа в качестве государствообразующего. Вводится также геополитическая составляющая – указание на «врагов России», использующих национальный вопрос «как слабое место российской государственности». С позиции ЛДПР, необходимо «воспитание» новой, некосмополитичной, русской элиты. ЛДПР формулирует несколько внутренних законодательных инициатив в РФ, ориентированных на решение русского вопроса, в том числе закрепление конституционного статуса русского народа на всей территории России, принятие законов «О государственной поддержке русского народа», «Об особом статусе русского языка», «О русском национальном самоуправлении» и др.

При этом «либерал-демократы» причисляют себя к умеренным силам и заявляют о неприятии радикализма (так, в качестве негативного примера ими приводится Украина). «Русский дом» позиционируется ими как большой – «больше самой России», включающий в себя русских, живущих в любой другой части бывшей Российской империи и Советского Союза, а также он «шире одной только русской национальности» и «готов принять всех, кто хочет мирно жить с нами». Одновременно предлагается отказаться содержать «братские народы» и «подумать о себе». ЛДПР настаивает на необходимости пропаганды Россией своих ценностей и интересов на территории СНГ и соседних стран, внедрении полного цикла гуманитарного обмена – в целом «действовать в пользу русского народа и русской культуры, чтобы отстоять русский мир». Российская государственность, как подчеркивается в предвыборной программе партии 2016 г., «должна быть сцементирована монолитной национальной волей, источником которой может быть

только русский народ» и быть «колыбелью нового, более справедливого общества, которое обеспечит свободное развитие и достойную жизнь для каждого гражданина России».

Видение «либерал-демократами» процесса нациестроительства затрагивает и сферу федеративной политики. На протяжении длительного времени они призывают к ликвидации национально-территориального принципа устройства РФ и ее преобразованию в унитарное государство⁸.

Итак, практически все ведущие российские партии, располагающие фракциями в Госдуме, находятся на платформе патриотической и гражданской идеологии нациестроительства безотносительно к их политическим убеждениям и месту в партийном спектре. Однако несколько более акцентированной для них в этом ракурсе является степень участия во власти. Собственно «партия власти» – ЕР, если судить по содержанию ее программных документов, воспринимает проблему скорее нейтрально и апеллирует по преимуществу к «общим» ценностям, пропагандируя установки модернизационной парадигмы.

Иные партии

К другой группе отнесем партии, не имевшие ранее или утратившие значимое представительство в нижней палате федерального парламента, включая партии «Гражданская Сила» и «Родина», представленные в Госдуме текущего созыва одномандатниками. Основными критериями внутренней дифференциации здесь будут выступать участие партии в избирательной кампании 2016 г. (общий критерий) и определенные идеологические воззрения. В данном случае прослеживается деление с той или иной долей условности российских партий на левые/левоцентристские, нередко именуемые «народно-патриотическими силами», и либеральные, со своей градацией.

Одной из самых активных в рассматриваемом ключе является партия «Родина», усматривающая необходимость новых способов решения национальных и глобальных задач. Партия попыталась сформулировать альтернативу для страны, выступив против «любых попыток вернуть Россию на гибельный “либерально-прозападный” путь». Она четко сформулировала свою позицию по нациестроительству. Так, один из ориентиров ее предвыборной программы 2016 г. – «укреплять и развивать народное единство России, исходя из того, что все граждане нашей страны – единая политическая нация». Национальная политика, как сказано в предвыборном манифесте, должна базироваться на принципах общенациональной солидарности и единства полиэтнического национального государства. Одновременно партия настаивает на законодательном признании государствообразующей и цивилизационной роли русского народа

как залога стабильности и успешного развития России. Провозглашая себя последовательной сторонницей объединения русского мира, «Родина» заявляет о поддержке «Русской весны», возвращения Крыма и Севастополя в Россию и республик Новороссии. Также она выражает намерение добиваться международного признания русского народа «разделенным народом» и его права на воссоединение в своих естественных исторических границах. Партия выступает за возвращение России статуса сверхдержавы и подтверждает верность патриотическим идеалам⁹.

Детализированное разъяснение позиции по нациестроительству включено в программу «Родины» 2013 г. Вместе с тем следует заметить, что это – нетипичный партийный документ. Она представляет собой изложение программных статей Президента РФ В. В. Путина по анализируемой проблематике и основателя партии Д. О. Рогозина. Партия разделяет позицию президента, отмечающего фундаментальность национального вопроса, «провал мультикультурного проекта», за которым «стоит кризис самой модели “национального государства” – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности». Россия определяется как «историческое государство», «государство-цивилизация», способное «органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий». Возникшие национальные проблемы выводятся из разрушения СССР, по сути, исторически – большой России, из увлечения борьбой с «союзным центром», «затейми с суверенитетами». Особый подход изложен по русскому вопросу. С одной стороны, утверждается, что стержень, скрепляющий ткань «уникальной цивилизации» – русский народ, русская культура, с другой – отвергаются попытки «проповедовать идеи построения русского “национального”, моноэтнического государства». Подчеркивается, что самоопределение русского народа давно состоялось, это – «полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». Носителями русской культурной доминанты, находящейся в основе цивилизационной идентичности, считаются не только этнические русские, но все носители такой идентичности независимо от национальности. Отмечается необходимость стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме. Еще одна важная принципиальная корреляция в плоскости национального вопроса – между системными проблемами общества и межнациональной напряженностью. Эффективными инструментами в этой сфере могут выступать «сильные институты», диалог с национальными, общественными объединениями, укрепление ценностных ориентиров, работа традиционных религий в разных областях с сохранением светского характера государства¹⁰.

Лейтмотив программной статьи Д. О. Рогозина – «Сбережение, преумножение и развитие нации в едином и сплоченном государстве». В нацию им включаются не только граждане России, но и те, «кто любит Россию и ощущает духовное родство с ее культурой, историей, народом», в первую очередь соотечественники, не по своей воле оказавшиеся за рубежами Родины. Репатриация русских, на его взгляд, может положить предел размыванию этнического ядра России. Необходимо сбережение нации как воссоединения народов, имеющих опыт совместной жизни и общей судьбы, для чего «нужно иметь притягательный центр – образец коренной России». Предполагается, что в процессе воссоединения родится новая политическая нация, которая «сможет сохранить свое суверенное государство и выжить в безжалостной геополитической конкуренции»¹¹.

Сходной с «Родиной» можно признать позицию партии «Патриоты России». Ее идейной основой провозглашается российский патриотизм, трактуемый как новая идеология, способная объединить российское общество для достижения общенациональных целей и задач. В понятие «патриотизм» включаются в том числе: искренняя и бескорыстная любовь гражданина к своей стране, ее многонациональному народу, уважительное отношение к культуре, традициям, историческому прошлому России, каждой нации и народности, проживающей на территории страны; выражение и реализация национально-государственных интересов страны ее элитой, представителями всех ветвей власти, политическими и общественными движениями. В качестве главных ценностей «Патриотов России» закреплены: государственность России, ее независимость и безопасность, суверенитет, территориальная целостность, экономическое и оборонное могущество; мир – международный, гражданский, межнациональный, межконфессиональный; многонациональная культура народов России как неотъемлемая часть общемировой культуры. Заявлено о несовместимости российского патриотизма с неуважением к истории и культуре России; фашизмом, шовинизмом, национализмом и расизмом, религиозным фанатизмом и экстремизмом, «культурой саморазрушения» и др.

В партийном документе прослеживается диалектическая связь «Великого прошлого», «Противоречивого настоящего» и «Процветающего будущего». «Патриоты России» отмечают, что Россия – это «уникальная тысячелетняя цивилизация, выработавшая собственные основы взаимовыгодного совместного проживания разных народов, культур и конфессий». Достаточно много говорится о достижениях советской эпохи. Применительно к настоящему отмечается отсутствие у большинства граждан представлений о векторе движения страны, сути строящегося государства, места РФ в глобальном мире и проч.

Тем не менее, «Патриоты России» уверены в том, что в перспективе Россия «не только будет занимать достойное место в числе самых развитых, сильных и социально ориентированных стран, а и явит образец нового мировоззренческого, политического и экономического уклада для всего мира». В программе указывается на формирование в историческом коде народа и его ментальности «стремления быть первыми». Однако пока, на взгляд партии, построенное в России государство и общество представляют собой «худшую копию устаревших западных моделей». Они предлагают стратегию построения «нового государства и нового общества». Их идеал – независимая, сильная, влиятельная, справедливая, экономически мощная Россия. «Патриоты России» обращаются к широкому пространственно-контексту реализации намеченной стратегии, поддерживая формирование на территории бывшего СССР Единого евразийского союза и его ускоренное развитие, а также присоединение к единому евразийскому пространству новых государств Азии и Европы¹².

Интернациональный аспект с патриотическим оттенком присутствует в позиции Коммунистической партии «Коммунисты России», обосновываемой ссылками на теорию научного коммунизма, диалектического и исторического материализма. В оценке происхождения партия базируется на классовом подходе. «Коммунисты России» называют себя интернационалистами, выступающими против всех форм национального угнетения, проявлений шовинизма, ксенофобии и великодержавности, за принцип равноправия наций и народов. Одновременно они говорят о себе как о патриотах Отечества, стремящихся к возвращению России статуса великой мировой державы, сохранению и приумножению духовных богатств России, многоязычия и культуры ее народов. Стратегическими целями провозглашены возврат России на путь социалистического развития, построение коммунизма как будущего всего человечества¹³.

В предвыборной программе 2016 г. «Коммунисты России» заявили о необходимости разработки ряда инициатив в области национальной политики, а именно: советской по духу концепции, предполагающей равенство и дружбу народов, интернационализм, патриотизм, уважение к труду; закона «О защите русской культуры, языка и национальных культур и языков народов России»; комплексной программы патриотического воспитания молодежи¹⁴.

Российская экологическая партия «Зеленые», находящаяся скорее на центристских позициях, полагает, что возрождение страны возможно только на основе гармонии в развитии социально-политических, экономических и экологических процессов. Среди принципов ее идеологии – осознанная и деятельная гражданская позиция, национальная, религиозная и со-

циальная терпимость. Значимым компонентом является политика в сфере духовного и нравственного развития общества, в рамках которой планируются, помимо прочего, возрождение историко-культурных традиций народов России, разработка, внедрение и развитие национальной идеологии, использование всех средств воспитания, образования, агитации и пропаганды для конструктивного и позитивного развития и укрепления национальной духовности; развитие патриотического воспитания подрастающего поколения с установками на мирный труд, расовую, национальную и социальную терпимость, устойчивое развитие и экологическое мировоззрение. В целом «Зеленые» призывают к прогрессивному, качественному, а не количественному совершенствованию России¹⁵.

Политическая партия «Российская партия пенсионеров за справедливую жизнь» (Партия пенсионеров), базирующаяся на платформе социального консерватизма, выступает за устойчивое, поступательное развитие страны и достижение консолидации российского общества с целью укрепления российской государственности. Приоритеты партии следующие: государство – сильное, стабильное, эффективное, правовое, социальное; общество – гуманное, сплоченное, справедливое, патриотичное¹⁶.

Партии, рассматриваемые как либеральные, демонстрируют разнообразие суждений по проблематике нациестроительства, хотя в основном придерживаются либо западничества (более умеренного или более радикального), либо державничества с уклоном в патриотизм.

В идеологическом плане в позиции Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО» (РОДП «ЯБЛОКО») по вопросам общественного и государственного устройства, включая сферу нациестроительства, отражается влияние либерализма, прогрессивизма и даже евроатлантизма. «Яблочники» заявляют о себе как о «борцах» за сохранение и обновление России. Вместе с тем ими декларируется приверженность мирному и эволюционному пути, реформам, направленным не на разрушение, а на развитие уже имеющихся точек роста. Одним из ключевых механизмов восстановления «подлинной российской государственности» «ЯБЛОКО» признает созыв Учредительного собрания. «Яблочники» оперируют выражением «Великая Россия»; в их представлении она мыслится как «благополучная и безопасная страна, миролюбивая и свободная, мировой лидер в экономике и социальной политике, медицине и экологии, науке и технологиях, образовании и культуре». Мировое лидерство России, как отмечается в предвыборной программе «ЯБЛОКА» 2016 г., возможно при ее превращении в современное государство, которое будет продолжением гражданского общества. В плоскости внешней и интеграционной политики России предлагается от-

бросить «неоимперские подходы и вытекающие из них опасные геополитические фантазии». Заметное внимание «яблочниками» уделяется вопросам миграционной, национальной политики и исторической памяти. Здесь показательными можно считать несколько моментов. Во-первых, «ЯБЛОКО», в отличие от большинства других партий, акцентирует снятие миграционных барьеров для стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), хотя также допускает «миграционную амнистию» и предоставление гражданства переселившимся соотечественникам. Во-вторых, «яблочники», рассуждая о проблемах Севера, Сибири и Дальнего Востока, усматривают ухудшение положения малых коренных народов России и употребляют выражение «хищническая колониальная политика». В-третьих, они настаивают на переходе от колониальной, «кремлецентричной» концепции истории к «осознанию истории всех народов нашей страны как предыстории новой России» в целях взращивания чувства гражданской общности. Как и у многих других «либералов», в программных документах и заявлениях «яблочников» присутствуют клише о важности «преодоления большевизма и сталинизма в государственной практике», подмене истории России пропагандой и т. п.¹⁷

По сути, схожей идеологической конструкции придерживается Партия народной свободы (ПАРНАС), хотя она более склонна к условно консервативной версии либерализма. Многие ее оценки в исследуемом ракурсе близки или даже совпадают с позицией «ЯБЛОКА». Так, в своей предвыборной программе 2016 г. ПАРНАС констатирует «системный тупик» для России и предлагает «перезагрузку» системы. Также ПАРНАС еще более жестко настаивает на «системной декоммунизации» России, призывая «покончить навсегда» с наследием «советской репрессивной системы»¹⁸.

Основные приоритеты партии с привязкой именно к идеологическим воззрениям были зафиксированы в платформе «Демократической коалиции ПАРНАС» 2015 г. Платформа позиционируется как «обращенная в будущее»; «патриотическая», что мыслится как любовь к стране, но с признанием существующих проблем, уважением истории и намерением «восстанавливать преемственность с периодами исторических взлетов, решительно осуждая совершенные государством преступления», неприятием подмены патриотизма ксенофобией и шовинизмом и т. п.; «демократическая», «либеральная», «правовая», «социальная». В отличие от подавляющего большинства других партий-участников избирательной кампании 2016 г., «парнасовцы» дают практически полностью положительную оценку постсоветскому периоду в истории России, считая, что тогда «российское общество в целом двигалось в сторону современности», а поли-

тическая элита в XXI в. «ринулась в прошлое». ПАРНАС предложил «сделать страну открытой миру, а мир – открытым гражданам России» и отказаться от так называемых постимперских и постсоветских комплексов, которые якобы используются для мобилизации населения на противостояние с Западом, а также «мании имперского мессианства»¹⁹.

В то же время в партийном дискурсе современной России сложилась и умеренная праволиберальная версия с патриотическим подтекстом и консервативной составляющей. Прежде всего, она раскрывается в программных документах партий «Гражданская Платформа», «Гражданская Сила» и «Партия Роста».

«Гражданская Платформа» в своей предвыборной программе обозначила проблему выбора для руководства страны, пути ее развития, определения «врагов» и «союзников». Ею проводятся параллели с событиями начала прошлого века – Первой мировой войной и революционными потрясениями. В программе подчеркивается, что партия выступает «против революций и насильственной смены власти». Ее декларируемый ориентир – сильное государство, демократические ценности, законы в интересах всего общества²⁰. В базовой программе «Гражданской Платформы» 2016 г. наличествует более глубокое «погружение» в проблему. Приоритетными заявлены ценности гражданственности, персональной ответственности, личной свободы, деятельностного подхода, справедливой конкуренции, критического восприятия, свободы творчества, умения вести диалог и договариваться. Особо выделено указание в документе на длительную неразрывную связь Российской Федерации с прежними историческими воплощениями русской/российской государственности – она рассматривается как правопреемница Киевской Руси, Московского государства, Российской империи и Советского Союза. «Гражданская Платформа» акцентирует позитивный опыт России в плоскости благоприятного развития всех народов и этносов, выстраивания отношений равного партнерства, диалога культур и цивилизаций. Партия подчеркивает, что Россия никогда не была ни гегемоном, ни колонизатором, но использует выражение «великая страна». Центральный тезис ее программы – построение предлагаемой Платформы развития России на фундаменте цивилизационной российской идентичности. «Гражданская Платформа» настаивает на преодолении безоговорочного доминирования экономических и социально-политических институтов долларовой системы при укреплении институтов самобытной российской цивилизации, а также на активном диалоге с другими цивилизациями ради построения многополярного мира. Модернизация признается невозможной без раскрытия российской цивилизационной идентичности на основе развития сфер образования и культуры.

Утверждается, что формирование и поддержание общей системы ценностей зиждется на едином культурном коде. Весьма значимо программное положение «Без общих ценностей нет единой гражданской нации»²¹.

«Гражданскую Силу» отличает умеренно-позитивный взгляд на постсоветский период: «Мы построили на развалинах СССР новое государство и общество, новую экономику и армию, новое мировоззрение и культуру». Вместе с тем партия признает сложность процесса становления новой России (ввиду безапелляционной ориентации на западный опыт и проч.). Достигнутый итог – нахождение «правильного пути». Партия предлагает объединение ради развития. Большое внимание «Гражданская Сила» уделяет возвращению Крыма в состав России, ассоциируя его с возрождением России, трактуя как великое событие в нашей общей истории – не просто присоединение территории, некогда бывшей в составе Советского Союза и Российской империи, а возвращение «сына в большую семью российских народов», как торжество исторической справедливости. Особо ею подчеркивается легитимность воссоединения, состоявшегося по воле многонационального народа Крыма и бывшего истинным проявлением демократии. С другой стороны, «Гражданская Сила» выступила против возврата к советскому типу управления, против апологии эпохи застоя, за преодоление идеологии прежнего времени, считая, что страна должна быть обращена в будущее, а не в прошлое. Заявленные здесь ориентиры – продолжение курса на развитие России как рыночной и открытой миру экономики; возрождение российского федерализма, построение федерации «снизу вверх»²².

Аналогичные взгляды, но с более заметным акцентом на экономической сфере, содержатся в программных документах Всероссийской политической «Партии Роста». Так, провозглашая приверженность праволиберальным ценностям, она заявляет о себе как о партии рыночников-патриотов. Патриотизм, согласно программным тезисам, видится в том, чтобы сделать Россию экономически сильной и уважаемой в мире. Россия рассматривается как великая держава, при этом утверждается, что без открытой конкурентоспособной экономики невозможны национальный суверенитет, самостоятельная и независимая позиция на международной арене. «Партия Роста» позиционируется как партия «конструктивной оппозиции», выступающая против революций, за «рациональное, выверенное и эволюционное движение вперед»²³.

Анализ программных документов ведущих политических партий РФ не выявил безусловно жесткой и последовательной привязки их позиций в плоскости нациестроительства к той или иной идеологической платформе – либеральной, консервативной, социал-демократической

и других, несмотря на присутствие некоторых специфических положений. Более заметна она у партий праволиберальной ориентации. Скорее можно говорить о большем значении цивилизационного фактора в качестве детерминанты принципиальной в данном ключе позиции. С этой точки зрения в целом просматриваются два основных подхода: «патриотический» («державнический») и «универсалистский».

В рамках первого акцентируются особенности российской модели, Россия воспринимается как «государство-цивилизация», «историческое государство», которому на протяжении более чем тысячелетнего существования в разных формах было свойственно гармоничное сосуществование различных народов. Хотя здесь нередко наблюдается апелляция к идее русского народа как государствообразующего, подчеркивается общность идентичности и равенства, вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности. Пропагандируются гражданский патриотизм, идея политической нации.

Второй подход базируется на артикуляции необходимости открытости миру, отказа от «постимперских комплексов» и «мессианства», на отрицании особого «культурного кода» российского и других народов. Предлагаются декоммунизация и десоветизация общества и государства, дается позитивная оценка постсоветского периода в развитии страны. Несмотря на использование представителями второго подхода выражений «патриотизм», «патриотический» и т. п., они склонны настаивать на прозападном по сути векторе в области как внутренней, так и внешней политики. Типично внимание к перспективам либерализации миграционной политики в отношении государств-членов ОЭСР.

Первый подход доминирует в партийном дискурсе, хотя одновременно характеризуется более выраженной внутренней неоднородностью. Так, в нем можно выделить несколько версий: 1) «интернационально-патриотическую» (наиболее ярко представлена партией «Коммунисты России»); 2) «национал-патриотическую» (ЛДПР); 3) «консервативно-патриотическую» («Родина», «Патриоты России»); 4) «рыночно-патриотическую» («Гражданская Сила», «Гражданская Платформа», «Партия Роста»). В данном случае идеологические различия становятся более отчетливыми. Гораздо менее существенен фактор поддержки действующей власти и соответствующей стратегии позиционирования. В большинстве версий наблюдается положительное восприятие или даже рецепция программных положений официального дискурса по вопросам нациестроительства, в том числе закрепленным в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Показательно совпадение во многом формулировок целей, названных в Стратегии и в партийных документах (упрочение общероссийского

гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов и др.). Также следует обратить внимание на сходную трактовку Российского государства как единения народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ, акцентирование уникального культурного многообразия и духовной общности различных народов, единого культурного (цивилизационного) кода²⁴. Примечательно, что, пожалуй, наиболее «обезличенной» в идеологическом плане выглядит позиция доминирующей партии – «Единой России», в предвыборные программные документы которой соответствующие установки либо напрямую не включены, либо переданы через более общие выражения. Таким образом, в анализируемом ракурсе можно говорить скорее об отсутствии иницирующей роли у политических партий. Собственно идеология нациестроительства, пропагандируемая и разделяемая ими, представляет собой совокупность так или иначе адаптированных к модифицированным идеологическим конструкциям и потребностям политической акторности взглядов из арсенала высшего политического руководства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А).

Примечания

- 1 См., например: *Бойко С. И.* Концепт нации : теоретические предпосылки // Политологическая концептология. 2014. № 4. С. 68–103.
- 2 См.: *Кара-Мурза С. Г.* Национализм как идеология // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2014. Т. 7, № 1 (33). С. 8.
- 3 См., например: *Лаврентьев С.* Новые основания классификации политических партий в современной России // Власть. 2012. № 3. С. 127–131 ; Политическая и партийная система современной России : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 2 октября 2009 г.) / Центр проблемного анализа и гос.-управленческого проектирования. М. : Научный эксперт, 2009.
- 4 См.: Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва. URL: <http://eg.ru/party/program/> (дата обращения: 07.06.2018).
- 5 Программа партии. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 07.06.2018).
- 6 Десять шагов к достойной жизни. Предвыборная программа КППФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html> (дата обращения: 07.06.2018).

- 7 См.: Программа партии 2016. URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf> (дата обращения: 07.06.2018) ; Предвыборная программа партии Справедливая Россия 2016. 25 справедливых законов. URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/077503.pdf> (дата обращения: 07.06.2018).
- 8 См.: Предвыборная программа партии ЛДПР 2016. URL: <http://ldpr03.ru/partiya/programma-ldpr/> (дата обращения 07.06.2018).
- 9 См.: Предвыборная программа партии «Родина». Альтернатива для народа России 2016. URL: <http://www.rodina.ru/partiya/documentsForRead/37> (дата обращения: 07.06.2018).
- 10 См.: Путин В. В. Россия : национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 12.06.2018).
- 11 Сохранение, сбережение и развитие народа российского. Программа Всероссийской политической партии «Родина». URL: <http://www.rodina.ru/partiya/documentsForRead/23> (дата обращения: 07.06.2018).
- 12 См.: Программа партии «Патриоты России». URL: <https://patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html> (дата обращения: 07.06.2018).
- 13 См.: Программа Коммунистической Партии Коммунисты России. URL: <http://komros.info/about/programma/> (дата обращения: 07.06.2018).
- 14 См.: Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму! URL: http://komros.info/literature/desyat-stalinskikh-udarov/desyat-stalinskikh-udarov_8380.html (дата обращения: 07.06.2018).
- 15 См.: Предвыборная программа Российской экологической партии «Зеленые» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ седьмого созыва 18 сентября 2016 года. URL: <http://greenparty.ru/news/1165/> (дата обращения: 07.06.2018) ; Программа Российской экологической партии «Зелёные». URL: <http://greenparty.ru/material/page/programma/> (дата обращения: 07.06.2018).
- 16 См.: Программа Политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливую жизнь». URL: <http://ppzs.ru/> (дата обращения: 07.06.2018).
- 17 См.: Уважение к человеку. Программа партии «ЯБЛОКО» на выборах депутатов Государственной Думы РФ седьмого созыва. URL: <https://www.yabloko.ru/program> (дата обращения: 07.06.2018).
- 18 См.: Предвыборная программа партии ПАРНАС. URL: <https://parnasparty.ru/news/274> ; ПАРНАС осуждает коммунистическое прошлое России и берет курс на преодоление его последствий. URL: https://parnasparty.ru/images/data/docs/589df2c551c40_Zayavlenie_Partii_spravkami.PDF (дата обращения: 07.06.2018).
- 19 См.: Платформа Демократической Коалиции РПР-ПАРНАС. URL: <https://parnasparty.ru/news/42> (дата обращения: 07.06.2018).
- 20 См.: Предвыборная программа партии «Гражданская Платформа» на выборах в Государственную Думу седьмого созыва. URL: <http://праваяпартия.рф/3566> (дата обращения: 07.06.2018).
- 21 См.: Программа партии «Гражданская Платформа». URL: <http://праваяпартия.рф/3363#r0> (дата обращения: 07.06.2018).
- 22 См.: Программа партии «Гражданская Сила» (2016). URL: http://gr-sila.ru/party/program/party_program.docx ; Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Гражданская Сила» на выборах 14 сентября 2014 года. URL: <http://gr-sila.ru/party/elprogram2014/> (дата обращения: 07.06.2018).
- 23 См.: Программные тезисы. URL: <https://rost.ru/page/manifest> (дата обращения: 07.06.2018).
- 24 См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Образец для цитирования:

Бахлов И. В., Бахлова О. В. Основы идеологии нациестроительства в современной России: подходы политических партий // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 354–362. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-354-362

Cite this article as:

Bakhlov I. V., Bakhlova O. V. Fundamentals of the Ideology of Nation Building in Modern Russia: The Approaches of Political Parties. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 354–362 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-354-362
